

Йосеф Телушкин

ЕВРЕЙСКИЙ МИР

Иосиф Телушкин

**Еврейский мир. Важнейшие
знания о еврейском народе,
его истории и религии**

«Мосты культуры»

1997

Телушкин И.

Еврейский мир. Важнейшие знания о еврейском народе, его истории и религии / И. Телушкин — «Мосты культуры», 1997

Эта книга по праву стала одной из наиболее популярных еврейских книг на русском языке как доступный источник основных сведений о вере и жизни евреев, который может быть использован и как учебник, и как справочное издание, и позволяет составить целостное впечатление о еврейском мире. Ее отличают, прежде всего, энциклопедичность, сжатая форма и популярность изложения. Это своего рода энциклопедия, которая содержит систематизированный свод основных знаний о еврейской религии, истории и общественной жизни с древнейших времен и до начала 1990-х гг. Она состоит из 350 статей-эссе, объединенных в 15 тематических частей, расположенных в исторической последовательности. Мир еврейской религиозной традиции представлен главами, посвященными Библии, Талмуду и другим наиболее важным источникам, этике и основам веры, еврейскому календарю, ритуалам жизненного цикла, связанным с синагогой и домом, молитвам. В издании также приводится краткое описание основных событий в истории еврейского народа от Авраама до конца XX столетия, с отдельными главами, посвященными государству Израиль, Катастрофе, жизни американских и советских евреев. Этот обширный труд принадлежит перу авторитетного в США и во всем мире ортодоксального раввина, профессора Yeshiva University Йосефа Телушкина. Хотя книга создавалась изначально как пособие для ассимилированных американских евреев, она оказалась незаменимым пособием на постсоветском пространстве, в России и странах СНГ.

© Телушкин И., 1997

© Мосты культуры, 1997

Содержание

Предисловие	10
Часть первая. Библия	11
1. Танах: Тора, Невийим, Ктувим	11
2. Адам и Хава. Сад Эдена	14
3. Каин и Ёвель.	15
4. Ковчег Ноаха	16
5. Патриархи: Авраам, Ицхак и Яков	17
6. Праматери: Сара, Ривка, Рахель и Лея	19
7. Сдом и Амора	21
8. Жертвоприношение Ицхака / Акедат Ицхак	22
9. «Голос – голос Якова, а руки – руки Эсава»	24
10. Яков / Израэль	25
11. Йосеф и его братья	26
12. Семь тучных лет, семь тощих лет	28
13. Двенадцать колен	29
14. Моисей / Моше	30
15. Несгораемый куст (Шмот, 3:2–3).	32
16. «Отпусти народ Мой / Шалах эт ами»	33
17. Десять казней	34
18. Переход через Красное море	35
19. Амалекетяне	36
20. Гора Синай и дарование Торы	37
21. Завет / Брит. «Все сделаем и будем слушать»	38
22. Десять заповедей / Асерет гадиброт	40
23. Золотой телец	42
24. Аарон и Мирьям	44
25. Жертвоприношения. Священники и левиты / коѓаним и левийим	45
26. «Люби ближнего своего как самого себя;	47
27. Двенадцать соглядатаев (Бемидбар, 13–14)	48
28. Мятеж Кораха	49
29. Валаамова ослица (Бемидбар, 22)	50
30. «И никто не знает погребения его до сего дня»	51
31. Ёёгошуа и иерихонские стены	52
32. Земля Кнаана. Семь народов Кнаана	53
33. Пророчица Двора	54
34. Шимшон и Длила	55
35. Шмуэль (Шмуэль I, 1–16, 28:3–19)	57
36. Шауль	59
37. Давид и Голиаф / Гольят	60
38. Давид и Йонатан	61
39. Давид и Вирсавия / Батшева	62
40. Давид и Натан. «Ты – тот человек! / Ата ѓаиш»	63
41. Давид и Авшалом (Шмуэль II, 13–19)	64
42. Шломо	65
43. Храм / Бейт ѓамикдаш	67

44. Отделение десяти северных племен, около 930 г. до н. э.	69
45. Ахав и Изевель (Млахим I, 16:29–22:40)	70
46. Пророк Илия / Элияѓу Ѓанави	71
47. Десять пропавших колен, 722 г. до н. э.	73
48. Невухаднецар, царь вавилона (604–562 гг. до н. э.)	74
49. Вавилонское пленение, 586 г. до н. э.	75
50. Исайя / Йешаяѓу. «Не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (2:4). «Свет для народов» (49:6)	76
51. Иеремия / Ирмеяѓу	77
52. Иезекииль / Йехезкель	79
53. Амос. «Пусть правосудие хлынет, как вода, и правда – как неиссякающий поток» (5:24)	80
54. Йона и кит	82
55. Михей / Миха. «Сказано тебе, человек, что добро и что Г-сподь требует от тебя: только вершить правосудие, и любить милосердие, и скромно ходить пред Б-гом твоим» (6:8)	83
56. Псалмы / Теѓилим. «Г-сподь – пастырь мой. Не будет у меня нужды» (Теѓилим, 23:1).	84
57. Испытания Иова	85
58. Рут и Наоми. «Твой народ – мой народ и твой Б-г – мой Б-г»	87
59. Екклесиаст / Коѓелет. «Суета сует, все суета»	88
60. Эстер. Мордехай. «Есть один народ... и законы у него иные... царю не стоит оставлять их»	90
61. Даниэль во рву львином. Надпись на стене	91
62. Кир Великий, царь Персии	92
63. Эзра и Нехемья. Восстановление еврейской общины в Израиле, V в. до н. э.	93
Часть вторая. Период Второго Храма. Мишна и Талмуд	94
64. Царь Сирии Антиох Епифан и империя Селевкидов (175–163 гг. до н. э.)	94
65. Маккавеи, Хашмонаим, Матитьяѓу, Йеѓуда Маккавей	96
66. Хана и ее семеро сыновей	98
67. Римляне захватывают Иерусалим (63 г. до н. э.)	99
68. Ѓилель. Золотое правило: «не делай ближнему своему того, что ненавистно тебе». «Просбуль»	100
69. Санѓедрин	102
70. Ѓордус / Ирод. (37–4 гг. до н. э.)	103
71. Йешу. Распятие. Понтий Пилат. Новый Завет	104
72. Павел	107
73. Фарисеи. Саддукеи. Ессеи. Секта Мертвого моря	108
74. Великое восстание (66–70 гг. н. э.). Зелоты	110
75. Раби Йоханан бен Закай. «Дай мне Явнэ и его ученых»	112
76. Разрушение Второго Храма. (70 г. н. э.)	113
77. Иосиф Флавий. (37–100 гг. н. э.)	114
78. Масада	115
79. Раби Акива (? – 135 г. н. э.)	117
80. Восстание Бар-Кохбы (132–135 гг. н. э.)	118
81. Брурия	120

82. Устный Закон / Тора Шебеальпэ. Письменный Закон / Тора Шебихтав	121
83. Вавилонский Талмуд, Иерусалимский Талмуд, Мишна. Раби Йеѓуда Ѓанаси, танаим, амораим	123
84. Ѓалаха, Агада, Мидраш	126
Часть третья. Раннее Средневековье. Под властью ислама и христианства	129
85. Мухаммад (571–632)	130
86. Пакт Омара. Зимми	131
87. Саадья Гаон (882–942). Геоним	132
88. Рейш-галута / экзиларх	133
89. Караимы	134
90. Каирская гениза	136
91. Золотой век испанского еврейства	137
92. Йеѓуда Ѓалеви (1080–1142). Хазары	138
93. Альмохады	139
94. Маймонид / Рамбам (1135–1204)	140
95. Запрет многоженства. Декреты раби Гершома	142
96. Раши (1040–1105). Рабейну Там (1100–1171). Ришоним	144
97. Крестоносцы	147
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Раввин Иосиф Телушкин

Еврейский мир. Важнейшие знания о еврейском народе, его истории и религии

©Мосты культуры/Гешарим

©Rabbi Joseph Telushkin

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящаю

Благословенной памяти моего деда раби Нисена Телушкина

Благословенной памяти моего отца Шломо Телушкина

Моей матери, Элен Телушкиной

Деннису Прагеру, моему доброму и верному другу

И моей жене Двойре

На одном обеде зимой 1988 г. мой друг раби Натан Лауфер, вице-президент «Векснер Херитэйдж Фаундейшн», рассказал мне о попытке профессора Е.Д. Гирша-младшего (Университет Вирджинии) определить основной круг знаний, которые позволяют американцу быть культурно грамотным. Натан заметил, что не менее важно составить свод понятий, которые должен знать каждый еврей. Эта идея так взволновала меня, что сразу же после обеда я отправился в книжный магазин и купил книгу Гирша «Культурная грамотность», прочитал ее за ночь и немедленно начал составлять свой, еврейский, список. Весь следующий месяц я выписывал на карточки встретившиеся мне термины, имена, исторические события или библейские цитаты. Я даже просмотрел указатели наиболее авторитетных еврейских справочников. Не один месяц ушел и на отбор самых важных тем. В этой работе меня поддерживали раби Герберт Фридман (президент «Векснер Херитэйдж Фаундейшн»), профессор Реувен Кимельман (Университет Брандел) и Натан Лауфер. Мы вчетвером проводили целые дни над различными списками, обсуждали, часто жарко, насколько важно человеку знать тот или иной специфический термин, чтобы должным образом понимать иудаизм и еврейский народ. Дни этих дискуссий помогли мне выработать и мои собственные взгляды на иудаизм и еврейскую историю. Кроме Натана, Герба и Реувена я весьма признателен Лесли Векснеру (основателю «Векснер Херитэйдж Фаундейшн») за обеспеченную им возможность заняться этой работой. В течение последних лет я апробировал многие из идей этой книги на семинарах, которые мне довелось проводить по поручению Фонда в Хьюстоне, Атланте, Индианаполисе, Сент-Луисе, Колумбусе, Питсбурге, Детройте, Милуоки, Миннеаполисе. Я глубоко благодарен участникам этих семинаров.

Многие друзья и коллеги великодушно согласились прочесть рукопись и высказать свои замечания и пожелания. Все это учтено в моей книге, и я счастлив возможностью публично поблагодарить их за помощь (освобождая их при этом от ответственности за опечатки и неверные толкования, которых никогда не удастся избежать до конца). Я хотел бы поблагодарить еще и раби Ирвина Кула, раби Дэвида Возница, Даниэля Тауба, раби Леви Вейман-Кельмана, доктора Дору Голд, Шарон Гиллерман, Мону Чарен, раби Хаима Меерсона, доктора Марка Стра-усса, раби Леонида Фельдмана, раби Джоэла Воловельски, профессора Давида Шаца и Беверли Маркуса Возница. Я также глубоко признателен раби Ирвину Гринбергу и доктору

Дэвиду Элькотту за предоставленную возможность в последние пять лет преподавать в образовательных семинарах для взрослых, которые Си-Эль-Эй-Эль организует по всей территории США. Очень многим я обязан и раби Гринбергу; его трактовки иудаизма глубоко повлияли на мои собственные. Во время работы над этой книгой я провел немало времени в библиотеке Еврейской теологической семинарии, представляющей собой подлинный клад знаний об иудаизме, и я весьма признателен ее сотрудникам. Когда я работал в этой библиотеке, я обычно обедал вместе с раби Вольфом Кельманом. Это были особые часы моей жизни. Его уже нет среди нас, и мне глубоко его не хватает.

Раби Михаэл Бергер проверял все библейские и более поздние источники книги и, опираясь на свои обширные знания, спорил со мной, когда не был согласен с моей интерпретацией. Его вклад обогатил эту книгу. Мой друг Давид Шони, обладающий обширными познаниями в иудаизме и превосходным редакторским пером, тщательно прошелся по всей рукописи, сделав немало стилистических поправок.

Мне хотелось бы особо поблагодарить и Уильяма Морроу, Шерри Ардена, Джейн Меару, Элизу Петрини, Соню Гринбаум, Ричарда Пайна, еще пятерых человек, чью помощь в создании этой книги трудно переоценить. Именно им всем я и посвящаю книгу «Еврейский мир».

Предисловие

В наши дни, когда евреи в США процветают, процветает и еврейское невежество. Самые основные положения иудаизма, самые важные события еврейской истории и современности либо смутно знакомы, либо неизвестны самым современным евреям. Они скорее могут рассказать вам о трех ипостасях христианской троицы, чем объяснить свое понимание еврейских мицвот. Они знают, что Колумб открыл Америку в 1492 г., но не помнят, какое событие потрясло весь еврейский мир в тот же год.

За последние пятнадцать лет я читал лекции в более чем 300 еврейских общинах в десятках штатов и видел, что многие евреи испытывают нехватку информации об основных положениях иудаизма. Мои слушатели представляли все многообразие еврейской жизни в США: реформистские, консервативные и ортодоксальные синагоги, общинные центры. Несмотря на различие этих течений иудаизма, по крайней мере в одном их потребности и желания совпадают: получить доступный источник основных сведений о вере и жизни евреев.

Именно этому я и посвятил последние два с половиной года, пока писал свою книгу. Хотя она претендует на энциклопедичность по охвату материала, ее можно читать подряд, как повествование, а не справочник. Поэтому главы расположены не в алфавитном порядке, а в исторической последовательности. Надеюсь, что, прочитав ту или иную главу, вы не только поймете историческое или ритуальное значение соответствующего термина, но у вас появится и желание применить этот термин к своей повседневной жизни.

«Еврейский мир» может быть использован и как учебник, который читают раздел за разделом, чтобы заново взглянуть на иудаизм и историю, как справочник, к которому обращаются в поисках определенного еврейского термина. Я надеюсь, что книга поможет и тем, кто никогда не получал систематического еврейского образования и часто стесняется обнаружить свое незнание вопросом о смысле того или иного термина или выражения.

В Талмуде говорится, что слова, которые идут из сердца, в сердце и попадают. Если хотя бы некоторые слова из этой книги затронут ваше сердце и заинтересуют в дальнейшем познании иудаизма, я буду ощущать себя безмерно счастливым.

*Йосеф Телушкин
Нью-Йорк*

Часть первая. Библия

1. Танах: Тора, Невиим, Ктувим

Танах – сокращение, обозначающее все три группы книг, составляющих еврейскую Библию: Тора, Невиим (Пророки) и Ктувим (Писания). Правовой еврей не называет Библию «Ветхим Заветом» – это чисто христианское наименование.

Первые пять книг Библии составляют Тору, центральный документ иудаизма. Наряду с историей праотцев, Моше и исхода из Египта они содержат 613 заповедей, основу всего позднейшего еврейского права. На иврите эти пять книг также называются Хумаш (от ивритского

слова «хамеш» – «пять»). Традиция гласит, что эти книги продиктованы Моше Б-гом примерно в 1220 г. до н. э., вскоре после исхода из Египта.

На иврите каждая книга Торы названа по своему первому или второму слову, тогда как в европейских языках названия книг Библии обобщают их содержание. Так, первая книга Торы называется у христиан Бытие, потому что ее первая глава повествует о создании мира. Это единственный случай, когда ивритское название близко к европейскому, поскольку начальное слово Торы – *Брейшиит* означает «в начале». Вторая книга на иврите Торы именуется *Шмот* (Имена), потому что начальная строка читается *Везе шмот бней исраэль* – «И вот имена сынов Израиля». В Европе эта книга озаглавлена «Исход», так как рассказывает об освобождении еврейских рабов из Египта.

Третья книга Торы – Ваикра (Левит) содержит правила жертвоприношений животных и других храмовых ритуалов, которые соблюдало израильское племя – колено левитов. Четвертая книга, Бемидбар (Числа), названа так потому, что в ее начале подсчитывается численность израильтян. Здесь также рассказывается о восстании Кораха против Моше. Последняя книга Торы – Дварим (Второзаконие). Практически вся она состоит из прощального обращения Моше к израильтянам, готовым отправиться в Землю обетованную; он знает, что ему не дано вступить в нее, но перед смертью делится своими последними мыслями с народом, основателем которого стал.

Вторая группа библейских книг – Невиим, девять книг, прослеживающих историю евреев и монотеизма с момента смерти Моше и вступления евреев в Ханаан (около 1200 г. до н. э.) до разрушения вавилонянами Первого Храма и последующего изгнания евреев из Иерусалима в Вавилон (586 г. до н. э.).

Начальные книги Невиим (Иегошуа, Шофтим, Шмуэль, Млахим) представляют собой хроникальные повествования и до сих пор принадлежат к числу самых драматичных и живых историй, какие только создало человечество. Эти книги иногда называют «Ранние пророки».

Обычно, говоря о книгах библейских пророков, евреи имеют в виду более поздние книги, написанные в поэтической форме. Они преимущественно бичуют отступления израильтян от идеалов монотеизма и нравственных заветов. Постоянная тема этих книг – размышления о зле, страдании и грехе. В русском языке главное значение понятия «пророк» подразумевает предвидение будущего; однако соответствующее слово на иврите (*нави*) означает «тот, кто говорит от имени Б-га».

Заключительные книги Танаха именуются Ктувим. Некоторые носят исторический характер: книги Езры и Нехемии, например, рассказывают о возвращении евреев в Израиль после вавилонского пленения, а I и II книги Хроник дают обзор истории евреев. Ктувим также включает Теѓилим (Псалмы) – 150 поэм, многие из которых непревзойденны по той красоте, с какой описываются здесь отношения человека и Б-га.

Книга Иова затрагивает наиболее фундаментальные проблемы религии: почему Б-г, добрый и благой по сути, допускает существование в мире такого большого количества зла (см. «Испытания Иова» и «Теодицея»)? В Ктувим входят еще и Пять Свитков (*Мегилот*), включающие Песнь Песней, книги Рут, Эйха (Кинот), Коѓелет и Эстер. Последняя из них – наверное, самая известная библейская книга, не считая Торы.

Еврейская Библия стала самой влиятельной книгой в истории человечества: и иудаизм и христианство причисляют ее к своим важнейшим религиозным текстам. Некоторые ее центральные идеи – о существовании Единого Б-га над всем человечеством, единого универсального морального кодекса, о том, что люди обязаны заботиться о бедных, вдовах, сиротах и путниках, должны отдыхать от работы один день в неделю и посвящать этот день Б-гу, что евреи – народ, избранный Б-гом, чтобы нести Его послание в мир, – изменили образ жизни человечества и его понимание смысла своего существования. Даже последняя из этих идей (избранность евреев Б-гом) сильно повлияла и на неевреев. Она оказалась настолько сильна, что ее

позаимствовало и христианство, утверждающее, что особый завет между Б-гом и Его народом перешел от евреев («Старый Израиль») к церкви («Новый Израиль»). Ислам также полагает, что Мухаммад и его последователи стали новыми посланцами Б-га (см. «Избранный народ»).

Библия влияет на образ мысли неверующих и верующих. Идея взаимной ответственности людей друг за друга, воплощенная в печально известном вопросе Каина: «Разве сторож я брату моему?» (Брейшит, 4:9), легла в основу всей западной цивилизации. Наши ценности во всех сферах жизни отражают библейские концепции и образы, даже если мы ни разу не были ни в синагоге, ни в церкви. Мы высмеиваем рьяных материалистов за «поклонение золотому тельцу» (Шмот, 32:4) и забываем, что «не хлебом единым жив человек» (Дварим, 8:3). Обращение к совести человека может оказаться «гласом вопиющего в пустыне» (Йешаягу, 40:3). «Погибели предшествует гордость», – предупреждают нас Притчи Шломо (16:18), а мудрый, просвещенный Кофелет учит: «Нет ничего нового под солнцем» (1:9). Когда мы говорим об эпидемиях, мы обычно вспоминаем о «десяти казнях египетских».

Библия настолько важна для всей европейской жизни, что когда я составил список важнейших терминов иудаизма, то оказалось, что почти пятая их часть восходит к Библии. Хотя Библия очень важна и в наши дни, мало кто сегодня читает ее. Даже многие правоверные иудеи обычно ограничиваются при чтении Танаха лишь Торой, Псалмами и Пятью Свитками. Но едва ли без знания всех основных текстов иудаизма можно считаться образованным евреем.

2. Адам и Хава. Сад Эдена

Первая глава Торы описывает сотворение мира Б-гом. Цель книги Брейшит – не научное изложение истории мира, но утверждение мысли о том, что природа, которую в древности обожествляли и ей поклонялись, создана Б-гом. В целом библейский взгляд на творение оптимистичен. Тора постоянно повторяет, рассказывая о сотворении Б-гом мира: «И увидел Б-г, что (это) хорошо» (1:10, 12, 18, 21, 31).

На шестой день творения Б-г создал первого человека, Адама, чье имя стало на иврите обозначением человека вообще. Еще Джон Мильтон заметил, что самое первое слово Б-га «нехорошо» относилось к одиночеству Адама. «Нехорошо быть человеку одному», – сказал Он, – сделаю ему подмогу, соответственную ему» (2:18). Б-г погрузил Адама в глубокий сон, взял у него «одно из ребер его» (из самого ивритского текста неясно, что именно это было, – вполне вероятно, что «ребро» тут означает «грань», «сторону», «часть сущности») и сотворил из него первую женщину, Хаву. Самая первая из 613 заповедей Торы адресована этой паре: «Плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю и овладейте ею» (1:28).

Адам и Хава обитали в раю, в месте, известном как Эденский сад. Б-г заботится обо всех их потребностях, запрещая только одно: они не должны есть плоды с дерева познания добра и зла. Хитрый и до странности болтливый змий говорит Хаве, что если она попробует плод с дерева познания, то станет столь же всезнающей, как и сам Б-г: «Но знает Б-г, что в день, в который поедите от него, откроются глаза ваши и вы будете как великие, знающие добро и зло» (Брейшит, 3:5). После небольшого колебания Хава ест плод с этого дерева (кстати, нет причин предполагать, что это было именно яблоко) – и затем уговаривает Адама также отведать его. Б-г недоволен. Он попросил эту пару выполнить лишь одну заповедь, лишил их только одной вещи во всей Вселенной, но они не послушались. Его наказание стало суровым: Адам и Хава были изгнаны из рая, они стали смертными. Адам теперь был должен в поте лица работать, чтобы обеспечить свою жизнь, а Хава – подчиняться мужу и в муках рожать детей.

В христианской теологии вся эта история с неповиновением была объявлена первородным грехом, которым отмечено с рождения все человечество. Но евреи никогда не трактовали ее подобным образом. Это, безусловно, был вызов, и, поскольку люди нарушили Б-жью заповедь, это был грех. Но мысль о том, что каждый ребенок рождается уже запятанным этим грехом, чужда иудаизму.

Несмотря на строгое наказание, Адам прожил более девятисот лет, и потомки его и Хавы постепенно заселили всю землю. Еврейская традиция подчеркивает, что все люди происходят от этой пары, это – основа убежденности Библии в том, что все люди, независимо от расы и религии, братья и сестры.

3. Каин и Гевель.

(Брейшит, 4:1–16). «Разве сторож я брату моему?»

Пожалуй, ничто лучше не выражает трезвый взгляд на природу человека, чем этот рассказ о первых в истории братьях, один из которых убивает другого. Мотивом убийства служит зависть. И Каин и Гевель приносили свои жертвы Б-гу, но Б-г был больше доволен жертвой Гевеля, потому что тот выбрал для нее самых лучших овец своего стада, а Каин (по-видимому) хотел ограничиться менее ценной жертвой. Вместо того чтобы выразить Б-гу свой протест против того, что он не принимал его жертву, Каин напал в поле на Гевеля и убил его. Потом, когда Б-г спросил: «Где Гевель, брат твой?», он нагло ответил: «Разве сторож я брату моему?»

По сути, вся Библия представляет собой утвердительный ответ на этот вопрос. «Что ты сделал? – стал бранить Каина Б-г. – Голос крови брата твоего вопиет ко Мне из земли». Используемое в оригинале ивритское слово *дмей* — форма множественного числа от слова «кровь» («крови брата твоего вопиют»), что трактуется как «его кровь и кровь его нерожденных потомков» (Мишна, Сангедрин, 4:5). С этой точки зрения практически каждый убийца – это убийца множества людей, ибо он несет ответственность не только за свою жертву, но и за ее нерожденных потомков, жизни которых он также уничтожил.

Тора неоднократно подчеркивает строгость наказания за умышленное убийство. Тогда почему Каин был осужден только на вечное изгнание – «изгнанником и скитальцем будешь ты на земле»? Скорее всего, из-за уникального смягчающего обстоятельства – ведь Каин никогда еще не видел смерти (единственными людьми помимо него были в то время лишь Адам, Хава и Гевель), поэтому и не отдавал себе отчета в том, что его агрессивные действия могут привести к смерти его брата.

Мать Каина Хава вскоре зачала еще раз и родила Шета, этим освободив человечество от сознания, что абсолютно все люди произошли от убийцы Каина.

Глубинный смысл истории о Каине и Гевеле – в том, что любое убийство, по сути, является братоубийством.

4. Ковчег Ноаха

(Брейшит, 6–8)

Как показано в предыдущей главе, взгляд Торы на природу человека довольно пессимистичен. «Помысел сердца человека зол от юности его», – говорит Б-г (8:21, та же мысль содержится в 6:5). Эти древнейшие представления о человеческой природе не имеют ничего общего с христианской концепцией первородного греха (см. «Адам и Хава»). Скорее Тора предполагает, что зло и эгоизм более естественны для человека, чем добро и альтруизм. Дети рождаются эгоистами, и любовь к ближним им следует прививать.

Во времена Ноаха (спустя десять поколений после Адама и Хавы) человечество уже было охвачено могильным разложением. Библия говорит, что Б-г так скорбел о поведении Своих созданий, что пожалел о сотворении человека. Он решил уничтожить всех людей, за исключением семьи Ноаха. Как объясняется в Торе, «Ноах был человек праведный, непорочный в поколениях своих» (6:9).

Б-г сообщает Ноаху, что пошлет большой потоп, который уничтожит всех живущих в мире существ. Но при этом очевидно, что Создатель отнюдь не желает гибели абсолютно всех. Он велел Ноаху построить огромный ковчег и погрузить на него всю семью и по паре (а в некоторых случаях и по семь) всех существующих животных. Размеры ковчега, описываемого в книге Брейшит (6:15), позволяют предположить, что он был около 170 метров длиной, 25 метров шириной и 20 метров высотой.

Наступивший потоп оказался разрушительным. В течение сорока дней и ночей не прекращался дождь, уровень воды поднялся выше самых высоких гор. Наконец дождь прекратился, вода начинает спадать. Ноах и его семья выходят из ковчега. Возрождение мира теперь начинается именно от них.

Б-г обещает больше никогда не уничтожать всю землю с помощью потопа. В знак Своего обещания Он станет посылать после дождя радуугу как напоминание о том, что мир не будет уничтожен.

Древний мир знал немало историй о разрушительном потопе, некогда уничтожившем жизнь на большей части земли. Это подтверждает наличие реальной подоплеки этого библейского рассказа. В самом знаменитом ближневосточном свидетельстве такого рода – вавилонском эпосе о Гильгамеше боги также разрушают мир посредством потопа, но не по соображениям морали, а скорее из-за шума, поднимаемого человечеством и мешающего сну богов. Только один человек, Утнапиштим, спасается благодаря богу Еа. Утнапиштим оказался его любимцем довольно случайно, а вовсе не благодаря своим моральным достоинствам. В Торе, напротив, Ноах становится любимцем Б-га именно из-за его праведности.

Однако традиционный еврейский взгляд на Ноаха тем не менее довольно суров. Ноаха часто – и не в его пользу – сравнивают с Авраамом (см. гл. 5). Когда Б-г сообщает Аврааму о намерении разрушить растленные города Сдом и Амору, этот патриарх вовлекает Всевышнего в знаменитый спор, пытаясь убедить Его отказаться от Своего приговора. Когда же Б-г поведал Ноаху о Своем намерении затопить землю, Ноах не возражал. Он строит свой ковчег, зная, что мир вскоре будет разрушен, и явно не стремится ходатайствовать за людей.

Высокая репутация Ноаха подвергается сомнению и в другом библейском рассказе, повествующем о первой в истории пьянке. Выйдя из ковчега, Ноах разводит виноградник и вскоре после этого напивается до бесчувствия (9:20–27).

5. Патриархи: Авраам, Ицхак и Яков

Три основоположника иудаизма – это Авраам, его сын Ицхак и сын Ицхака Яков.

Б-г является Аврааму и приказывает: «Уйди из страны твоей, от родни твоей и от родного дома отца твоего в страну, которую Я укажу тебе. И Я сделаю тебя народом великим...» (12:1–2). Тора нигде не объясняет, почему Б-г избрал для этой миссии Авраама. Но еврейская традиция объясняет это тем, что он был первым монотеистом со времен Ноаха. Еврейская легенда учит, что отец Авраама Терах содержал лавку по продаже идолов. Однажды, когда отец уехал и Авраама оставили в лавке, он молотом разбил всех истуканов, кроме самого большого, а затем вложил молот в руку уцелевшего идола. На вопрос рассерженного отца Авраам ответил, что большой идол рассердился на других идолов и разбил их. «Ты же знаешь, что эти идолы не могут двигаться», – закричал отец. «Если они не могут защитить сами себя, – ответил Авраам, – значит, мы выше их. Почему мы тогда должны им поклоняться?»

Б-г ясно дал понять, что ожидает от Авраама и его потомков великих дел: «Авраам ведь должен стать народом великим и могучим, и им благословятся все народы земли. Ибо Я избрал его, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя соблюдать путь Г-сподень, творя добро и правосудие» (18:18–19).

Наследием Авраама и стал этический монотеизм – вера в то, что для человечества существует единый Б-г и что Его главная забота – чтобы люди вели себя нравственно. В одном известном случае, когда Б-г, казалось бы, поступает не вполне справедливо, Авраам упрекает Его: «Неужели Судья всей земли не учинит правосудия?» (18:25; см. «Сдом и Амора»).

Трагедия всей жизни Авраама состояла в бесплодии его жены Сары. В конце концов он взял в наложницы ее прислужницу Гагар, и у них рождается сын Ишмаэль. Только через тринадцать лет Сара родила Ицхака.

Характер Авраама в Библии очерчен ясно, зато Ицхак выглядит весьма пассивной фигурой. Возможно, его «заторможенность» – результат психологической реакции на почти состоявшееся приношение его в жертву на горе Мория собственным отцом (см. «Жертвоприношение Ицхака»). Он, очевидно, не склонен к самостоятельным решениям. Жену Ривку ему находит и приводит к нему отцовский слуга Элиэзер. Именно Ривка, а не сам Ицхак приходит затем к выводу, что продолжить религиозную миссию их рода способен младший сын Яков, а не первенец Эсав. Ривка настаивает на своем, и Яков становится вождем следующего поколения.

Жизнь Якова во многом трагична. Его хочет убить брат Эсав (см. «Руки, руки Эсава»), и Яков бежит к своему дяде Лавану, влюбляется в младшую дочь Лавана Рахель, но Лаван заставляет Якова сначала взять в жены ее старшую сестру Лею. Позже Рахель, которую Яков горячо любит, умрет при родах их второго сына. Еще несколько лет спустя другие сыновья Якова продают первенца Рахели Йосефа в рабство (см. «Йосеф и его братья») и сообщают отцу, что его любимца растерзали дикие звери. Жалость к самим себе – отнюдь не характерная черта библейских героев. Но когда фараон спрашивает Якова, сколько ему лет и Яков сетует: «Немноги и злополучны были дни жизни моей» (Брейшит, 47:9) – это психологически достоверно.

Яков производит на свет 12 сыновей (от которых происходят все евреи), а также дочь. Позднее, уже после покорения Кнаана, земля Израиля делится между 12 коленами – племенами, родоначальниками которых стали сыновья Якова.

В глазах евреев патриархи – не отдаленные и смутные исторические фигуры, но часть их повседневной религиозной жизни. Молитва «Амида», которая произносится трижды в день, начинается так: «Благословен Ты, Г-сподь, Б-г наш и Б-г отцов наших, Б-г Авраама, Б-г Ицхака и Б-г Якова».

Патриархи дожили до глубокой старости – Авраам до 175 лет, Ицхак до 180, Яков до 147.

6. Праматери: Сара, Ривка, Рахель и Лея

Многим Библия неоправданно кажется книгой, ставящей женщин в неравноправное положение. Но четыре праматери иудаизма – Сара (жена Авраама), Ривка (жена Ицхака), Рахель и Лея (жены Якова) действуют ничуть не менее активно, чем их мужья. Например, Сара хотела прогнать из своего дома служанку Гагар и ее сына Ишмаэля. Авраам был очень опечален и отказывался дать свое согласие. Но тут вмешался Б-г: «Все, что скажет тебе Сара, слушайся голоса ее» (Брейшит, 21:12). Ниже Тора поясняет, что Ривка глубже прозревает характер и судьбу своих сыновей Эсава и Якова, чем ее муж Ицхак (Брейшит, 27).

Великая трагедия первой праматери Сары – ее бесплодие. Когда ангелы сообщают 99-летнему Аврааму, что его 90-летняя жена скоро родит ребенка, Сара слышит это и смеется, говоря себе: «После того, как я состарилась, будет у меня молодость? Да и господин мой стар» (18:12). Ниже Б-г говорит Аврааму: «Отчего это смеялась Сара, сказав: “Неужели я действительно рожу, ведь я состарилась?”» Характерно, что Б-г передает лишь часть слов Сары, опустив замечание о том, что Авраам также слишком стар, чтобы иметь детей. Талмуд делает из этого многозначительного умолчания Б-га вывод – ради сохранения мира между людьми иногда допустимо говорить только часть правды (Йевамот, 65б).

В память о смехе Сары ее сын и получает имя Ицхак (Ицхак – «будет смеяться»).

Вторая праматерь, жена Ицхака Ривка, славится своей чрезвычайной добротой. Когда слуга Авраама Элиэзер отправляется на поиски жены для Ицхака, он просит Б-га о знамении: «Я стою у источника воды, и дочери жителей города выходят черпать воду. Пусть же девица, которой я скажу: «Наклони кувшин твой, и я напьюсь», и она скажет: «Пей, я и верблюдов твоих напою», – ее определил Ты рабу Твоему Ицхаку» (Брейшит, 24:14). Четырьмя стихами ниже, к великой радости Элиэзера, именно такой ответ и даст Ривка.

Благословение, которым проводила семья Ривку, когда она отправилась с Элиэзером к Ицхаку: «Сестра наша! Да станешь ты (через своих потомков) тысячами десятков тысяч», – по сей день произносится раввинами на еврейских свадьбах.

Сын Ицхака и Ривки Яков становится третьим патриархом, а его первые две жены Лея и Рахель – третьей и четвертой праматерями. Хотя Рахель много лет страдала бесплодием и умерла при родах своего второго сына Биньямина, все-таки менее счастливой кажется жизнь Леи. Библия отмечает, что Рахель «красива станом и красива видом», сообщая в то же время о «слабых глазах» ее сестры (Брейшит, 29:17). Хотя не вполне ясно, что означает последнее, мы знаем, что Яков не имел желания жениться на Лее. Рахель была единственной женщиной, которую он любил. Однако во время свадебной церемонии отец Леи Лаван закрыл ее лицо густой вуалью, и к тому моменту, как Яков понял, что перед ним другая сестра, он был уже женат. Недели позже Яков берет Рахель в качестве второй жены. Тора всеми средствами подчеркивает, как сильно страдала Лея, сознавая себя нелюбимой женой. Каждый раз, рожая ребенка, она надеялась, что отношение Якова к ней изменится. Когда появился старший сын Реувен, она заявила: «Теперь будет любить меня мой муж» (Брейшит, 29:32). Но эта надежда, очевидно, не сбылась, потому что после рождения следующего сына она сказала: «Г-сподь услышал, что я нелюбима, и дал мне и этого». При рождении третьего она все еще надеется: «Теперь-то муж мой прильнет ко мне, ибо я родила ему трех сынов», когда родился четвертый сын, она или уже почувствовала себя любимой, или полностью отчаялась, потому что сказала лишь: «Сей раз я восхваляю Г-спода». Неудивительно, что сыновья Леи невзлюбили первенца Рахели, Йосефа.

Рахель умирает при рождении Биньямина, по дороге в Бейт-Лехем, неподалеку от Рамы. В еврейской традиции она стала воплощением материнской любви. Когда в 586 году до н. э. был разрушен вавилонянами Храм и изгнанные евреи проходили мимо ее могилы, пророк

Ирмеяѓу произнес: «Слышится голос в Раме, вопль (и) горькое рыдание: Рахель оплакивает сыновей своих; не хочет она утешиться в детях своих, ибо не стало их» (Ирмеяѓу, 31:15).

Свидетельством непреходящего значения патриархов и праматерей служит тот факт, что их имена – Авраам, Ицхак, Яков, Сара, Ривка, Рахель и Лея – остаются самыми употребительными именами, которые дают еврейским детям.

7. Сдом и Амора (Брейшит, 18:16–19:38)

Названия городов-близнецов Сдома и Амору сегодня ассоциируются прежде всего с человеческим пороком во всех его проявлениях. Однако при чтении Библии оказывается, что в тексте отмечены всего два греха их жителей: крайнее негостеприимство и гомосексуальное насилие (отсюда и современное значение слова «содомия»).

Когда к племяннику Авраама, Лоту, пришли путники, чтобы провести там ночь, сдомиты окружили его дом и стали требовать, чтобы Лот выдал путников, «и мы познаем их». На языке Библии слово «познать» означало и «вступить в сексуальные отношения». Для нас отвратительно, что Лот, единственный более или менее приличный человек в городе, пытается откупиться от сдомитов, предлагая им на поругание собственных невинных дочерей. Путники, которыми были Б-жи ангелы, на время ослепляют сдомитов.

История Сдома не раз упоминается в Библии. Некоторые пророки называют и другие грехи сдомитов, о которых не говорится в книге Брейшит. Например, Иехескель поясняет, что «беззаконие» Сдома – в «гордости, пресыщении хлебом, праздности», нежелании поддержать «руки бедного и нищего» (16:49–50). В Талмуде Сдом также стал синонимом эгоизма и жестокости: по преданию, в Сдоме и близлежащих городах действовал запрет давать пищу странникам. Когда мягкосердечная девушка пожалела голодного путника и дала ему хлеба и воды, возмущенные жители ее связали, обмазали нагое тело медом с головы до пят и выставили возле улья, чтобы пчелы зажалили ее до смерти. Другая легенда повествует, что сдомиты «щедро» одарили путников золотом с вытесненными на слитках собственными именами, но затем отказались что-либо продавать на них. Когда несчастный путник умирал от голода, жители собирались возле трупа, забирали свои слитки золота и делили между собой одежду странника.

Хотя Сдом и Амора были печально знамениты своей жестокостью, Авраам стремится переубедить Б-га, когда он делится с ним Своим намерением разрушить эти города. Авраам спрашивает: «Может быть, есть пятьдесят праведников в этом городе?.. Неблагопристойно Тебе делать подобное, чтобы погубить праведного (вместе) с нечестивым... Неужели Судья всей земли не учинит правосудия?» (Брейшит, 18:25). Похоже, Авраам защищал и нечестивых: иначе бы он попросил пощадить только праведных. Но Авраам просит Б-га пощадить всех обитателей этих городов потому, что там может оказаться и несколько праведников.

Это первый случай спора человека с Б-гом, открывающий длинную череду подобных споров, характерных для Библии и иудаизма в целом. Сотни лет после Авраама псалмопевец с гневом и болью взывает к Б-гу: «Пробудись, почему спишь Ты, о Г-споди?.. Почему скрываешь Ты лицо Свое, забываешь бедность нашу и угнетенность нашу?» (Теѓилим, 44:24–25; Хавакук, 1:2 и книга Иова, где пророки и праведники вопрошают Г-спода о путях Его). Стремление противостоять Всемогущему исходит из веры в то, что Б-г, как и люди, несет на Себе личную ответственность и заслуживает критики, когда не выполняет Своих обязательств.

Авраам убеждает Б-га спасти Сдом и Амору, если в них найдется хотя бы 50 праведников. Б-г соглашается, после чего Авраам начинает «торговаться» с Ним, прося пощадить город, если там будет 45, 40, 30, 20 и, наконец, только 10 праведников. Б-г каждый раз соглашается на каждое предложение Авраама. Только когда становится ясно, что, помимо семьи Лота, все население городов порочно, Б-г решается на их уничтожение.

Несколько лет назад некоторые израильские предприниматели в сфере туризма предложили превратить современный город Сдом в туристическую «Мекку», устроив тут казино, ночные клубы и даже стриптиз. Главный раввинат Израиля резко выступил против, предупредив, что ничто не помешает Б-гу разрушить город во второй раз. От плана пришлось отказаться.

8. Жертвоприношение Ицхака / Акедат Ицхак

Средоточие христианства – готовность Б-га во имя спасения человечества принести в жертву человека, который, по вере христиан, был Его сыном; ключевое событие для иудаизма – готовность Авраама во имя Б-га принести в жертву родного сына. Лишь в последний момент Б-г останавливает Авраама. Об этом часто забывают, потому что Акедат Ицхак обычно переводится как «жертвоприношение Ицхака», а не дословно, как «связывание Ицхака». Между тем смысл всей этой истории в том, что человеческого жертвоприношения Б-г не хочет.

Ицхак родился, когда Аврааму исполнилось сто лет, а Саре было девяносто. Б-г уверяет Авраама, что в Ицхаке «наречется род тебе» через его потомков; но вдруг без всяких объяснений велит Аврааму привести Ицхака на гору Мория и принести его в жертву. Авраам спорил с Б-гом, когда Он сообщил о Своих намерениях уничтожить Сдом и Амору (см. гл. 7), здесь он покорно принимает повеление Б-га.

На утро следующего дня Авраам отправляется в трехдневный путь. На горе он строит жертвенник, привязывает к нему Ицхака и поднимает нож, чтобы убить сына. Но вдруг ангел Г-спода обращается к нему: «Авраам! Авраам!.. Не заноси руки твоей на отрока и не делай ему ничего».

Лаконичный библейский рассказ оставляет читателя с трудной дилеммой. Иудаизм рассматривает Авраама как самого первого еврея и идеал праведника. Однако если любой современный еврей услышит об отце, который собирается принести своего сына в жертву Б-гу по Его просьбе, то позаботится, чтобы такой человек был отправлен в сумасшедший дом. Как же в таком случае относиться к Аврааму, чьи действия выглядят для нас аморальными и безумными?

Эта проблема, конечно, скорее надуманная, чем реальная.

Если сегодня мы считаем жертвоприношение ребенка, мягко говоря, аморальным, то именно потому, что это запрещено Библией, а не потому, что это самоочевидно. Тысячелетиями в самых разных обществах по всему миру практиковались человеческие жертвоприношения (обычно чтобы завоевать расположение богов и гарантировать обильный урожай). Столетия после Авраама царь Моав, придя в отчаяние от невозможности предотвратить победу израильтян, взял «сына своего первенца, который должен был стать царем после него, и принес его во всеожжение» (Млахим II, 3:27).

И когда Б-г потребовал принести в жертву Ицхака, Авраам был, вероятно, больше удручен, чем удивлен – ведь ему неоткуда было в то время узнать, что людям не следует приносить в жертву своих детей; и конечно, он слышал, что его соседи так делают. Новым в этой истории поэтому было не то, о чем Б-г попросил вначале, а то, что Он заявил в конце о своем нежелании человеческих жертв. Таким образом, Авраам достоин хвалы за то, что не отказался принести Б-гу в жертву самое для себя ценное; однако, как совершенно очевидно из текста, не нужно буквально следовать ему.

Эта история проникла в западное сознание под неточным названием «жертвоприношение Ицхака». Самой знаменитой работой из написанных на эту тему стал «Страх и трепет» протестантского теолога XIX в. Серена Кьеркегора. Кьеркегор любил молодую женщину по имени Регина Олсен, но опасался, что их брак будет отвлекать его от служения Б-гу, и разорвал помолвку. Почти сразу после этого Кьеркегор и написал свою работу. Не нужно особой прозорливости, чтобы увидеть, что Кьеркегор принес свою собственную жертву в виде Регины, подражая жертвоприношению Авраама. Но сколь бы блестящим ни было описание Кьеркегором душевных мук Авраама за время трехдневного – показавшегося бесконечным – путешествия к горе Мория, «Страх и трепет» почти игнорирует кульминацию этой истории. Мартин Бубер

верно заметил, что Кьеркегор «возвышенно, но неправильно понимает Б-га... Б-г хочет, чтобы мы пришли к Нему с помощью Регины, которую он создал, а не посредством отказа от нее».

Отказ Б-га от жертвы Ицхака – по сути, первое известное в истории осуждение человеческих жертвоприношений. В этой истории бросается в глаза и отсутствие матери Ицхака, Сары. Что чувствовала она, когда Авраам повел их сына на жертву? Знала ли она об этом? А может, Авраам ушел из дома, не сказав, куда идет? Какой была реакция Сары, когда муж и сын вернулись и Авраам рассказал, что произошло? В Библии есть только слабый намек на то, что Сара была вне себя. Когда Авраам спустился с горы вместе с Ицхаком (можно догадываться о состоянии его рассудка в этот момент), они отправились в Беер-Шеву, «и жил Авраам в Беер-Шеве» (Брейшит, 22:19), а семью стихами ниже читаем, что «Сара умерла в Кирьят-Арбе» и пришел Авраам (по-видимому, из Беер-Шевы) «скорбеть по Саре и оплакивать ее» (23:2). Возможно, когда Сара узнала, что именно сделал ее муж, она решила жить отдельно от него?

Понятие *акеда* стало в еврейской жизни очень важным: оно символизирует готовность евреев, если необходимо во имя Б-га, приносить в жертву свою семью и собственную жизнь. Средневековые евреи иногда убивали детей, жен и самих себя, чтобы избежать крещения (см. «Крестоносцы»), и считали себя поступающими по примеру Авраама. В отличие от него они, к сожалению, были вынуждены идти на жертвоприношение до конца.

9. «Голос – голос Яакова, а руки – руки Эсава» (Брейшит, 27:22)

Один из самых проблематичных с моральной стороны эпизодов Торы – обман Яаковом своего слепого отца Ицхака. Ицхак больше любил старшего, Эсава, первым из двух близнецов-братьев вышедшего из чрева матери. Жена Ицхака, Ривка, больше любила младшего, Яакова. Однажды она услышала, как Ицхак велел Эсаву пойти на охоту и приготовить ему мясо, а он за это даст сыну особое благословение: считалось, что сын, первым получивший благословение отца, станет его преемником.

Как только Эсав ушел из дома, Ривка зарезала и приготовила козленка, послав Яакова с этим кушаньем в комнату отца. Чтобы руки Яакова напоминали волосатые руки его брата, мать надела на них шкуру козленка. Ицхак был удивлен быстротой возвращения сына с охоты и спросил, неужели действительно перед ним Эсав. Яаков ответил утвердительно. Все еще не веря, Ицхак просит сына подойти и ощупал его кожу, сказав: «Голос – голос Яакова, а руки – руки Эсава». Утвердившись наконец, что перед ним Эсав, Ицхак дает Яакову благословение, предназначавшееся его брату Эсаву.

Чуть позже возвращается Эсав, неся отцу вкусную еду. Но на долю Эсава теперь осталось куда менее важное благословение. Он приходит в ярость и замысливает убить Яакова. Ривка немедленно отправляет любимого сына в дом своего брата Лавана.

Наиболее головоломный аспект данной истории – уверенность Ицхака в своем бессилии отнять благословение у Яакова и вернуть его Эсаву. В Торе не объясняется, почему благословение, полученное обманом путем, не может быть возвращено «законному владельцу». А если бы благословение заполучил кто-нибудь из слуг Ицхака, а не Яаков? Отказ Ицхака отобрать благословение вместе с добрыми пожеланиями, которые он высказал Яакову перед его отъездом, оставляет впечатление, что он каким-то образом все же признавал превосходство Яакова и его большую пригодность для продолжения родовой веры и традиций.

Следует отметить, что Яаков имел все основания притязать на благословение. За несколько лет до этого Эсав продал ему свое право первородства, принадлежавшее Эсаву от рождения (25:29–34).

Однако Тора все же колеблется во мнении относительно обмана Яаковом своего отца. Когда Яаков влюбляется в свою кузину Рахель и собирается на ней жениться, его дядя Лаван обманывает его самого, подставляя племяннику свою старшую дочь Лею, скрытую густой вуалью (29:20–26; см. «Праматери»). Многие комментарии отмечают, что как Яаков обманул отца, так и его самого обманули. Еще позже Яакова обманут его десять сыновей, которые убедят его, что одиннадцатый сын, Йосеф, убит дикими зверями (37:31–35).

10. Яков / Израэль (Брейшит, 32:28–29)

Для Библии и вообще для еврейской жизни нет ничего необычного в том, что людям через некоторое время даются новые имена. Хотя почти всю жизнь Авраама звали Авраам, потом его имя было изменено в знак того, что «Я сделаю тебя отцом множества народов» (Брейшит, 17:5). Даже сегодня, когда человек серьезно заболевает, его ивритское имя иногда меняют, чтобы ангелу смерти было труднее найти свою жертву. Иногда к имени больного добавляется еще имя Хаим, на иврите означающее «жизнь».

Однако никакое изменение имени не было столь значительным и необычным, как в случае Якова. Когда он возвращался от своего дяди Лавана, брат Эсав направился ему навстречу в сопровождении четырехсот человек. Патриарх очень испугался; он не мог забыть, что, когда они в последний раз встречались с братом, Эсав замыслил убить его в отместку за обман при получении благословения (см. гл. 9).

Когда Яков заснул, на него набросился ангел в образе человека. Яков боролся с ангелом, и, хотя это духовное существо повредило ему бедро, Якову удалось схватить ангела и не выпускать до тех пор, пока тот не дал ему благословения. Ангел наградил Якова дополнительным именем Израэль – «Ты боролся с Б-гом и с людьми и победил» (32:29).

С этого момента патриарх попеременно именуется и Яков, и Израэль, а всех евреев, происходящих от двенадцати сыновей Якова, в конце концов стали называть *Бней Израэль*, сыны Израиля.

11. Йосеф и его братья (Брейшит, 37:39–50)

Библейское описание юности Йосефа не претендует на введение к биографии героя. Йосеф – попросту избалованный ребенок, постоянно использующий преимущества любимца родителей. Когда десять его старших братьев работают, он разгуливает в роскошном многоцветном одеянии, а пообщавшись с братьями, «ябедничает» их отцу Якову об их разнообразных проделках.

Йосеф еще и фантазер. В своем самом знаменитом сне он видит, как солнце, луна и одиннадцать звезд склоняются перед ним, – не слишком тактичный намек на положение, которое он займет когда-нибудь в своей семье. Неудивительно, что братья, наслушавшись таких фантазий, ненавидели и презирали его.

Некоторые детали этой истории вызывают недоумение – особенно поведение Якова, который столь открыто выделял Йосефа, возмутив его братьев. Что двигало Яковом?

Йосеф был старшим сыном Рахели, самой любимой из четырех жен Якова. Ее смерть при рождении младшего брата Йосефа, Биньямина, возможно, и послужила причиной неприязни Якова к этому малышу и тем самым сделала Йосефа единственным объектом отцовской любви. Знаменитые (или, точнее, пресловутые) «разноцветные одежды», подаренные отцом Йосефу, явно ассоциируются с одеждой молодой женщины. Возможно, Яков стремился воссоздать этим образ Рахели. Мид-раш говорит и о том, что Йосеф завивал свои волосы и красил брови (Брейшит раба, 84:7). Возможно, Йосеф в конце концов возненавидел то, как Яков его воспитывал, иначе трудно объяснить его поведение в Египте. За 22 года своего пребывания там, будучи близок к фараону, он и не пытается связаться с отцом и сообщить Якову, что он жив. Возможно, этот «любимчик» имел свои претензии к отцу, который любил сына глубоко, хотя и не мудро (см. также Шабат, 10б).

Самое ужасное в истории об Йосефе – месть, которую обрушили на него братья. Они продали Йосефа в египетское рабство, сказав отцу, что Йосефа растерзали дикие звери, и затем продолжали жить без особых проблем, хотя отец пребывал в постоянной скорби.

В отрыве от семьи, среди иноверцев Йосеф в конце концов добивается высокого положения, а избалованный ребенок становится в высшей степени порядочным и нравственным человеком. Жена его хозяина Потифара хочет переспать с ним, но Йосеф отказался. «Отказался» на иврите *вайемаен*: когда эта часть Торы поется в синагоге, здесь берут редкую музыкальную ноту (*шалышелет*), которая длится секунд пять, и фраза «Но он (Йосеф) отказался» поется так долго, чтобы показать – отказ был процессом длительной борьбы. Оскорбленная пренебрежением, жена Потифара жестоко мстит Йосефу. Она рассказывает мужу, будто Йосеф хотел овладеть ею, и Потифар бросает его в тюрьму. Есть основания подозревать, что Потифар понимал, что его жена лжет, хотя в Библии об этом ничего не говорится. Можно ли вообразить, чтобы раб на американском Юге, обвиненный в попытке изнасиловать свою госпожу, был наказан только тюремным заключением? Потифар, скорее всего, усомнился в правдивости жены, но рассудил, что его честь сильно пострадает, если об этом узнают.

В тюрьме Йосеф успешно толкует сны – сначала своих товарищей по тюрьме, затем – самого фараона (см. гл. 12). В итоге этот дар делает Йосефа вторым лицом в государстве.

Страшный голод в Кнаане вынуждает братьев Йосефа идти за пропитанием в Египет. Они приходят в царские закрома, там Йосеф узнает их, но братья его не признали – что неудивительно: Йосефу было 17 лет, когда его продали в рабство, теперь же ему 39 и он говорит с ними по-египетски через переводчика.

Он проверяет, раскаялись ли братья в причиненном ему зле. Классический «тест на раскаяние» – посмотреть, как человек будет себя вести, попав в такую же ситуацию, в которой он раньше совершил проступок (см. «Раскаяние / Тшува»). Йосеф прячет свой серебряный кубок среди вещей Биньямина, велит арестовать всех одиннадцать братьев, а затем говорит им, что они могут вернуться в Страну Израиля свободными и нагруженными продовольствием – но при условии, что «вор» Биньямин останется в Египте как раб. Братья отказываются бросить Биньямина, и Йеѓуда просит, чтобы в рабство вместо младшего брата взяли его самого. Тут Йосеф не выдерживает, уединяется со своими братьями и с плачем говорит: «Я Йосеф, брат ваш» (45:4).

В Библии конфликтуют между собой четыре группы братьев – Каин и Ѓевель, Ицхак и Ишмаэль, Яков и Эсав, Йосеф и его братья, но только в последнем случае достигается полное и искреннее примирение, своего рода нравственный апофеоз. Ведь Каин убивает Ѓевеля; Авраам изгоняет Ишмаэля, чтобы он не оказывал дурного влияния на своего младшего брата Ицхака (после чего братья лишь однажды видятся на похоронах отца); Эсав хочет убить Якова, и когда братья встречаются 20 лет спустя, то хотя они и мирятся, но больше никогда не видятся друг с другом; наконец, Йосеф и его братья: «Я Йосеф», – открывается им он, и вскоре они переезжают из Кнаана в Египет, чтобы жить вместе с ним.

Спустя 4000 лет появился своеобразный постскриптум к этой истории: ни одного Папы Римского так не любила еврейская община, как Иоанна XXIII. (Его мирское имя – Иосиф Ронкалли.) В октябре 1960 г., уже проведя на папском престоле около двух лет, он попросил о встрече с верующими еврейскими лидерами. Когда они вошли в комнату, первыми словами Иоанна XXIII были: «Я Йосеф, брат ваш».

12. Семь тучных лет, семь тощих лет **(Брейшит, 41)**

Возвышение Йосефа в Египте произошло благодаря его исключительному дару толкования снов. По иронии судьбы именно его детские сны и грезы навлекли на Йосефа ненависть братьев и все последующие злоключения – особенно те два сна, из которых он заключил, что когда-нибудь братья склонятся перед ним и станут почитать его (37:5–11). В Египте Йосеф продолжает толковать сны – но уже других людей, и его предсказания удивительным образом сбываются.

Однажды ночью фараон увидел тревожный сон – «он стоит у реки... из реки выходят семь коров, хороших видом и тучных плотью, и паслись в тростнике. (Но)... семь других коров... худых видом и тощих плотью... стали подле тех (первых)... и съели... семь коров хороших видом и тучных» (Брейшит, 41:1–4). Фараон пробудился и снова заснул, и увидел, как семь здоровых колосьев пшеницы были поглощены семью же тощими и опаленными ветром колосьями.

Наутро фараон, очень взволнованный, рассказал свои сны гадателям и мудрецам, но никто не сумел растолковать их. Ему сообщили о талантливом толкователе снов, молодом еврейском рабе, сидящем в тюрьме. Йосефа позвали, и он объяснил: «Сон фараона один: что Б-г делает, то Он возвестил... Семь коров хороших – это семь лет, и семь колосьев хороших – это тоже семь лет: это один сон. И семь коров тощих и худых, вышедших за ними, это семь лет, и семь колосьев пустых... это будут семь лет голода... наступают семь лет большого урожая по всей земле Египетской. И настанут после них семь лет голода; и... истощит голод страну... А что повторился сон фараону дважды, это потому, что верно это дело от Б-га, и что Б-г вскоре исполнит сие» (41:25–32). Йосеф посоветовал фараону накопить за семь урожайных лет зерна и убрать его в хранилища, подготовясь заранее к голодным годам.

Фараон высоко оценил как толкование сна, так и мудрые советы Йосефа и назначил его руководителем всех мероприятий по спасению Египта во время голодных лет. «Только престолом (своим) я буду больше тебя», – обещал он Йосефу (41:40).

Выражение «семь тучных лет и семь тощих лет» вошло в число еврейских идиом, обозначающих благополучие, за которым следуют несчастья, или богатство, которое сменяется бедностью. В недавние времена «семью тучными годами» часто считали 1967–1973 гг. – время успешного развития Израиля после его победы в Шестидневной войне, а период после 1973 г., начиная с Войны Судного дня – «тощими годами».

13. Двенадцать колен

Как все человечество произошло от Адама и Хавы, так и все евреи (кроме новообращенных в иудаизм) произошли от патриархов. Авраам и Сара имели одного сына, Ицхака, который, в свою очередь, передал традиции монотеизма одному из своих детей – Якову. Яков имел двенадцать сыновей от четырех жен, и потомки каждого из них образовали отдельные племена – «колена». Это шестеро сыновей от его первой жены Леи (Реувен, Шимон, Леви, Йеѓуда, Исахар и Звулун); двое от Рахели (Йосеф и Биньямин), двое от Зилпы: Гад и Ашер, и двое от Били: Дан и Нафтали (Брейшит, 35:23–26).

За столетие египетского плена (см. гл. 14) евреи сохраняли свое племенное деление. Йеѓошуа (Иисус Навин) делит землю Кнаана на отдельные участки для каждого племени. Потомки Йосефа получают вдвое больше земли, а два этих племени получают названия по именам двух его сыновей – Эфраима и Менаше. Одно колено – левиты – совсем не получило земли для проживания, хотя левитам было отведено несколько городов. Им отводилась роль духовных учителей для прочих колен, каждое из которых облагалось налогом на содержание левитов.

После смерти царя Шломо еврейское государство распадается надвое: десять колено образуют Израильское царство, а оставшееся (не считая левитов) колено Йеѓуды – Иудейское царство. В 722 г. до н. э. ассирийцы покоряют Израиль, угнав и рассеяв его население. Дальнейшая судьба десяти колен неизвестна. Поэтому все современные евреи произошли либо от левитов (или от рода внутри этого колена – священников коганим), либо от колена Йеѓуды (см. «Десять потерянных колен», «Отделение северных колен», «Священник, левит, израильтянин»).

14. Моисей / Моше

Моше – одна из ключевых фигур Торы. Действуя от имени Б-га, он выводит евреев из рабства, насылает на Египет десять казней, возглавляет в течение сорока лет скитающихся по пустыне евреев, приносит им закон с горы Синай и готовит их к вступлению в страну Кнаан. Собственно, в четырех последних книгах Торы кроме Моше больше ни о чем не говорится (не считая самих законов).

Моше родился в период пребывания евреев в египетском плену, в тот страшный момент, когда фараон приказал утопить всех еврейских младенцев мужского пола. Его мать Йохевед, желая сохранить сыну жизнь, пускает его в корзине по Нилу. Плач ребенка слышит дочь фараона, жалеет его и усыновляет (Шмот, 2:1–10). Конечно, будущий освободитель евреев не случайно воспитывается как египетский царевич. Если бы Моше рос в рабстве вместе со своими соплеменниками, у него никогда бы не развились гордость, мудрость и смелость, необходимые, чтобы возглавить восстание.

Тора сообщает лишь о трех событиях жизни Моше до того, как Б-г избирает его пророком. Юноша Моше возмущается, увидев, как египетский надсмотрщик бьет еврейского раба, и убивает надсмотрщика. На следующий день он хочет примирить двух дерущихся евреев, но «неправый» из них обижается и говорит: «Кто поставил тебя начальником и судьей над нами? Не думаешь ли убить меня, как убил египтянина?» Моше тотчас же понимает, что он в опасности; ведь хотя высокий статус и защищает его от наказания за убийство простого надсмотрщика, но убийство человека, исполнявшего свои обязанности перед фараоном, может быть истолковано как мятеж против царя. Действительно, фараон приказывает убить Моше, и он бежит в страну Мидьян. Моше явно желал тихо отсидеться, но тут же оказался втянутым в другой конфликт. Семеро дочерей мидьянского жреца Реуэля (которого называли еще и Итро) оскорблены пастухами, и Моше встал на их защиту (Шмот, 2:11–22).

Все три случая, конечно, взаимосвязаны – везде Моше обнаруживает глубокое, почти навязчивое стремление встать на сторону справедливости. Более того, он защищает не только своих. Он вмешивается и когда нееврей угнетает еврея, и когда дерутся два еврея, и когда неевреи угнетают других неевреев.

Моше женится на Ципоре, одной из дочерей мидьянского жреца, и становится пастухом стада своего тестя. Однажды, когда он со стадом удалился в пустыню, ему явился ангел Г-спода в виде горящего, но не сгорающего куста. Символика этого чуда очень показательна: в мире, где обожествлялась природа, Б-г показал, что Он сильнее ее.

Однажды Б-г приказывает Моше – как тот этому ни противился – отправиться в Египет, и вместе со своим братом Аароном он предъявляет фараону простое, но перевернувшее весь мир требование: «Отпусти народ мой». Фараон отказывает просьбе Моше, пока Б-г не насылает на Египет десять казней и сыны Израиля не уходят оттуда.

Несколькими месяцами позже, в Синайской пустыне, Моше взбирается на гору Синай и спускается с нее с Десятью заповедями. Но за время его отсутствия израильтяне предались оргиям и поклонению золотому тельцу. Этот эпизод очень показателен: евреи сохраняют верность Б-гу или Моше, лишь когда Б-г или Моше предпринимают для этого специальные усилия. Иначе сыны Израиля возвращаются в аморальное, доморальное состояние, иногда занимаясь и идолопоклонством. Словно настоящий отец, Моше сердится на евреев, когда они грешат, но никогда не отказывается от них – даже когда это делает Б-г. На гневное обещание Б-га в один из таких случаев уничтожить всех евреев и произвести от Моше другой народ, он отвечает: «(Тогда) сотри и меня из книги Твоей» (Шмот, 32:32).

Закон, который Моше принес евреям, намного шире Десяти заповедей. Помимо многих ритуальных правил, евреям предписывается любить Б-га, равно как и трепетать перед Ним,

любить ближних, как самих себя, и любить чужеземцев (т. е. живущих среди них неевреев) – тоже как самих себя.

Вероятно, самое грустное событие в жизни Моше – то, что Всевышний запретил ему вступить в Страну Израиля. Причина запрета отчетливо связывается с эпизодом в книге Бемидбар, когда евреи гневно требуют от Моше обеспечить их водой. Б-г велит Моше собрать всех и сказать «скале пред глазами их, чтоб дала она из себя воду». Раздраженный постоянными жалобами и плачем евреев, Моше говорит им: «Слушайте же, непокорные, из скалы ли этой нам извлечь для вас воду?» Затем он дважды ударяет по скале своим посохом, и вода вырывается наружу (Бемидбар, 20:2–13). Именно этот эпизод неповиновения самого Моше – удары по скале вместо слов (как повелевал Б-г) – обычно приводится для объяснения того, почему Б-г наказал Моше и запретил ему вступать на землю Израиля. Однако это наказание столь несоизмеренно проступку, что настоящая причина Б-жьего запрета явно лежит глубже. Скорее всего, как считает профессор Университета в Беркли Якоб Милгром (развивая идеи раби Хананьэля и Нахманида), что проступок Моше состоит во фразе «из скалы ли этой нам извлечь для вас воду?», точнее – в слове «нам», подразумевающим, что именно Моше и его брат Аарон, а не Б-г сотворят чудо. В книге Бемидбар сказано, что, когда десять из двенадцати соглядатаев (см. гл. 27) возвратились из Кнаана и мрачно предсказали, что евреи никогда не смогут завладеть этой землей, израильтяне стали бранить Моше. И он, видимо, «сорвался»: «И пали Моше и Аарон на лица свои пред всем собранием общины сынов Израилевых» (Бемидбар, 14:5). Два соглядатая, Йефощуа (Иисус Навин) и Калев, отвергли выводы большинства, «разорвали одежды свои» и стали увещевать евреев, что «земля эта очень, очень хороша» (Бемидбар, 14:7). Позже, когда Моше произносит свои последние наставления израильтянам, он вспоминает об этом случае: «И услышал Г-сподь голос речей ваших, и разгневался, и поклялся, сказав: «Никто из людей этих, из этого злого рода, не увидит доброй земли, которую Я поклялся отдать отцам вашим...» и на меня прогневался Г-сподь за вас, говоря: «И ты не войдешь туда. Йефощуа бин Нун, стоящий перед тобою, он войдет» (Дварим, 1:34–38).

Несмотря на два этих печальных случая, Моше произвел своим монотеизмом такое сильное впечатление, что в последующие 3000 лет евреи никогда не путали посланника с автором этого послания. Философ Вальтер Кауфман заметил: «В Греции герои прошлого считались отпрысками богов и детьми богинь... в Египте фараон считался божественным»; но несмотря на все почитание евреями Моше – «и не было более пророка в Израиле, как Моше» (Дварим, 34:10) – ни один из еврейских мыслителей никогда не считал Моше кем-то большим, нежели человек.

15. Несгораемый куст (Шмот, 3:2–3).

«Я Сущий, который пребудет / Эѓе ашер эѓе» (Шмот, 3:14)

Еще во время своего пребывания в Мидьяне Моше зарабатывал на жизнь, став пастухом своего тестя. Однажды из огня, охватившего купину – куст терновника, перед ним предстает ангел Г-сподень. Моше с испугом смотрит на куст, который горит, но не сгорает от пламени. Когда он подошел поближе, чтобы рассмотреть чудесное зрелище, Б-г «воззвал к нему» из купины: «Моше! Моше!», на что он отвечает: «Вот я». Это была первая встреча Моше с Б-гом.

Через тысячу с лишним лет спустя язычник спросил у еврейского мудреца: «Почему Б-г выбрал для своего появления куст?» Мудрец ответил: «Если бы Он выбрал рожковое дерево или сикамору, ты бы задал тот же вопрос. Однако было бы неправильно отпустить тебя без ответа, поэтому я скажу тебе, почему это был куст: чтобы показать тебе, что нет такого места, где бы ни присутствовал Б-г, пусть даже это будет убогий куст» (Шмот раба, 2:5).

Горящий, но не сгорающий куст напоминает прежде всего о начальных главах Брейшит, где Б-жественность Г-спода проявляется через Его уникальную способность творить природу и управлять ею. Сам куст стал популярным символом выживания евреев – народа, который буквально сжигался своими врагами, но продолжал жить.

Завладев столь ярким образом вниманием Моше, Б-г сообщает ему, что хочет, чтобы Моше отправился в Египет, выступил против фараона и вывел оттуда еврейских рабов. Моше неоднократно возражает: «Кто я, чтобы мне идти к фараону и чтобы я вывел сынов Израиля из Египта?» (Шмот, 3:11). Но чем дольше Моше отказывается, тем сильнее Б-г настаивает. Один раз Моше сказал Б-гу: «Вот приду я к сынам Израиля и скажу им: «Б-г отцов ваших послал меня к вам». А скажут мне они: «Как Ему имя?» Что сказать мне им? И сказал Б-г Моше: «Эѓе ашер Эѓе...» так скажи сынам Израиля, Эѓе послал меня к вам».

Имя из трех слов, которым назвал себя Б-г, нелегко перевести. Наиболее точный перевод будет: «Я буду, кем Я буду», хотя иногда переводят и: «Я есть, кто Я есть». В английском переводе Торы, изданном в 1962 г., эти слова вообще оставлены в ивритском оригинале. В славянской Библии они переведены «Аз есмь Сый» – «Я есть сущий». Хотя многие поколения исследователей Библии пытались расшифровать точное значение этого имени, такая задача явно не слишком занимала Моше. Раби Гюнтер Плаут указывал, что, хотя Б-г назвал Моше Свое новое имя, чтобы сообщить его израильтянам, Моше никогда больше его не упоминает. Плаут делает отсюда вывод, что это «откровение вовсе никогда и не предназначалось для людей и сам Моше спрашивал о нем не для того, чтобы сообщить его народу. Моше спросил только для себя, и полученный им ответ также предназначался только ему». Так или иначе, ответ удовлетворил Моше (хотя и неясен для нас). Возможно, это значит, что если человек действительно познает Б-га, то это его сугубо интимное дело. Иными словами, Б-г будет тем, кем Он предстал именно вам. Он не может быть описан адекватно для других людей.

16. «Отпусти народ Мой / Шалах эт ами» (Шмот, 7:16)

Возможно, самый знаменитый политический лозунг в истории – это обращенное к фараону требование Моше: «Отпусти народ мой!» С тех пор в течение трех тысячелетий оно неоднократно использовалось угнетенными группами. Оно было излюбленным у черных рабов американского Юга. В их самой известной песне поется: «Сойди, Моше, пойдя в Египет и скажи старому фараону, чтобы он отпустил народ твой!» С 1960-х гг. слова Моше служили лозунгом международного движения в защиту советских евреев.

На политических митингах эти слова Моше редактируются: обычно опускается вторая половина его требования: «чтобы послужил Мне в пустыне». С точки зрения Библии свобода – сама по себе не ценность; она становится таковой, если используется для почитания Б-га. Еврейский философ Авраам Йеѓошуа Ѓешель недаром сетовал на распространенную манеру нарушать целостность библейских стихов и цитировать их по частям. Первые, еще досионистские поселенцы на земле Израиля, например, называли себя БИЛУ, аббревиатурой из первых букв стиха Йешаяѓу (2:5): *Бейт Яаков леху венельха* — «Дом Яакова, давайте пойдя», – однако при этом опуская значительные слова пророка «пойдем во свете Г-споднем».

Точно так же целью исхода еврейских рабов было не только их освобождение от владычества фараона, но и предоставление им возможности служить Б-гу. (См. «Люби ближнего своего как самого себя», «Я Г-сподь ваш» и «Отпусти народ мой / Ам Исраэль Хай» в разделе «Советские евреи».)

17. Десять казней

(Шмот, 7–12). «Отягченное сердце» фараона

Действительная цель десяти казней египетских – не принуждение фараона освободить евреев, для чего хватило бы и последней десятой казни; их смысл состоит в демонстрации превосходства Б-га над египетскими божествами и наказании египтян за те нечеловеческие условия, в которых они содержали еврейских рабов.

Не один год все новорожденные еврейские младенцы мужского пола топились в водах Нила. Хотя большинство египтян лично не участвовали, в этом уничтожении, самая первая казнь, когда Нил покраснел от крови, ясно показывает, что на всех египтянах лежала вина за то, что делали их соотечественники. Египтяне больше не могли отрицать вину всей своей страны: сама река наглядно свидетельствовала об утопленных младенцах.

Некоторые из первых казней причиняли скорее неприятности, чем страдания (например, нашествие лягушек). Следующие казни причиняли вред экономике: тучи саранчи пожрали урожай, в полях бродили дикие звери. Десятая казнь стала последней мстью за убийство еврейских младенцев: в одну ночь погибли все египетские новорожденные первенцы. После этого фараон приказал немедленно освободить израильских рабов.

В книге Шмот подразумевается, что посредством казней Б-г «отягчал» сердце фараона, и тот все не отпускал евреев. Это выглядит странным с моральной точки зрения: сперва Б-г лишает фараона свободы воли, ожесточая его сердце, а затем наказывает за это жестокосердие.

Но если бы Б-г не «отягчал» сердце фараона, это лишило бы египетского монарха свободы воли, и тогда он разрешил бы еврейским рабам уйти – но не по своему свободному выбору, а из страха. С отягченным сердцем фараон больше не испытывал физического страха, который заставил бы обыкновенного человека немедленно подчиниться Б-жьей воле. А теперь ничто не отвлекало фараона от осмысления всех несправедливостей, которые он обрушил на еврейских рабов. Но не чувство моральной ответственности повлияло на решение отпустить евреев. Только когда начали умирать первенцы, фараон убедился, что перед ним сила неизмеримо большая, чем его собственная. Возможно, он отпустил евреев, чтобы спасти собственную жизнь, поскольку сам был первенцем. Хотя десять казней должны были радовать многострадальных рабов, еврейская традиция чувствует некоторую неловкость от разрушений, которые они причинили Египту. Когда во время пасхального «седера» перечисляются эти казни, то при упоминании каждой из них проливается капля вина – символическое обозначение умаления радости при мысли о страданиях египтян.

Вот десять казней:

1. Воды Нила превратились в кровь (7:14–25); 2. Повсюду, даже в спальни и кухни, заползали лягушки (7:26–8:11); 3. Вши (8:12–15); 4. Дикие звери (8:16–28); 5. Болезни скота (9:1–7); 6. Нарывы на коже у людей и у скота (9:8–12); 7. Град (9:22–35); 8. Саранча (10:1–20); 9. Три дня «тьмы египетской» (10:21–23); 10. Смерть первенцев (1:29–36).

18. Переход через Красное море (Шмот, 14)

Казалось бы, одной десятой казни – смерти первенцев – достаточно, чтобы фараон был рад избавиться от еврейских рабов. Но уже спустя несколько часов после их освобождения он передумал и послал войска с приказом вернуть их. Характерно, что солдаты, словно японские камикадзе, с готовностью отправлялись выполнять этот приказ.

Египтяне преследовали бегущих израильтян до *Ям Сум* (Красное море). Израильтяне были в панике. Позади были войска с колесницами, впереди – морские воды.

Но десять казней не истощили чудес Г-спода. Б-г посылает сильный восточный ветер, который раздвинул морские воды и открыл посреди них сухой проход. Евреи воспользовались им, а на следующих по пятам египтян обрушиваются водяные стены.

По преданию, когда ангелы на небесах начали петь хвалу Г-споду за спасение евреев, Он в гневе повернулся к ним: «Мои создания тонут, а вы поете песни!» Этот широко известный мидраш, возможно, лег в основу еврейской традиции не слишком радоваться поражению и страданиям врага (см. также Мишлей, 24:17). Один из самых удивительных среди 613 законов Торы гласит: «Не гнушайся египтянином, ибо пришельцем был ты в стране его» (Дварим, 23:8). Несколько лет назад мне попала одна статья, где разбирался этот завет «не гнушайся египтянином»; автор посвятил ее памяти своего сына, который был убит египетскими солдатами в Войне Судного дня в 1973 г.

19. Амалекетяне

Для евреев амалекетяне – своего рода нацисты древности: злобные и беспощадные враги евреев. Библия описывает их нападение на израильтян, еще скитавшихся по пустыне. Вместо того чтобы выступить против евреев открыто, амалекетяне нападали на их арьергард, где находились дети и старики (Дварим, 25:18).

Трусость амалекетян и их жестокость к самым незащищенным израильтянам вызвали против них безграничный гнев Б-га. Он повелел евреям уничтожить амалекетян, как только представится случай. Спустя сотни лет такой же приказ передает царю Шаулю пророк Шмуэль. Шауль побеждает амалекетян в битве, но не казнит их царя Агага. Именно за этот акт неповиновения Б-г отбирает царство у Шауля и отдает его Давиду.

Тем не менее очевидно, что евреи не всегда преследовали амалекетян, мы даже встречаем амалекетян, которые служат в израильской армии (Шмуэль II, 1:1–13). Вера в неизменную ненависть амалекетян к евреям возникнет через несколько сот лет, когда Ѓаман, потомок царя Агага, задумает разом уничтожить всех евреев (см. «Эстер»).

Вечная война, которую Тора объявляет амалекетянам, – вещь необычная и даже необъяснимая. Египтяне причинили евреям куда больше страданий (сотни лет порабощая их, топя их младенцев). Тем не менее Тора не велит «гнушаться египтянином» (Дварим, 23:8). Амалекетяне же считаются хуже египтян и изображаются отъявленными негодяями и трусливыми солдатами, нападающими только на самых слабых.

20. Гора Синай и дарование Торы

Хотя в десяти казнях и рассечении вод Красного моря часто видят основные события Шмот, на самом деле это лишь преддверие более высоких целей. Еврейские рабы получили свободу не ради нее самой, а для служения Б-гу. Вот почему Моше передал фараону: «Отпусти народ Мой, чтобы послужили они Мне» (Шмот, 7:26). И именно поэтому в еврейской традиции кульминация исхода – это дарование Торы, событие, которое принято называть откровением на Синае.

Спустя семь недель после исхода из Египта израильтяне достигли горы Синай. Здесь Б-г – в первый и единственный раз! – обратился ко всему народу и возвестил ему Десять заповедей. Люди были испуганы грозным явлением Б-га среди грома и пламени. Они стали просить Моше: «Говори ты с нами, и мы будем слушать, и пусть не говорит с нами Б-г, а то умрем». Моше успокаивает их, объясняя, что Б-г не для того вывел евреев из Египта, чтобы убить их: «Не бойтесь, ибо для того, чтобы испытать вас, пришел Б-г, и чтобы страх Его был перед лицом вашим, дабы вы не грешили» (Шмот, 20:18–20). Тем не менее он соглашается в дальнейшем передавать евреям Б-жьи послания.

Вскоре после этого Моше поднимается на гору Синай, где проводит сорок дней и ночей. Многие евреи считают, что на Синае Б-г дал Моше сразу всю Тору. По мнению Талмуда, Тора давалась Моше Б-гом постепенно, свиток за свитком, во время скитания евреев в пустыне.

Еврейская традиция считает, что на горе Синай Моше дана суть Торы (ее законы), а мудрецы Талмуда иногда подчеркивают древность и авторитетность тех или иных уложений еврейского права тем, что это «закон, данный Моше на Синае, – галаха лемоше мисинай».

Поскольку событиям на Синае, посвящена значительная часть Торы (по сути, от Шмот, 19 до Дварим, 10:10), то кажется странным, что единственная сообщаемая об этой горе подробность – то, что она расположена на Синайском полуострове. Таким образом, нельзя точно идентифицировать местоположение горы Синай. Раби Гюнтер Плаут предполагает, что это сделано специально: «Если бы местонахождение святой горы стало затем доподлинно известным, то Иерусалим и его Храм никогда бы не стали центром еврейской жизни, так как их значение показалось бы ничтожным по сравнению с этой священной горой».

21. Завет / Брит. «Все сделаем и будем слушать» (Шмот, 24:7)

В дни, предшествовавшие дарованию Десяти заповедей (см. гл. 22), Б-г велел Моше подготовить израильтян к церемонии, которая закрепит их взаимоотношения с Ним. Б-г также дал понять, что эти отношения будут основаны на определенном условии: «если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет со Мной, то будете Моим дражайшим уделом из всех народов... вы будете у Меня царством священников и народом святым» (Шмот, 19:5–6). Моше передал послание Б-га израильским старейшинам, и весь народ как один ответил: «Все, что говорил Г-сподь, исполним» (19:8).

Затем Моше ведет израильтян к подножию Синая, где Б-г возвещает им Десять заповедей. Читая первую заповедь: «Я Г-сподь, Б-г твой, который вывел тебя из страны Египетской, из дома рабства» (Шмот, 20:2), мы редко думаем о ней как о первой статье договора. Но это именно преамбула того договора между Б-гом и евреями, который получил название синайского Завета. Как раз поэтому первая заповедь лишена формы приказа (см. следующую главу), просто подтверждая то, что Б-г сделал для израильтян. Его деяния ради их блага дают Ему и право предъявлять к ним Свои требования.

Основополагающий свод этих требований содержится в книге Шмот (20–23). Скажем только, что эти главы содержат предписания против идолопоклонства, убийства, воровства и плохого обращения с чужестранцами, вдовами, сиротами и бедными. Дополнительные законы предписывают соблюдение субботы, субботнего года (в течение которого земля должна лежать под паром) и праздников Песах, Шавуот и Сукот. Исследователь Библии Иеремия Унтерман заметил, что поскольку Б-жи заповеди охватывают как ритуальную, так и этическую сферу, то «любое преступление рассматривается как преступление против Б-га, каким бы оно ни было – ритуальным или гражданским».

Израильтян предупреждают, чтобы они не вступали ни в какие соглашения с обитателями Кнаана или их богами. За это Завет гарантирует израильтянам владение страной Кнаан и, что более замечательно, избавление от болезней, засухи, бесплодия и выкидышей (Шмот, 23:25–26).

Моше передает повеления Б-га всему народу, и евреи единогласно заявляют: «Все, что говорил Г-сподь, сделаем и будем слушать» (Шмот, 24:7). Не вполне ясные слова их ответа толкуются мудрецами как обязательство повиноваться не только тем законам, которые они уже услышали, но также любым Б-годанным или разработанным мудрецами законам, которые они еще услышат. Евреи взяли на себя обязательство выполнять заповеди, даже еще не расслышав их – т. е. еще не успев глубоко осознать их смысл.

Еврейское слово для завета – договора – *брит*. Библия описывает два других особенно значимых договора: один гарантирует обязательства Б-га перед Авраамом и его потомством (Брейшит, 15), другой сообщает, что царский титул не уйдет из дома Давида (Шмуэль II, 7). Кроме того, церемония обрезания называется на иврите *брит мила* (договор об обрезании) в соответствии с заповедью Б-га Аврааму: «Ты же соблюди завет Мой, и ты, и потомство твое после тебя в роды их. Вот завет Мой, который все должны соблюдать... обрезан да будет у вас всякий мужчина... сие будет знаком союза между Мною и вами» (Брейшит, 17:9–11). Завет понимается как двустороннее соглашение: евреи должны соблюдать законы Б-га, а Он должен оберегать их.

Известный мидраш сообщает, что, когда Израиль приготовился принять Тору на Синае, Б-г сказал евреям: «Я даю вам Мою Тору. Назовите Мне тех, кто поручится, что вы будете ее соблюдать, и Я дам ее вам». Израильтяне предложили Б-гу принять в качестве поручителей

своих патриархов. Но Б-г отказался. Тогда они предложили пророков. И снова Он отказался. Наконец евреи сказали: «Прими наших детей как поручителей за нас». И Б-г ответил: «Они, безусловно, надежные поручители. Ради них Я даю вам Тору» (Шир гаширим раба, 1:24).

22. Десять заповедей / Асерет гадиброт

Попробуйте назвать все десять.

Если не вспомните всех, не отчаивайтесь. Хотя Десять заповедей – основной документ еврейской (и всей западной) морали, большинство людей не могут перечислить их по памяти. Почти все сразу же вспоминают запрет убийства и воровства или предписание чтить отца и мать. Потом, может быть, вспомнят и запрет прелюбодеяния. Я обнаружил, что хуже всего помнят девятую заповедь, запрещающую лжесвидетельство.

Сначала перечислим исходные Десять заповедей в том порядке, как, как они зафиксированы в книге Шмот (20:2 –14); несколько иная версия содержится в книге Дварим (5:6–18).

1. Я Г-сподь, Б-г твой, который вывел тебя из страны Египетской, из дома рабства.

2. Да не будет у тебя других Б-гов сверх Меня.

3. Не произноси имени Г-спода, Б-га твоего, попусту.

4. Помни день субботний, чтобы святить его.

5. Чтите отца своего и мать свою.

6. Не убивай.

7. Не прелюбодействуй.

8. Не кради.

9. Не отзывайся о ближнем твоим свидетельством ложным.

10. Не домогайся дома ближнего твоего; не домогайся жены ближнего твоего, ни... ничего, что у ближнего твоего.

Интересно, что первая заповедь – на деле заявление, а не предписание. Наверное, поэтому на иврите эти изречения называются буквально (*Асерет гадиброт*) Десять заявлений, а не *Асерет гамицвот* (Десять заповедей). Разница между понятиями «заповедь» и «заявление» не просто семантическая; она ведет к значительным противоречиям между еврейскими мудрецами. Маймонид, величайший еврейский философ, утверждает, что первое заявление, по сути, представляет собой требование верить в Б-га. Более поздние еврейские мыслители, особенно Крескас и Абарбанель, возражают Маймониду по эмпирическим и логическим мотивам. Во-первых, в этом стихе ничего не сказано о вере. Во-вторых (и это более важно), как можно предписывать верить? Если вы верите в Б-га, то потому, что находите эту доктрину истинной, а не потому, что вам это предписано. А если не верите, то кто может вас заставить поверить?

Несмотря на железную логику Крескаса и Абарбанеля, большинство еврейских авторитетов согласны с Маймонидом и настаивают, что вера в Б-га не только желательна, но и предписана. Тем не менее в иудаизме главный акцент неизменно делался на соблюдении заповедей – в отличие от христианства, где гораздо большее значение придается вере. В старой шутке прощаются друг с другом лютеранский священник и его приятель раввин; священник говорит: «Соблюдай веру», на что раввин отвечает: «Соблюдай заповеди».

Две из Десяти заповедей обычно неточно переводятся с иврита, в результате Библии приписываются взгляды, чуждые ей. Особенно это касается шестой заповеди, которая на иврите состоит всего из двух слов: *ло тирцах*. Большинство переводов дает значение: «Не убий». Пацифисты и противники высшей меры наказания обычно приводят этот стих в поддержку своих позиций. Но проблема в том, что Библия отвергает пацифизм и допускает смертную казнь, особенно за убийство. Правильным переводом *ло тирцах* будет что-то вроде: «Не совершай преступления убийства». Хотя Библия осуждает ненужное кровопролитие, она, как и любое общество до нее и после нее, различает убийство преднамеренное и непреднамеренное, запрещая первое. И в отличие от Махатмы Ганди или секты «Свидетелей Иеговы» Тора всяче-

ски поддерживает, например, активную самооборону. Талмуд позднее предписал: «Если кто-нибудь пришел убить тебя, убей его первого (Сангедрин, 72а).

Перевод третьей заповеди тоже не совсем точен. *Ло тиса эт шем гашем элокеха лашав* обычно переводится как: «Не поминай имени Г-спода, Б-га твоего, всуе». Многие думают, что это значит лишь писать «Бог» как Б-г или богохульствовать, произнося ругательства с использованием слова «бог». Даже если такое понимание заповеди правильно, то все же трудно понять, что же делает подобные действия столь же предосудительными, как и убийство, воровство, идолопоклонство и прелюбодеяние. Однако на иврите *ло тиса* буквально значит: «Не используй (имя Б-жье всуе)», иначе говоря, не ссылайся на Б-га для оправдания своих собственных интересов. Третья заповедь – единственная, в отношении которой Б-г предупредил: «Не пощадит Г-сподь того, кто произносит имя Его попусту» (Шмот, 20:6–7). Так что если человек совершает дурной поступок, он дискредитирует себя, но когда то же самое делает верующий, прикрываясь именем Б-га, он тем самым дискредитирует и Его самого. И поскольку Б-г опирается в распространении знаний о Нем по миру на верующих, Он и провозглашает этот грех непростительным.

Четвертая заповедь – «Помни день субботний, чтобы святить его» также требует пояснений. Единственное предписание о субботе, изложенное в Десяти заповедях, – это «святить» день субботний и не делать в этот день «никакого дела». Тем не менее почти каждый скажет вам: главная цель субботы – отдых.

Десять заповедей, по сути, подразделяются на две части: первые четыре регулируют отношения людей к Б-гу, последние шесть – отношения между людьми (см. также «Этический монотеизм», «Идолопоклонство» и «Суббота», а для дальнейшего анализа Десяти заповедей, их запретов и требований – «Давид и Батшева» и «Ахав и Изевель»).

23. Золотой телец

(Шмот, 32)

Когда мне говорят, что было бы легче поверить в Б-га, если увидеть чудо собственными глазами, я отсылаю к 32-й главе Шмот. Ни одно поколение в истории не имело более благоприятной возможности поверить в Б-га, чем израильтяне в пустыне. Недавно освобожденные рабы только что были свидетелями десяти казней, спаслись благодаря чудесному рассечению вод Красного моря и воочию видели Б-жьё славу на горе Синай. Тем не менее, пока Моше сорок дней находился на Синае, они успели удариться в массовую панику.

Евреи окружили брата Моше Аарона (см. гл. 24) и стали требовать, чтобы он «сделал им бога». Аарон попросил их отдать ему все свои сокровища (возможно, надеясь, что это заставит их одуматься, – впрочем, тщетно). Вскоре набралось столько драгоценного металла, что Аарон смог сделать из него «тельца литого» – золотого тельца. Евреи окружили идола, заявляя: «Вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из страны Египетской!» (Шмот, 32:4).

Это исповедание веры («вот бог твой, Израиль») довольно странно. Ясно, что израильтяне не могли считать тельца активно действующим божеством. Не мог же идол, которого они только что смастерили, вывести их из Египта? Скорее всего, они хотели немедленно получить материального посланника Б-га взамен отсутствовавшего Моше и именно эту роль отвели тельцу.

Подозреваю, впрочем, что дело тут не в одной панике из-за исчезновения Моше. Религиозные предписания, наложенные на евреев после исхода, могли многим показаться слишком суровыми, слишком многое запрещающими. Смысл стиха «и поднялись веселиться» (Шмот, 32:6) в том, что народ устроил оргию.

Б-г пришел в ярость. Он упрекал Моше: «Развратился народ твой, который ты вывел из страны Египетской» (Шмот, 32:7). Он хочет уничтожить Израиль и произвести от Моше для водительства другой, лучший народ.

Моше напоминает Б-гу, что Он обещал патриархам отдать Кнаан именно их потомкам. Б-г смягчается, и Моше сходит с горы, неся скрижали с Десятью заповедями (см. гл. 22). При виде неистового разгула в лагере израильтян он приходит в ярость. Моше бросает и разбивает скрижали, перекаливает в огне золотого тельца и заставляет израильтян выпить получившийся прах с водой. Левиты (единственное племя, которое не осквернило себя поклонением золотому тельцу) обнажают свои мечи и убивают три тысячи грешников.

Когда Моше гневно требует от брата объяснить его роль в изготовлении тельца, Аарон снимает с себя ответственность, заявляя, что просто бросил золото в огонь «и вышел телец этот» (Шмот, 32:24), – защита не очень убедительная.

В конце этой истории Моше снова беседует с Б-гом и просит у Него прощения за грехи израильтян; «если же нет (прощения), то сотри и меня из книги Твоей, которую Ты писал» (Шмот, 32:32). Б-г успокаивает Моше, обещая наказать лишь тех, кто действительно согрешил.

Инцидент с золотым тельцом показывает, что вера израильтян в период их сорокалетнего пребывания в пустыне еще не была прочной; ее можно охарактеризовать как проявление синдрома «А что ты мне хорошего сделал?». По малейшему поводу евреи отворачиваются от Моше и от Б-га, и Б-г наконец заключает, что народ, выросший в рабстве, не годится для страны свободных людей. Легче было вывести людей из Египта, чем вытравить Египет из людей. Б-г заявляет Моше, что все поколение освобожденных рабов должно умереть, прежде чем их потомки смогут войти в Кнаан (см. «Двенадцать соглядатаев»).

Лично меня история с золотым тельцом убеждает, что у большинства людей вера существует вне зависимости от того, что для них совершает Б-г. Хотя каждое обещание Моше, данное им от имени Б-га, выполнялось, этого не хватило, чтобы те евреи остались верны Б-гу больше сорока дней, да и мы явно не слишком отличаемся от них.

24. Аарон и Мирьям

Большинство современных евреев с фамилиями Коган или Кац и все прочие, кто считает себя потомками коганов (священников) (см. гл. 22), возводят свои корни к первому еврейскому первосвященнику Аарону. Священнические функции, которые описывает Тора, возможно, были его главной обязанностью. Однако Аарон выступал также и как полномочный представитель своего брата Моше, который страдал дефектом речи. По-видимому, евреи в пустыне очень любили Аарона: Тора намекает, что по его смерти скорбели сильнее, чем по смерти Моше (Бемидбар, 20:29, Дварим, 34:8). Видимо, Аарон имел более обходительные манеры, чем его брат. Когда евреи грешили, Моше гневался. Аарон вел себя иначе. Когда ему сказали, что хотят получить для поклонения золотого тельца, Аарон помог изготовить идола – хотя потом и отрицал свою личную ответственность за это перед возмущенным братом, молчаливое согласие Аарона выглядит столь странным, что кажется, словно Тора скорее скрывает его подлинный образ, чем повествует о нем: некоторые из важнейших событий жизни Аарона остаются неясными. Два его старших сына, например, были наказаны Б-гом за предложение ими Б-гу «огня чуждого, какого Он не велел» (Ваикра, 10:1).

В еврейской традиции Аарон – пример миролюбивого человека. Самая известная из легенд о нем гласит, что когда Аарон узнавал, что двое поссорились, то обычно подходил к одному из них и говорил: «Тот так любит тебя и так печалится, что ты сердишься на него, но он боится подойти к тебе», затем отыскивал второго и говорил ему то же самое; при встрече эти люди бросались друг другу на шею и обнимались. В других историях Аарон становится другом дурных людей с тем, чтобы превратить их в хороших. Сам титул, которым еврейская традиция наделила Аарона – *офев шалом* («миролюбец»), – знак глубокого уважения евреев к нему, и ради воцарения мира между людьми мудрецы оправдывают ту невинную ложь, которая приписывается Аарону в подобных легендах.

Мирьям вошла в историю прежде всего благодаря заботе о своем брате Моше, пущенном матерью в корзинке по течению Нила. Это она видит, как дочь фараона находит младенца, и, хотя ей было тогда только девять лет, уговаривает царевну пригласить нянчить Моше его собственную мать.

Когда Б-г рассекает воды Красного моря и спасает евреев от преследования, именно Мирьям увлекает женщин Израиля в бурный танец радости.

А когда на Мирьям нападает проказа в наказание за то, что осудила женитьбу Моше на нееврейке, Моше произносит короткую молитву из пяти слов: *Эль на рефа на ла* («о Б-же, пусть она выздоровеет») – и Мирьям сразу выздоравливает. Еврейская традиция усматривает в ее болезни наказание, которое Б-г посылает тем, кто злится на других или распространяет о них дурные слухи (см. «*Лашон хара* / Злословие»).

Хотя Аарон и Мирьям не пережили своего брата, они умерли в глубокой старости. Аарон умер в 123 года, а Мирьям – в еще более преклонном возрасте. Их имена – одни из самых популярных среди дающихся еврейским детям.

25. Жертвоприношения. Священники и левиты / коѓаним и левиим

Жертвоприношения животных играли для древних евреев ту же роль, какую выполняют молитвенные службы для их современных потомков: они являлись самой распространенной формой поклонения Б-жеству. Около 150 из 613 законов Торы посвящены жертвоприношениям.

Величайший средневековый еврейский философ Маймонид считал, что жертвоприношения животных введены для того, чтобы отучить людей от жуткого древнего обычая приносить человеческие жертвы. Когда Б-г останавливает Авраама от принесения в жертву Ицхака (Брейшит, 22:11–13), патриарх сразу же приносит в жертву барана (см. «Жертвоприношение Ицхака»).

Самое известное жертвоприношение делалось на Песах и известно как пасхальный агнец. Оно знаменовало собой освобождение евреев от египетского рабства. Евреи приносили ягненка в Иерусалимский Храм (*Бейт ѓамикдаш*) и отдавали его священнику, который и убивал животное, брызгая его кровью на алтарь и сжигая внутренности и жир. Остатки возвращались тому, кто пожертвовал ягненка, их приносили назад в его дом, и семья съедала барашка с мацой, горькими травами и другими блюдами. Праздничная трапеза перемежалась беседами на тему исхода из Египта. Жареная нога, которую евреи до сих пор кладут на тарелку во время пасхального седера, и символизирует этого пасхального ягненка.

С тех пор как царь Шломо построил Первый Храм в Иерусалиме (примерно 950 г. до н. э.), еврейский закон предусматривал, что жертвоприношения должны совершаться только тут. За жертвоприношения отвечала одна из групп колена левитов, известная как коѓаним (священники). Племя Леви было единственным, не получившим своей земли, когда евреи вошли в Кнаан. Левитам были отведены 48 городов в Стране Израиля (Бемидбар, 35:1–8), и на их содержание предназначался ежегодный налог, взимавшийся с других колен. Именно из племени Леви выходили духовные лидеры и учителя. Левиты также помогали коѓаним в храмовых службах.

Жертвы приносились несколько раз: каждое утро и после полудня. До сих пор утренняя и послеполуденная молитвы («Шахарит», «Минха») символизируют эти ежедневные приношения в Храме. Поскольку послеполуденная жертва приносилась примерно с 12.30, закон запрещает проводить молитву «Минха» раньше этого времени. Другие жертвы приносились для замаливания невольных нарушений Торы, третьи служили дарами Б-гу.

Некоторые части туш жертвенных животных оставлялись для пропитания священников, другие отдавались в пищу жертвователю.

Для жертвы могли использоваться лишь кашерные домашние животные (коровы, овцы, козы и птица). Мудрецы объясняют это так: «Бык убегает от льва, овца от волка, козел от тигра. Сказал Святой Единственный, благословен будь Он: «Не приносите мне тех, кто преследует, но тех, кого преследуют» (Ваикра раба, 27). Жертвенные животные не должны были иметь никаких изъянов (Ваикра, 3:6; 22:17–25).

Кроме животных, евреи приносили в храмовую жертву часть первого урожая плодов, пшеницу и овес.

Когда в 70 г. был разрушен Второй Храм, многие евреи отчаялись когда-либо получить прощение за свои грехи: не осталось места, где они могли бы принести соответствующие жертвы. Великий мудрец I века раби Йоханан бен Закай переориентировал все еврейское мышление, провозгласив, что жертвоприношения животных должны заменить акты любви – доброты – лучший путь получения прощения от Б-га. В дополнение к делам любви – доброты Талмуд пояснил, что «изучение Торы – более великое дело, чем ежедневное жертвоприно-

шение» (Мегила, 3б). Кстати, с еврейской точки зрения христианская доктрина искупителей жертвы кровью Йешу (Иисуса) – своего рода реакционная реабилитация человеческих жертвоприношений.

Реформистский иудаизм вообще отказался от соответствующих упоминаний о храмовых жертвах в своих молитвенниках, рассматривая жертвоприношения как примитивную стадию еврейского религиозного развития, которой нет основания гордиться. В молитвенниках ортодоксов, напротив, постоянно выражается надежда на восстановление Храма и возобновление жертвоприношений. Консервативный молитвенник перенес все упоминания о жертвах с будущего времени на прошедшее: в нем с гордостью говорится о жертвах, прежде приносившихся в Храме, но не выражается никакого желания вновь восстановить их.

Сегодня религиозным евреям негде приносить жертвы, поскольку в Иерусалиме нет Храма. Но после Шестидневной войны другая группа религиозных евреев основала в Старом городе Иерусалима йешиву «Атерет коѓаним». Один из ведущих предметов этой школы – законы о жертвоприношениях, а ее ученики – коѓаним надеются вернуться к своим обязанностям в восстановленном Иерусалимском Храме.

26. «Люби ближнего своего как самого себя; Я – Г-сподь» (Ваикра, 19:18)

Большинство христиан, да и многие евреи убеждены, что это «золотое правило» впервые сформулировано Иешу. Но основатель христианства, проповедуя принцип «Люби ближнего своего», просто цитировал Библию. Спустя тысячу с лишним лет после дарования Торы, в I в. до н. э. Гилеля, величайшего мудреца своего времени, попросили кратко выразить суть иудаизма (буквально – «стоя на одной ноге»). Гилель ответил негативным и, пожалуй, более прагматичным определением Библии: «Что неприятно тебе, не делай своему ближнему. Все прочее – комментарий (к этому) – теперь иди и изучай» (Шабат, 31а).

Заповедь «Люби ближнего своего как самого себя» подразумевает и то, чтобы мы любили себя. Психологи знают, что тем, кто сам себе не нравится, обычно и труднее проявлять любовь и доброту по отношению к другим. Грубый отец, например, редко хорошо думает о себе. Что касается умения любить себя, то Баал Шем Тов, основатель хасидизма (XVIII в.), предложил способ выполнения заповеди «как самого себя»: «Как мы любим себя, несмотря на собственные недостатки, о которых мы знаем, так мы должны и любить своих ближних, несмотря на недостатки, которые мы в них видим».

Обычно считается, что окончание стиха («Я – Г-сподь») не имеет отношения к заповеди. Однако для еврейской традиции смысл любви к ближнему как раз и состоит в том, что требует этого Б-г, сотворивший всех нас по Своему образу. Ведь вся этика в конечном счете исходит из источника, находящегося превыше всех людей, – от Б-га; и без Б-га мораль сводится к субъективным точкам зрения.

Еврейская традиция ставит стих «Люби ближнего своего» выше остальных заповедей. Раби Акива учил: «Люби ближнего своего как самого себя» – вот главный принцип Торы» (Иерусалимский Талмуд, Недарим, 9:4).

27. Двенадцать соглядатаев (Бемидбар, 13–14)

«Земля, текущая молоком и медом» (Шмот, 3:17, 13:5; Бемидбар, 13:27)

Почему израильтяне странствовали по пустыне в течение сорока лет вместо того, чтобы сразу идти из Египта в Кнаан? Ведь первоначально Б-г действительно намеревался привести их в Кнаан за несколько месяцев. Моше специально послал туда 12 израильтян, уважаемых членов каждого из двенадцати колен, чтобы разведать, какова эта земля. Десять соглядатаев вернулись испуганными: годы египетского рабства разрушили их уверенность в себе. Они рассказали своим соплеменникам, что обитатели Кнаана так сильны и высоки, что евреи кажутся «саранчой» в сравнении с ними. Кнаан – действительно богатая и обильная земля; выросшую на ней виноградную гроздь пришлось нести на шесте сразу двоим евреям. «В ней подлинно течет молоко и мед». Но евреям нечего и пытаться покорить эту землю: «не можем мы пойти на народ тот, ибо он сильнее нас».

Но двое разведчиков, Йеѓошуа бин Нун и Калев, думали иначе. Они уверяли евреев, что не стоит бояться «народа земли той». Б-г на стороне евреев, и они должны немедленно покорить эту землю.

Но Йеѓошуа бин Нун и Калев не убедили даже и членов своих собственных племен. Поведав большинству соглядатаев, евреи гневно набросились на Моше: «Не лучше ли нам возвратиться в Египет?»

Но и гнев Б-жий, обрушившийся на эту трусливую толпу, был не слабее гнева евреев. Б-г решил, что израильтяне будут бродить по пустыне до тех пор, пока не умрет все поколение, вышедшее из Египта. Он хотел, чтобы Кнаан заселили новые люди, рожденные на свободе и свободные от рабского сознания. Лишь двоим из тех, кто вместе с Моше вышел из Египта, было разрешено войти в Кнаан: Йеѓошуа бин Нуну, который станет преемником Моше, и Калеву.

Хотя еврейская традиция испытывает мало симпатии к десяти трусившим соглядатаям, слова, которыми они описали Кнаан (используемые Б-гом в Шмот, 3:17 и Моше в Шмот, 13:5), – «страна, текущая молоком и медом» – стали излюбленным определением Страны Израиля. По сей день евреи поют за субботним столом песню из четырех слов: *Эрец зават халав удваи* – «Земля, текущая молоком и медом». Мед, кстати, – единственный продукт, который производит некашерное существо (пчела), но который тем не менее кашерен.

28. Мятеж Кораха

(Бемидбар, 16)

Этот недолгий мятеж был самым серьезным из известных нам выступлений против руководства Моше. Корей / Корах собрал недовольных израильтян как из своего племени левитов (к нему принадлежал и Моше), так и из племени Реувена. Особенно опасным этот мятеж сделало участие знатных людей. Сам Корах происходил из столь почтенной семьи, что его рождение специально зафиксировано в Торе (Шмот, 6:21).

Мы ничего не знаем о предшествующих мятежу отношениях Кораха и Моше. Для мятежа был избран демагогический и популистский повод. «Полно вам! – укорял Корах Моше и Аарона перед «людьми именитыми». – Ведь все святые, и среди них Г-сподь! Отчего же возносите вы над собранием Г-сподним?» (Бемидбар, 16:3).

Моше был потрясен и обвинением себя в узурпации власти, и тем, что к Кораху прикнули 250 «начальников общины». Он молча пал ниц в молитве, а когда поднялся, то попросил Кораха и его сторонников прийти на другое утро. Тогда Б-г покажет, кого Он хочет видеть вождем Израиля.

На следующий день Корах вместе со своими союзниками из колена Реувена – Датаном и Авирамом – встали у Шатра откровения. Моше, теперь полный уверенности, сообщил собравшейся толпе: «Если смертью всякого человека умрут они... то это не Г-сподь послал меня». Моше едва кончил говорить, как «расступилась земля под ними. И раскрыла земля уста свои, и поглотила их и домочадцев их, и всех людей Кораха, и все имущество. И сошли они... живыми в преисподнюю, и покрыла их земля, и исчезли они из среды общества» (Бемидбар, 16:29, 32–33).

Выражение «все люди Кораха» явно относится к его сообщникам, а не родным: сыновья Кораха не присоединились к мятежу и потому не были наказаны. Мало кто отдаст себе отчет в том, что один из величайших еврейских вождей и пророков Шмуэль – прямой потомок Кораха (I Хроник, 6:18–28). Представьте, как если бы американцы однажды избрали прямого потомка убийцы Авраама Линкольна своим очередным президентом.

В еврейской традиции Корах стал символом непримиримого оппортунизма. Он – выходец из именитой семьи и не видит причин, почему руководить Израилем должны именно Моше и Аарон, а не он. Именно такое недовольство и безграничная зависть, видимо, и подняли его на мятеж.

29. Валаамова ослица (Бемидбар, 22) «Народ, который живет отдельно». (Бемидбар, 23:9)

Самое знаменитое животное в Библии, не считая змея, соблазнившего Хаву, – это говорящая ослица пророка Бильяма, которая яснее увидела ангела Г-сподня, чем сам пророк.

Нееврей Бильям (Валаам) мог стать одним из величайших Б-жьих пророков. Но вместо того чтобы поставить свой дар Ему на службу, Бильям продал его тем, кто больше заплатит.

Царь моавитян Балак испугался идущих через пустыню израильтян и послал Бильяму щедрые дары, чтобы тот проклял израильтян. Пророк выехал на следующее же утро. По дороге его ослица увидела «ангела Г-сподня, стоящего на дороге с обнаженным мечом в руке», и прижалась к ограде. Рассерженный Бильям стал бить ее. Когда ослица попыталась продолжить свой путь, ангел вновь встал перед ней, пока наконец животное не легло на землю. Бильям снова бьет ослицу.

Тут и последовал самый, если вдуматься, жуткий диалог в Библии: «Отверз Г-сподь уста ослицы, и сказала она Бильяму: «Что сделала я тебе, что ты бил меня уже три раза?» Бильям, не очень удивленный словесным протестом ослицы, отвечает: «За то, что ты издевалась надо мною; если бы у меня в руке был меч, то я теперь же убил бы тебя».

«И сказала ослица Бильяму: не я ли твоя ослица, на которой ты ездил издавна и до сего дня. Имела ли я обыкновение так поступать с тобой? И сказал он: нет».

Тогда Б-г открыл глаза Бильяму, и он увидел ангела, стоявшего перед ним с обнаженным мечом. Ангел упрекнул Бильяма за то, что тот бил свою ослицу, и пророк – понимая, как сильно Б-г противится его намерению проклясть израильтян, – пытается успокоить его: «Если это не угодно в глазах твоих, то я возвращусь». Ангел разрешает ему продолжить путь, но с условием: «Лишь то, что я говорить буду тебе, ты говори».

К концу дня царь моавитян по праву чувствовал себя обманутым. Вместо проклятий израильтянам Бильям произносил им одно благословение за другим. «Проклясть врагов моих взял я тебя, – набросился царь на Бильяма, – а ты вот (вместо этого) благословляешь (их)». Но все напрасно: «Не видел я нечестия в Якове, – пояснил пророк, – и не усмотрел зла в Израиле».

Одно из Бильямовых видений израильского стана было так прекрасно, что стало постоянной частью еврейского Б-гослужения: *Ма тову о́галеха, Яаков!* – «Как прекрасны шатры твои, Яаков!»

Другое его описание евреев: «Вот народ отдельно живет и между народами не числится», – точно отразило ту парадоксальную роль, которую евреи сыграли в истории: активные участники в делах мира сего, они одновременно и исполнители совсем иного замысла, посланцы Всевышнего.

Несмотря на все красноречие Бильяма, самый замечательный участник этой истории – его говорящая ослица. Еврейская традиция гласит, что она умерла тотчас после этого, чтобы люди не говорили: «Вот животное, которое говорило» и не сделали ее объектом своего поклонения.

30. «И никто не знает погребения его до сего дня»

(Дварим, 34:6)

Последние двенадцать стихов Торы описывают смерть Моше (Дварим, 34). Он восходит на гору Фасги / Писга, возвышающуюся над Израилем. «Вот страна, – говорит Б-г, – о которой я клялся Аврааму, Ицхаку и Якову, сказав: «Потомству твоему дам ее». Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но туда не перейдешь» (см. «Моше»).

Следующие стихи описывают смерть Моше и его похороны в стране Моав, где «никто не знает (места) погребения его до сего дня». Лучшее объяснение того, почему скрыта могила величайшего из когда-либо живших евреев, принадлежит философу Вальтеру Кауфману (считавшему себя еретиком): «(Моше) ушел, чтобы умереть в одиночестве, чтобы никто не знал его могилы и не поклонялся ей или не придавал значения его бренному телу. Живя в Египте, он знал... как склонны люди к подобным предрассудкам. Уходя умирать в одиночестве, он мог бы оставить свой народ с мистической тайной... с мыслью, что он не умер, но поднялся на небо, – с сознанием, что он бессмертен и божественен... Вместо этого он создал прочный человеческий образ, он оставил свой народ с мыслью о том, что, будучи несовершенным человеком, он не получил разрешения вступить в землю обетованную, но поднялся на гору, чтобы увидеть ее перед смертью. Евреи оказались столь верны его Духу, что... никогда не поклонялись ему... Что евреи подарили миру, так это не Моше или какую-либо другую личность, а идею о Б-ге и человеке... Сердце Моше разбилось бы, если бы он подумал, что его потомки будут строить в его честь храмы, делать из него икону или возносить на Небеса. То, что он не был обожествлен (как Йешу, Будда, Конфуций или фараоны), – одно из значительных проявлений идеи о Б-ге и человеке в Библии».

Даже смертью своей Моше, «слуга Г-спода» и евреев, продолжает служить Б-гу и еврейскому народу.

31. Йеѓошуа и иерихонские стены (Йеѓошуа, 6)

Взятие крепости Иерихон – первая и самая знаменитая победа израильтян в Кнаане. По приказу Б-га, переданному Йеѓошуа, израильские войска начали осаду Иерихона «психической атакой» окруженного стенами города. Шесть дней подряд они обходили вокруг города раз в день; на седьмой евреи обошли город семь раз, ведомые священником, который трубил в бараний рог (см. «Шофар»), после чего «вскричал народ (Израиля), и затрубили в рога... и распалась стена на месте своем, и вступил народ в город... и захватили город» (Йеѓошуа, 6:20).

Чудо падения стен Иерихона совершено Б-гом не для того, чтобы поразить воображение будущих поколений. Без этого чуда израильтяне не сумели бы взять город, ведь у них не было ни осадных крючьев, ни штурмовых лестниц.

После покорения Иерихона евреи снесли этот город, и Йеѓошуа проклял всех, кто попытается его отстроить: «На первенце своем обоснует он его и на младшем (сыне) своем поставит врата его» (6:26). Это мрачное проклятие – одно из тех немногих, которые сбылись буквально. Иерихон оставался пустынным четыре века, но израильтянин IX в. до н. э. по имени Хиэль не внял пророчеству Йеѓошуа и отстроил Иерихон: «Авирамом, первенцем своим, он заложил основание его, и Сгувом, младшим сыном своим, поставил он ворота его, по слову Г-спода, которое он изрек через Йеѓошуа» (Млахим I, 16:34). Погибли ли оба сына Хиэля во время строительных работ, мы не знаем, но после того, как сбылось проклятие Йеѓошуа, Иерихон снова стал пригодным для обитания; здесь даже бывали пророк Элияѓу с Элишей (Млахим II, 2:4, 18–22).

Книга Йеѓошуа полна описаний кровавых безжалостных битв с обитателями Кнаана за эту землю. Однако знаменательно, что проблемы, стоявшие перед ними, стоят перед Израилем и еврейским народом и сегодня: как получить и защитить свою родину перед лицом жестоких и враждебных соседей.

32. Земля Кнаана. Семь народов Кнаана

Библия описывает ранних евреев весьма нелестно. Их самый заметный порок – постоянные рецидивы идолопоклонства, в значительной мере под влиянием кнаанских народов, среди которых они поселились. Таков исторический фон самой проблематичной с моральной стороны заповеди Торы – истребить кнаанские народы, отказывавшиеся покинуть Израиль: «совершенно истреби их... как повелел тебе Г-сподь, Б-г твой. Дабы они не научили вас делать подобное всем мерзостям их, какие они делали для божеств своих, не грешили бы перед Г-сподом Б-гом вашим» (Дварим, 20:17–18). Тора прямо предостерегает евреев от подражания сексуальным извращениям обитателей Кнаана и их обрядам жертвоприношений детей, угрожая, что в противном случае «земля извергнет» израильтян.

Преемник Моше, Йеѓошуа (см. гл. 31), стремится подчинить и уничтожить окружающие евреев народы.

Тон Библии при описании этих войн имеет соответствующий контекст: следует помнить, что 3000 лет назад именно так и велись все войны. Историки древней Месопотамии и Египта отмечают «множество радостных описаний уничтожения соседей» – часто тех самых народов, которых упоминает Библия. Например, эморей упоминаются как беспокойные враги династии египетского фараона, достойные уничтожения... Чиновники, писавшие эти письма (фараону), обещали сковать всех эмореев «бронзовой цепью, особо тяжелыми оковами сковать их ноги... не оставлять в живых ни одного из них».

Важно также, что подобные приказы возмущают нас именно потому, что сама же Библия научила нас с величайшим уважением относиться к человеческой жизни. Философ Вальтер Кауфман писал, что здесь едва ли уместны «упреки в жестокости и низкой общественной морали», так как «наша общественная мораль и происходит главным образом от религии Моше». По его мнению, искать дух «религии Ветхого Завета в книге Йеѓошуа бин Нуна – все равно что искать подлинный гений Америки в тех людях, которые истребляли индейцев».

Тревожащая нашу совесть библейская этика войны исторически объясняется борьбой монотеизма за свое выживание. Монотеизм начался как движение меньшинства, придерживающегося отличной от всего мира теологии и этической системы. Он смог развиваться и распространиться только потому, что существовал крохотный уголок мира, где монотеизму ничто не угрожало. Если бы евреи продолжали жить в окружении язычников, не брезгующих жертвоприношением детей, то монотеизм, скорее всего, был бы обречен на гибель. Это следует помнить, когда нас возмущает этика войны, излагаемая Библией.

В середине Второй мировой войны (в 1942 г.) в Палестине возникла антирелигиозная группа, именующая себя «кнаанеями». Ее основали евреи, требовавшие от своих собратьев сменить свое самоназвание «евреи» на «иври-кнаани». За свою недолгую историю эта группа успела оказать заметное воздействие на ивритскую литературу и искусство (куда меньше повлияв на политику). Особенно они стремились отказаться от ивритской лексики, возникшей уже в диаспоре, и вводили в современный иврит архаические термины, восходящие к библейским временам. Назвать кого-нибудь «хананеем» в сегодняшнем Израиле – значит определить его как сторонника радикальной ассимиляции, ненавидящего себя еврея (см.).

33. Пророчица Двора (Шофтим, 4:5)

Большинство великих женщин Библии – жены или родственницы великих мужей. Сара известна главным образом как жена Авраама, а Мирьям – как сестра Моше. Даже Эстер, спасающая еврейский народ от геноцида со стороны Гамана, действует по указаниям своего наставника и кузена Мордехая. Редкое исключение и, пожалуй, самая знаменитая женщина Библии – это пророчица и судья Двора / Дебора.

Двора обязана своей известностью исключительно собственным достоинствам. Единственное, что мы знаем о ее личной жизни, – это имя ее мужа (Лapidот). «Она судила Израиль в то время, – сообщает Библия. – Она обычно сидела под пальмой... и поднимались к ней на суд сыны Израиля» (Шофтим, 4:4).

Она жила спустя примерно столетие после вступления евреев в Кнаан. Долиной, где поселилось ее племя, правил в те годы кнаанский царь Явин. Двора призвала еврейского воина Барака и от имени Б-га повелела взять десять тысяч воинов, собрать их на горе Тавор и выступить против царского военачальника Сисры и его девятисот железных колесниц.

Ответ Барака Дворе свидетельствует о глубоком уважении, с которым относились к этой пророчице: «Если ты пойдешь со мною, то я пойду, а если не пойдешь со мною, я не пойду». «Готова я пойти с тобою», – согласилась Двора, но не удержалась, чтобы не уязвить Барака напоминанием о пренебрежительном отношении их современников к женщинам: «Только ведь не твоей будет слава на этом пути... ибо в руки женщины предаст Г-сподь Сисру» (4:8–9).

Решающая битва прилась на сезон дождей, и колесницы Сисры тотчас завязли в грязи. Сисра же «пеший убежал» к кочевникам-кенеянам, где Яэль, жена их вождя, приглашает его остаться. Он засыпает в ее шатре, а Яэль молотом забивает ему в голову кол от шатра.

Знаменитая «Песнь Дворы» (Шофтим, 5) воспевает крушение власти кнаниев по всей стране. «Так да погибнут все враги Твои, Г-споди!» – восклицает в конце Двора.

Но подлинная победа евреев была не над Сисрой и его колесницами. Согласно Талмуду, раби Акива (одна из ключевых фигур в еврейской истории) был прямым потомком Сисры. И то, что потомок злостного врага евреев стал их величайшим вождем, свидетельствует о бесповоротной победе евреев над их древними соперниками.

34. Шимшон и Длила (Шофтим, 13:16)

Имя Шимшона / Самсона стало синонимом невероятной силы, а имя Длилы / Далилы, которую он любил, – синонимом предательства. Родители Шимшона долго не имели детей, но однажды ангел Г-спода сообщил его матери, что у нее родится сын, и велел ему исполнять обеты назорейства, особой формы служения Б-гу: мальчик никогда не должен был пробовать спиртное и стричь свои волосы. «И он начнет спасение Израиля от руки филистимлян», – предсказал ангел; филистимляне тогда уже без малого сорок лет правили израильянами.

Хотя еврейская традиция причисляла Шимшона и к судьям, и к пророкам, он очень отличался от тех и от других. Судьи стояли во главе целых еврейских общин – Шимшон всегда действовал в одиночку; пророки сообщали Б-жьи указания – Шимшон не оставил после себя никаких пророчеств. Но у него было одно уникальное качество, ниспосланное Б-гом: «физическая сила, настолько превосходившая обычную, что это безусловно свидетельствовало о ее Б-жественном происхождении», – отмечает Адин Штайнзальц. Однажды Шимшон голыми руками убивает льва, в другой раз сокрушает ослиной челюстью тысячу преследующих его филистимлянских воинов.

Еврейского Геркулеса погубила не превосходящая сила филистимлян, а его страстное влечение к нееврейским женщинам. Его первой женой была филистимлянка – Библия считает, что на это была воля Б-га (Шофтим, 14:1), после ее смерти он спит с филистимлянскими блудницами и, наконец, влюбляется в Длилу.

Вожди филистимлян подкупают Длилу: «Уговори его и выведай, чем велика сила его и чем нам одолеть его; и мы свяжем его, чтобы мучить его; а тебе дадим каждый тысячу сто серебряных (шекелей)» (16:5).

Длила соглашается и немедленно начинает донимать Шимшона, чтобы он открыл тайну своей силы. Ее слова звучат очень современно: «Как же говоришь ты: «Люблю тебя», а сердце твое не со мною (т. е. ты мне не доверяешь)?» (16:15). Шимшон долго отмалчивается, но наконец «стало это душе его смертельно несносным, и рассказал он ей все: «Бритва не касалась головы моей, ибо я назир Б-жий от чрева матери моей. Если бы я был обрит, то покинула бы меня сила моя, и я бы обессилел и стал бы как все люди» (16:16–17).

Длила немедленно сообщает это вождям филистимлян. Получив серебро, она убаюкивает Шимшона, тот засыпает у нее на коленях, она зовет воина обрезать его волосы, а затем с садизмом будит Шимшона: «Филистимляне (напали) на тебя!» Шимшон вскакивает, готовый дать им отпор, но обнаруживает, что силы его иссякли. Филистимляне выкалывают ему глаза и отправляют работать на тюремной мельнице.

Спустя несколько недель они решают торжественно отметить пленение и унижение своего величайшего врага, однако не придали значения тому, что волосы Шимшона снова отросли. Три тысячи мужчин и женщин собираются в пиршественном зале, Шимшона приводят из тюрьмы и велят плясать перед гостями. Закончив танец, он останавливается между столбами, на которых покоился дом. Шимшон молится: «Г-споди Б-же, прошу, вспомни меня и укрепи меня, прошу только на этот раз, о Б-же, и я отомщу филистимлянам мстью (хотя бы) за один из двух моих глаз!» С криком «Да умру я с филистимлянами!» Шимшон обрушивает оба столба: в своей смерти он сразу убил больше людей, чем за всю свою жизнь.

Была ли среди них Длила, радовалась ли она унижению того, кто ее любил? – Библия об этом умалчивает: предав Шимшона, Длила исчезает из истории.

В последние годы в Израиле употребляется выражение «комплекс Шимшона», подразумевающее, что если Израиль будет терпеть поражение в войне, то прибегнет к ядерному оружию, следуя последнему возгласу Шимшона: «Да умру я (вместе) с филистимлянами!»

35. Шмуэль (Шмуэль I, 1–16, 28:3–19)

«Царь будет над нами, тогда будем и мы как все народы» (Шмуэль I, 8:19–20)

Подобно многим другим великим людям Библии, Шмуэль / Самуил – сын женщины, до того бездетной. Его мать Хана страстно мечтала родить ребенка и ходила молиться в храм Г-сподень в городе Шило. «Если Ты... дашь рабе Твоей дитя мужского пола, – молча молилась Хана, – то я отдам его Г-споду на все дни жизни его» (1:11). Первосвященник Эли заметил, как губы женщины двигались, но так как не слышал ее слов, то решил, что она пьяна, и грубо прогнал ее. Когда же Эли наконец понял всю глубину страданий Ханы, он благословил ее, сам попросив Г-спода исполнить ее просьбу.

В соответствии с обетом матери детство Шмуэля прошло под руководством Эли, готовившего мальчика к служению Б-гу.

Затем Шмуэль возглавил израильтян в качестве пророка и судьи в особенно несчастливый для них период. Все 12 колен израильских находились под оккупацией филистимлян, а в их духовной жизни распространились идолопоклонство и язычество. В период пребывания на посту судьи Шмуэль возвращает евреев к Б-гу и содействует по меньшей мере одной крупной победе над филистимлянами.

К сожалению, сыновья Шмуэля, наследовавшие было его пост судьи, «не ходили... по его пути, а склонились к корысти и брали взятки и кривили судом». Когда Шмуэль составил, представители колен Израиля приходят к нему с просьбой, которая терзает его сердце: «Поставь над нами теперь царя, чтобы он судил нас, как (это) у всех народов» (8:5). Мотивы, по каким евреи хотят иметь монарха – чтобы ими управляли, как и любым другим народом, – показывают Шмуэлю, сколь поверхностно их возвращение к Б-гу.

Шмуэль пророчествует израильтянам, как они будут страдать под правлением царя: «сыновей ваших возьмет он и приставит их к колесницам своим... а (другие) будут пахать пашни его и жать жатву его... А дочерей ваших возьмет в составительницы (благовоний), в стряпухи и булочницы. А лучшие поля ваши и виноградники возьмет он... и сами вы будете ему рабами. И возопиете вы в тот день из-за царя вашего, которого вы избрали себе, но не ответит вам Г-сподь в тот день» (8:10–18).

Но евреи настаивают на своем: «Нет, только царь пусть будет над нами, тогда будем и мы как все народы; и будет судить нас царь наш... и вести войны наши» (8:19–20). По повелению Б-га Шмуэль назначает бросание жребия, в результате чего царем становится Шауль из колена Биньямина. Шмуэль представляет этого юношу народу, и евреи кричат: *Ихи гáмелех* — «Да здравствует царь!» (10:24).

Однако позже Шауль не повинуется прямому повелению Б-га (см. гл. 36), и Б-г велит Шмуэлю передать ему, что так как «ты отверг слово Г-спода, и Г-сподь отверг тебя, чтобы не быть тебе царем над Израилем» (15:26). Затем Б-г велит Шмуэлю разыскать Давида и провозгласить его новым царем. Пророк боится, как бы Шауль не узнал об этом и не убил его, Б-г советует Шмуэлю сказать, что пророк уходит для принесения жертвы. Это может показаться двусмысленным и исходящим от Б-га повелением солгать или, по меньшей мере, не сказать всей правды: ведь Шмуэль действительно приносит жертву, хотя цель его путешествия не в этом. Но перед Шмуэлем стоит вопрос его собственной жизни или смерти.

Шмуэль провозглашает царем Давида. Но проходит много лет, прежде чем он действительно начинает править как царь. А Шмуэль больше не появляется в Библии, если не считать одного странного случая.

Спустя много лет еще царствующий Шауль подвергается нападению огромного войска филистимлян. Он находит волшебницу, которая умеет вызывать мертвых, и требует от нее

призвать тень умершего Шмуэля, чтобы посоветоваться с пророком. Пророк действительно «поднимается из земли», но не приносит утешения испуганному царю. «Зачем ты потревожил меня?.. Завтра же ты и сыновья твои (будете) со мною у стен Израильских. Г-сподь предаст (вас) в руки филистимлян» (28:15–19). Беспрецедентное в Библии явление умершего Шмуэля – явное свидетельство веры в загробную жизнь.

36. Шауль

(Шмуэль I, 9–13)

На наших глазах Шауль становится из скромного и приятного молодого человека сперва храбрым воином и царем, а затем жалким и мстительным.

Шауль был первым царем Израиля: повинуйся он слову Б-га, царство, по-видимому, оставалось бы в руках его потомков, а не было бы передано Давиду и его наследникам. Но у Шауля был роковой для лидера недостаток – страстное желание всем нравиться. Пророк Шмуэль советовал ему начать тотальную войну против исконных врагов Израиля – амалекетян, уничтожить всю их собственность и стереть их с лица земли. Вместо этого, когда битва кончилась, Шауль награждал награбленной добычей своих воинов: «согрешил я, что преступил повеление Г-спода... так как боялся я народа (собственного войска) и послушался голоса его» (15:24), – оправдывается Шауль. Он пощадил и жестокого царя амалекетян Агага, скорее всего из уважения к собрату-монарху.

Шмуэль, возмущенный нарушением повелений Б-га, сообщает Шаулю от Его имени, что царство у него отбирается; затем пророк вызывает Агага и говорит ему: «как меч твой женщин лишил детей, так мать твоя среди жен лишится сына», и собственноручно убивает Агага (15:33).

С этого момента Шауль, слишком «мягкосердечный», чтобы убить Агага, становится безжалостным. Боясь, что его престол перейдет к Давиду, он убивает восемьдесят пять жителей города Нов, разрешивших Давиду переночевать в своем городе и даже не подозревавших о неприязни Шауля к Давиду. Еврейская традиция сопоставляет отношение Шауля к убийствам Агага и невинных жителей Нова таким образом: «тот, который милостив, когда должен быть жесток, в конце концов становится жестоким, когда должен быть милостив» (Кофелет раба, 7:16).

В сравнении с последними днями Шауля жизнь шекспировского короля Лира кажется сплошным празднеством. Одержимый страхом перед Давидом, Шауль мечет копье в своего сына Йонатана за его дружбу с Давидом (см. Давид и Йонатан) и обвиняет своего ближайшего советника в заговоре (22:8).

На последнюю битву с филистимлянами Шауль выходит, лишенный всякой надежды победить. Но Шауль не бежит с поля битвы. По-видимому, он предпочитает смерть жизни. Раненый Шауль боится, что филистимляне захватят его в плен и будут унижать, и бросается грудью на меч, став до этого свидетелем гибели троих сыновей.

37. Давид и Голиаф / Гольят

(*Шмуэль I, 17*)

Среди 42 царей и цариц, правивших Иудеей и Израилем, Давид – самая важная фигура. По сей день, спустя 3000 лет со дней Давида, евреи поют на иврите о «Давиде, царе Израиля, который жил и процветал». Именно он сделал Иерусалим столицей, религиозным центром евреев. Еврейская традиция гласит, что Машиах будет прямым потомком Давида.

Поскольку Библия рассказывает о Давиде подробнее, чем о ком-либо другом, остановимся только на пяти самых известных событиях его жизни.

Годы юности Давида пришлось на период унижительного для евреев владычества филистимлян. Когда евреи и филистимляне сошлись у узкой долины, ни одна сторона не хотела нападать первой, поскольку ее воины стали бы хорошей мишенью для стрелков на противоположном склоне долины.

Предводитель филистимлян предложил решить спор поединком двух самых лучших воинов каждой из сторон. Он выслал Гольята – великана ростом в три с лишним метра (по меньшей мере таким он показался израильтянам), вооруженного дротиком, мечом и луком. «Выберите у себя человека, и пусть он сойдет ко мне, – крикнул Гольят. – Если он сможет со мной сразиться и убьет меня, то мы будем вам рабами; если же я одолею его и убью его, то будете вы нам рабами и будете служить нам». Но никто из евреев не решился стать камикадзе и сразиться с Гольятом.

В то время Давид, младший из своих восьми братьев, служил пастухом. Он был слишком юным, чтобы идти на войну, но, когда отец послал его в израильский лагерь отнести еды троим старшим братьям, юноша устыдился за евреев, испуганных видом Гольята. Давид пытался вдохновить воинов. Царь Шауль услышал об этом и позвал его к себе; Давид сказал царю, что сам примет вызов великана-филистимлянина.

Шауль предложил ему свой щит и меч, но они оказались слишком тяжелы для юноши. Давид вышел на бой с Гольятом, оснащенный лишь палкой, пращей и пятью гладкими камнями. «Разве я собака, что ты идешь на меня с палкой?» – возмутился Гольят. В ответ Давид поднял пращу и метнул камень, поразив Гольята в лоб. Видя, что их самый главный воин пал от руки юноши, филистимляне в панике бежали. Давид отсек голову гиганта и поднес ее царю.

Благодарность Шауля не была долгой. Когда царь услышал, как израильские женщины поют: «Поразил Шауль тысячи свои, а Давид – десятки тысяч», он стал видеть в Давиде потенциального соперника.

38. Давид и Ионатан *(Шмуэль I, 18 – Шмуэль II, 1)*

Библия содержит два образца подлинной дружбы: дружбы женской (Рут и Наоми) и мужской (Давид и Ионатан).

Дружба Давида и Ионатана даже более примечательна, потому что, в отличие от Рут и Наоми, друзьям было за что соперничать. Ионатан – старший сын царя Шауля и наследник престола; Давид – лучший воин Шауля, общепризнанный народом претендент на царство.

Потенциальное соперничество не вредит их дружбе. Когда Ионатан убеждается, что Давид станет лучшим царем, чем он сам, это лишь подогревает его желание быть в будущем главным помощником своему другу: «Ты будешь царствовать над Израилем, а я буду вторым после тебя» (Шмуэль I, 23:17).

Ионатан дорого платит за эту дружбу: она отдаляет его от отца, Шауля, который видит в Давиде угрозу для своего трона. Шауль делает все, чтобы убить Давида, но ему постоянно мешает Ионатан, предупреждающий друга о планах отца. Шауль осуждает сына: «Разве не знаю я, что ты предпочел (Давида)... на позор себе и на позор наготы матери своей» (Шмуэль I, 20:30). Однажды он даже метнул в сына копье.

Тем не менее Ионатан по-прежнему чтит своего отца и даже сопровождает его в последнем самоубийственном походе против превосходящих сил филистимлян. Возможно, Ионатан опасался, несмотря на дружбу с Давидом, лишиться места у престола Давида; наследнику не просто стать даже важнейшим из сановников. Все это, конечно, лишь предположения: мы не знаем, о чем думал Ионатан во время своей последней битвы, в которой он и погибает вместе с отцом и двумя младшими братьями.

Посланец, который спешит к Давиду с вестью о гибели царской семьи и хвастается, что лично помог Шаулю уйти из жизни, явно ожидал щедрой награды. Вместо этого разгневанный Давид убивает его, вскричав: «Как не побоялся ты поднять руку свою, чтобы погубить помазанника Г-спода?» (Шмуэль II, 1:14). Затем он нежно прощается с дорогим другом: «Больно мне за тебя, брат мой Ионатан, очень ты был мне дорог; любовь твоя ко мне была сильнее женской любви» (Шмуэль II, 1:26).

Этот пассаж вместе с некоторыми другими описаниями отношений Давида и Ионатана часто вызывает клеветнические домыслы об их любовной связи. Фредерик Бюхнер заметил: как «грустно, мягко говоря, жить в эпоху, когда почти повсеместно двое мужчин не могут обняться, или поплакать вместе, или признаться в любви друг другу без того, чтобы не вызвать подозрение в плотской связи».

39. Давид и Вирсавия / Батшева (Шмуэль II, 11)

В тот миг, когда Давид увидел с крыши своего дворца прекрасную купающуюся женщину, началась самая некрасивая история в его жизни. Дворец царя был самым высоким зданием в Иерусалиме, но женщина не думала, что кто-то может увидеть ее оттуда. Батшева была женой одного из начальников царского войска. Давид приглашает ее к себе и «лежал с нею». Тем самым царь сразу нарушает две из Десяти заповедей – запрет «домогаться жены ближнего своего» и запрет прелюбодеяния – и готовит почву для нарушения еще более серьезной заповеди «не убивай». Ведь очень скоро Батшева сообщит царю, что она беременна. Давид мгновенно понимает, в сколь ужасное положение он попал. Возможно, царь опасался, что стоит его войнам узнать, как он обходится с их женами, пока идет война, – и они поднимут мятеж.

Догадливый царь немедленно вызывает мужа Батшевы Урию с поля битвы, задает ему несколько незначительных вопросов и посылает домой отдохнуть. Давид явно рассчитывал, что после проведенной с женой ночи Урию не удивит, если через несколько месяцев Батшева родит. Но Урия был слишком благороден, чтобы наслаждаться с супругой в то время, когда его товарищи сражаются. На следующий день Давид узнает, что Урия провел ночь «у ворот царского дома».

Так нарушение, казалось бы, незначительного запрета не домогаться чужого поставило Давида в безвыходное положение, толкая его на всё большие грехи. Он отправляет Урию назад с секретным письмом к своему главному военачальнику Йоаву: «Поставьте Урию туда, где самое жестокое сражение, и отступите от него, чтобы он был поражен и умер». Едва ли можно представить себе чувства Йоавы, когда он прочел письмо царя, а Урия, наверное, стоял перед ним.

Йоав тотчас отправил Урию туда, где его ждала верная гибель, и вскоре сообщает царю «счастливую новость». Совесть Давида была столь затуманена желанием во что бы то ни стало избавиться от Урии, что царь не думал и о других солдатах, тоже погибших в этой бессмысленной схватке. Он наконец почувствовал себя в безопасности.

Когда минуло положенное «время скорби» Батшевы по мужу, Давид берет ее в жены. Но этим история не кончилась: «Дело, которое сделал Давид, злым было в очах Г-спода. И послал Г-сподь к Давиду (пророка) Натана» (см. гл. 40).

Несмотря на трагическое начало их связи, Батшева потом станет матерью самого знаменитого сына Давида, его будущего преемника – Шломо.

40. Давид и Натан. «Ты – тот человек! / Ата гаиш» (Шмуэль II, 12)

Предлог, под которым пророк Натан добился аудиенции у царя, был незначительным – посоветоваться по поводу такого происшествия. В одном городе были два человека: один богатый, а другой бедный. У богатого было очень много мелкого и крупного скота. А у бедного... ничего, кроме одной маленькой овечки, которую он купил и выкормил; и она выросла... вместе с его детьми; один кусок хлеба она с ним ела, и из чаши его пила, и на груди его спала... «И пришел гость к тому богатому человеку, и тот пожалел взять что-либо из своего... скота, чтобы приготовить для гостя... и взял овечку того бедного человека, и приготовил ее для человека, который пришел к нему».

Давид разгневался: «Человек, сделавший это, достоин смерти!»

«Ата гаиш, – ответил Натан. – Ты – тот человек!» – и перечислил все, что Б-г сделал для Давида, который ответил на Его доброту тем, что убил Урию и отнял у него жену.

До этой встречи Давид, несомненно, нашел бы не один способ оправдать свое поведение в истории с Батшевой. Фрейд недаром заметил: «Когда дело доходит до самооправдания, тут все мы гении». Но перед лицом обличившего его Натана Давид тотчас раскаялся: «Согрешил я перед Г-сподом».

Важнее всего в этой истории не поведение Давида: оно не редкость для монархов как древних, так и недавних. Уникально другое: библейские пророки могли осуждать царей именем высшего закона, не рискуя своей жизнью, а цари – признавать свои грехи и раскаиваться. Более того, именно пророки, а не цари оставили нам свои свидетельства, где цари предстают такими, какими были в действительности, не исключая самых постыдных страниц их жизни.

41. Давид и Авшалом (Шмуэль II, 13–19)

«Сын мой, сын мой Авшалом!». (Шмуэль II, 19:1)

Насколько удачливым монархом был Давид, настолько и несчастливым отцом. Его старший сын Амнон обесчестил собственную сестру. Третий сын, Авшалом, был очень красивым – и избалованным – ребенком. Библия почти не уделяет внимания мужской красоте, но для Авшалома сделано исключение: «Во всем Израиле не было мужчины столь славного красотою... от стопы его до темени не было в нем изъяна» (14:25).

Но у Авшалома был душевный изъян: он вырос властолюбивым лицемером. Когда евреи просили Давида рассудить их споры, Авшалом каждому намекал, что, будь он царем, он бы вынес решение непременно в его пользу. Неудивительно, что Авшалом быстро смог «вкрасться» в сердца всех израильтян (15:6).

Авшалом сумел даже склонить на «сильный заговор» отцовского советника Ахитофеля, после чего провозгласил себя царем в городе Хевроне, откуда направился в Иерусалим с большим войском. Застигнутый врасплох, Давид был вынужден бежать.

Ахитофель дает Авшалому наилучший в его положении совет – немедленно схватить Давида, пока тот не успел собрать свои силы. Но другой советник, Хушай, тайно остававшийся на службе у Давида, убеждает Авшалома подождать до тех пор, пока он лично не сможет повести против Давида огромное войско. Совет Хушай льстит самолюбию Авшалома, и Давид выигрывает время.

Собрав силы, Давид отдает приказ перед заключительной битвой: взять Авшалома живым. Но когда Авшалом бежал с поля сражения, его длинные волосы запутались в ветвях дерева. Царский военачальник Йоав находит его и, разгневанный изменой, убивает юношу.

Давиду эта победа принесла больше горя, чем радости. Он рыдал и содрогался: «Сын мой Авшалом! Сын мой, сын мой Авшалом! О, если б я умер вместо тебя, Авшалом, сын мой! Сын мой!» (19:1).

Ведь, подобно многим отцам до него и после него, Давид любил не разумом, но сердцем.

42. Шломо (Млахим I, 1–11)

Еврейская традиция считает Шломо / Соломона, сына царя Давида, мудрейшим из людей. Наслышанная о его блестящем уме, из Эфиопии в Страну Израиля приезжает царица Шва, что бы проверить это труднейшими вопросами; Шломо с блеском отвечает на все из них. «Не было ничего незнакомого царю, чтобы он не изъяснил ей», – резюмирует Библия эту встречу (10:3). В другом месте Библия сообщает, что Шломо сочинил три тысячи притч и свыше тысячи песен, а цари со всего света направляли к нему гонцов, чтобы узнать его мудрые речи (5:12, 14). Традиция приписывает Шломо авторство трех библейских книг: Песни песней (Шир гаширим), Притчей (Мишлей), Екклесиаста (Кофелет).

Репутацию Шломо-мудреца больше всего укрепил такой случай. Пришли к царю две блудницы и попросили рассудить их. Одна рассказала, что несколько дней назад обе они родили сыновей. Но прошлой ночью ребенок другой женщины умер, и та подменила своего умершего ребенка на ее живого. Встав утром покормить младенца, она тотчас поняла: мертвый ребенок у нее на руках – не ее сын. Другая женщина настаивала, что живой ребенок – ее, а первая блудница лжет.

Шломо приказал принести меч и повелел: «Рассеките живого младенца надвое и отдайте половину одной из женщин и половину другой». – «Прошу, господин мой, – в ужасе закричала одна из женщин, – отдайте ей этого живого ребенка и не умерщвляйте его». Другая же оставалась непреклонной: «Пусть же ни мне, ни тебе не будет – рубите!» «Отдайте первой живое дитя... она – мать его», – приказал Шломо.

«И услышал весь Израиль о суде... и стали бояться царя, ибо видели, что мудрость Б-жия в нем, чтобы вершить суд» (3:16–28).

Завоевания отца принесли Шломо самое большое и прочное за всю еврейскую историю царство. Поэтому у него хватало и времени для отвлеченных размышлений, и средств для грандиозного строительства. Именно Шломо построил Первый Храм (см. гл. 43), который простоял до 586 г. н. э.

Впрочем, мудрейший из мудрейших в одном, Шломо не был достаточно разумен в другом. Чтобы соорудить Храм, он ввел непомерно высокие налоги и ежемесячно отправлял по десять тысяч израильтян на принудительные работы в Ливане, чтобы расплатиться за купленные там строительные материалы. Сочетание высоких налогов с принудительным трудом вызвало возмущение у народа, помнящего о горьком египетском рабстве. Ропот усилился, когда оказалось, что «чрезвычайные налоги» продолжают взимать и после завершения строительства Храма.

Ни один еврей никогда не имел так много жен, как Шломо. Библия сообщает, что у него было семьсот жен и триста наложниц. Многие, если не большинство из них, были знатными чужеземками, посредством которых царь поддерживал добрые отношения с их странами. К несчастью, не столько Шломо влиял на религиозные убеждения своих нееврейских жен, сколько они совращали мужа в свою веру. Библия так говорит о царе, соорудившем великолепный Храм: «Не было сердце его полностью (предано) Г-споду, Б-гу своему, как сердце Давида, отца его; он строил и святилища для идолов, чтобы его нееврейским женам было где молиться» (11:3–10).

В гневе Б-г заявил Шломо, что отнимет у его потомков царство, оставив под его правлением только одно колено Иегуды – и то лишь ради «раба Моего» Давида и «ради Иерусалима, который Я избрал» (см. «Отделение десяти северных колен»).

Несмотря на столь строгое осуждение царя в тексте Библии, в еврейской традиции преобладает образ молодого мудреца Шломо. Имя Шломо остается популярным у евреев. В нем выражается надежда родителей на то, что их сын будет так же мудр, как и его древний тезка.

43. Храм / Бейт ґамикдаш

Главным достижением царя Шломо стало возведение в Иерусалиме великолепного Храма (Бейт ґамикдаш). Его отец, царь Давид, еще раньше хотел соорудить Б-гу большой храм – место постоянного хранения Ковчега завета со скрижалями Десяти заповедей. Однако Б-г воспротивился этому. «Не строй дома для имени Моего, ибо человек воинственный ты, и кровь проливал ты», – сказал Б-г Давиду (Млахим I, 28:3).

Согласно описанию Библии, Храм Шломо имел примерно 60 метров в длину, 30 метров в ширину и 20 метров в высоту. Царь не жалел денег на сооружение Храма, заказав у Хирама, царя Тира, драгоценный кедр, и велел выложить фундамент Храма из огромных блоков обтесанного камня. Все подданные Шломо были обязаны отработать на этом строительстве, за которым надзирало около 3300 чиновников. Шломо вошел в столь тяжелые долги, что расплачиваться с Хирамом ему пришлось двадцатью галилейскими городами.

Когда Храм был наконец завершен, Шломо открыл его молитвой и жертвоприношением и даже призвал войти туда и помолиться неевреев, прося Б-га принять их молитвы: «Дабы знали все народы земли имя Твое, дабы боялись Тебя, как народ Твой, Израиль, и дабы знали, что именем Твоим называется дом этот, который я построил» (Млахим I, 8:43).

До того как Храм был разрушен вавилонянами спустя примерно четыреста лет (в 586 г. до н. э.), основной формой Б-гослужения здесь были жертвоприношения. Через семьдесят лет на том же месте был отстроен Второй Храм, и жертвоприношения возобновились. В I в. до н. э. царь Ґордус (Ирод) значительно расширил этот Храм. Второй Храм был разрушен римлянами в 70 г. н. э., после подавления ими Великого восстания.

Хотя величественный Храм Шломо был богато украшен, самое важное его помещение было почти пустым. Известное как Святая святых (*Кодеш кодашим*), оно хранило две скрижали Десяти заповедей. К сожалению, скрижали бесследно исчезли, когда вавилоняне разрушили Храм, и в период Второго Храма Святая святых пустовала. Только раз в году, на Йом-Кипур, сюда входил первосвященник и молился Б-гу от имени всего Израиля. Монолог хасидского раби из пьесы «Диббук» передает смысл того, о чем евреи некогда молились в Храме и что чувствовали во время этой молитвы:

«Б-жий мир велик и свят. Самая святая страна в мире – страна Израиля. В стране Израиля самый святой город – Иерусалим. Самым священным местом в Иерусалиме был Храм, а наисвятейшим местом в Храме – Святая святых...

Семьдесят народов есть в мире. Самый святой народ – народ Израиля. Самое святое из колен Израиля – левиты. Среди левитов самые святые – коґаним. Среди священников самый святой – первосвященник...

В году 354 дня (лунный год). Из них самые святые – праздники. Выше них – святость субботы. Среди суббот самая святая – День искупления, Суббота суббот...

В мире семьдесят языков. Самый священный – еврейский. Святее прочего на этом языке – святая Тора, а в Торе самое святое – Десять заповедей. В Десяти заповедях святейшие слова – это имя Б-га...

И раз в год, в определенный час, эти четыре высшие ценности мира соединяются друг с другом. Это Йом-Кипур, когда первосвященник входит в Святая святых и там произносит имя Б-га. И поскольку час этот безмерно свят и почитаем, это и час наибольшей опасности не только для первосвященника, но и для всего Израиля. Потому что если в этот час, избави Б-г, в голове у первосвященника возникнет ложная или грешная мысль, весь мир будет разрушен...»

До сих пор ортодоксальные евреи трижды в день молятся о восстановлении Храма. В то время, когда Страной Израиля правили мусульмане, на месте еврейского Храма были построены две мечети. Сооружать мечети на святых местах других религий – давняя практика мусуль-

ман. А поскольку любая попытка разрушить эти мечети вызовет исламскую войну (джихад) против Израиля, Храм может быть восстановлен лишь с приходом Машиаха.

44. Отделение десяти северных племен, около 930 г. до н. э. **(Млахим I, 12)**

Сын и наследник царя Шломо, Рехавам, имел три дурных качества: он был жаден, нахален и глуп. Это убийственное сочетание привело к расколу еврейского царства на две части.

Когда умер царь Шломо, евреи попросили Рехавама убавить тяжелые налоги и отменить повинность принудительного труда, введенные его отцом. Рехавам решает подумать в течение трех дней и узнать мнение своих советников. Старейший советник советует проявить терпимость и доброжелательность, и тогда евреи навсегда останутся верными подданными Рехавама. Но молодые советники по своим качествам были вполне под стать своему молодому царю. Они советуют ему безжалостно отвергнуть все просьбы подданных.

Когда через три дня евреи пришли за ответом, царь заявил им: «Отец мой возложил на вас тяжкое иго, а я ныне еще тяжче сделаю иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас тернием» (12:14).

Но подданные Рехавама не испугались. «Какая нам часть (в доме) Давида?» – заявили они, а возвратившись домой, тут же избирают своим царем Йоровама. Лишь колено Йефуды и соседнее малочисленное колено Биньямина остались верными дому Давида.

Первой мыслью Рехавама было силой заставить десять отколовшихся племен вернуться в свое царство. Но, убедившись, что обстоятельства против него, он не решился на вооруженный конфликт. С этого времени страна делится на две части: Иудею и Израиль (или Десять колен). Каждым государством управляет своя династия – свой царский дом. Государство десяти израильских племен просуществовало до 722 г. до н. э., когда было разбито и уничтожено Ассирией; крошечное государство Иудея продержалось до вавилонского вторжения в 586 г. до н. э.

Этой трагедии могло бы и не быть, передай мудрый царь Шломо хотя бы малую часть своего ума своему патологически немудрому сыну (см. «Невухаднецар», «Вавилонское пленение» и гл. 45).

45. Ахав и Изевель (Млахим I, 16:29–22:40)

«Ты убил, а еще и наследуешь!» (Млахим I, 21:19)

История царя Ахава и его нееврейской супруги Изевели учит нас тому же, что и история Давида и Батшевы: как нарушение заповеди «не домогаться чужого» может привести к куда более серьезным грехам.

Ахаву, царю десяти северных племен, понравился виноградник, примыкавший к его землям. Его владелец по имени Навот отказался продать этот участок, его род владел им со времени прихода евреев в Страну Израиля, и Навот не горел желанием расстаться с подобной семейной реликвией.

Ахав совсем было расстроился, когда Изевель, дочь финикийского царя, абсолютно чуждая библейской морали, обнадежила мужа: «Да будет весело сердце твое: я дам тебе виноградник Навота...» Она находит двух подлецов, которые лжесвидетельствуют о том, что Навот публично поносил Б-га и царя. Это не только каралось смертной казнью, но и вело к конфискации всего имущества осужденного в пользу царя.

Так глаз, брошенный на чужое добро, привел к нарушению запрета лжесвидетельства, кражи и убийства. Через несколько дней Навота казнили, и Ахав наконец возрадовался: виноградник принадлежал ему. Но Б-г знает о злодеяниях царской четы и говорит пророку Элиягу: «Встань, сойди навстречу Ахаву... в винограднике Навота... и скажешь: «Так сказал Г-сподь: ты убил, а еще и наследуешь?»

Элиягу поджидает Ахава и сообщает ему слова Б-га, предрекая скорое падение Ахава и его семьи, а в довершение всего предрекает, что псы пожрут тело Изевели в украденном ими у Навота винограднике.

Хотя царствование Ахава было успешным как в экономическом, так и в военном отношении, для Библии всего важнее, что «делал Ахав... злое в очах Г-спода (более) всех, кто был до него» по наущению своей жены, Изевели. Эта чета стала воплощением преступных царя и царицы.

Помимо подстрекательства к убийству Навота, Изевель согрешила тем, что мешала поклоняться Б-гу и привезла в Страну Израиля сотни жрецов идолопоклонства (см. гл. 46). Ее влияние на еврейскую историю было заметным: два ее сына – Ахазья и Йорам стали царями Израиля, а дочь Аталья – царицей Иудеи (Млахим II, 8:18).

Вместе с остальными членами своей семьи Изевель гибнет во время восстания религиозного реформатора Йефу. Поняв, что Йефу победил, Изевель встречает смерть с характерным для нее бесстрашием. Запершись в доме, выстроенном в винограднике Навота, она красит глаза, укладывает волосы, затем зовет из окна своих убийц. Они входят и выбрасывают Изевель из окна: «И брызнула кровь ее на стену и на коней, и растоптали ее». Когда через несколько часов ее решают похоронить как царскую дочь, то находят лишь череп, ноги и кисти рук. «Таково было слово Г-спода, которое изрек Он через раба Своего Элишу...» – замечает Йефу, – «псы съедят тело Изевели» (Млахим II, 9:36).

46. Пророк Илия / Элиягу Ганави (Млахим I, 17–19, 21; Млахим II, 4)

Библейский пророк Элиягу имеет мало общего с Элиягу еврейского фольклора. «Фольклорный» Элиягу – это тот, кто незримо посещает каждый пасхальный *седер* в миг, когда дети замечают, что убавилось вино в чаше Элиягу (*кос Элиягу*), которая ставится на стол специально для него. Он присутствует на каждом обрезании, где для него приготовлен особый стул (*кисэ Элиягу*).

В фольклоре Талмуда и еврейского средневековья Элиягу посещает на земле святых, ученых и просто попавших в беду евреев. Один из самых поздних библейских пророков, Малахи, обещает, что именно Элиягу совершит последнее чудо перед приходом Машиаха: «И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их» (Малахи, 4:6), разрешив все споры евреев по религиозным вопросам; когда спустя столетия мудрецы Талмуда не могли найти согласия по тем или иным проблемам, они откладывали споры «до прихода и разрешения их Элиягу».

Из самых разных, но неизменно добрых ролей, которые отводит ему фольклор, казалось бы, следует, что исторический Элиягу – пророк, который появляется в книгах Млахим, – был добрым, приятным и обходительным человеком. Но это вовсе не так! В Библии нет пророка более неистового, нетерпимого и бескомпромиссного. Бродя по холмам Израиля в набедренной повязке и с посохом в руке, Элиягу объявил настоящую войну идолопоклонству и царице Изевели (финикиянке – жене царя Ахава, см. гл. 45) за то, что она насаждала в Израиле культ Баала. Во время продолжительной засухи он бросил вызов сразу 450 жрецам Баала, привезенным Йоавом: каждая сторона должна была зарезать быка, возложить его на жертвенник и воззвать к своему богу. Пусть израильтяне сами увидят, чей бог ниспешлет огонь, чтобы принять жертву. Жрецы Баала читали свои молитвы, бросались в исступленные танцы и, отчаявшись, начали вонзать в свои тела ножи, так что кровь текла по ним. Но ничего ровным счетом не происходило.

И тогда Элиягу молит Б-га показать свое могущество. «И ниспал огонь Г-сподень». Толпа израильтян, наблюдавшая эти состязания, застыла в почтении и непроизвольно повторяла: Гашем гу гаэлоким, «Г-сподь – он (один) Б-г» (Млахим I, 18:39). До сих пор, спустя 3000 лет, эти слова звучат в конце службы Йом-Кипура. Затем толпа под предводительством Элиягу убивает всех 450 жрецов Баала.

В другой раз, когда царица Изевель губит Навота, чтобы его виноградник достался царю Ахаву (см. гл. 45), Элиягу ждет, пока царь не становится соучастником ее заговора, и затем проклинает Ахава: «Ты убил, а еще и наследуешь?» (Млахим I, 21:19).

Почему же именно этот неистовый пророк стал добрым дедушкой – волшебником еврейских легенд? Есть по крайней мере три причины, две из них основаны на тексте Библии. Во-первых, Библия предполагает, что Элиягу не умер: на глазах своего ученика Элиши он внезапно вознесся на небо в огненной колеснице (Млахим II, 2:11); за исключением Эноха (Брейшит, 5:22–24), это единственный библейский персонаж, которого миновала смерть. Бессмертие само по себе уже дает достаточно оснований считать возможным возвращение Элиягу на землю.

Во-вторых, нет и более подходящего для совершения чудес пророка. Два удивительных деяния Элиягу – умножение пищи и воскрешение мертвых, по-видимому, стали прообразом тех чудес, которые были приписаны Йешу спустя восемьсот лет.

Но третье – и самое подходящее – объяснение я слышал от своего отца. Присутствие Элиягу на «седере» и обрезании связано именно с его гневом. Сразу же после победы над жрецами Баала Элиягу бежит от взбешенной Изевели в пустыню, где сорок дней проводит в оди-

ночестве. В течение этого времени Элиягу гневно взывает к Б-гу: «Оставили завет Твой сыны Израиля... и остался я один» (Млахим I, 19:14); вероятно, это значит, что он – единственный еврей и единственный монотеист, который остался на земле. Но Б-г не позволяет Элиягу замкнуться в собственной праведности. Он дает пророку новые поручения и отправляет его обратно к людям. И вот именно в этой преувеличенности обвинений Элиягу в адрес всех евреев и лежит объяснение его многочисленных явлений. Тот, кто счел себя последним евреем, был осужден стать постоянным свидетелем вечности Израиля, присутствовать при заключении каждым еврейским мальчиком завета с Б-гом и на каждом праздновании «седера» (до наших дней обрезание и «седер» – наиболее исправно соблюдаемые еврейские ритуалы). Элиягу стоит в длинной череде тех отчаявшихся евреев, кто ошибочно предсказывали конец еврейского народа (см. «Исчезающий американский еврей»).

47. Десять пропавших колен, 722 г. до н. э.

Не раз пытались уничтожить еврейский народ. Благодарение Б-гу, все эти попытки провалились. Одна из них произошла в 722 г. до н. э., когда Ассирия нанесла поражение Израильскому царству и решила разрушить это государство раз и навсегда. Ассирийцы выслали оттуда всех жителей – многие бежали в соседнее еврейское государство Иудею – и привели из Вавилона и Ассирии новых поселенцев, назвав образованную на месте Израильского царства новую провинцию Самарией. С тех пор на свете остались лишь потомки колен Иуды и Леви (см. «Священник, левит, израильтянин»).

Так как нет никакой информации о судьбе десяти колен – II книга Млахим (17:6) сообщает лишь о местах их первоначальной высылки, – то на этой почве возникло огромное количество легенд. Стоило какому-либо народу выразить симпатию к евреям (например, Англия после провозглашения Декларации Бальфура) или практиковать обряды, в чем-то схожие с ритуалами Торы (некоторые индейские племена Америки), как их происхождение начинали возводить к десяти потерянным коленам. И сегодня есть люди, которые считают, что евреи Эфиопии происходят от колена Дана.

В Средние века, когда почти все евреи страдали от гнета христиан или мусульман, распространились слухи о могучем государстве на мифической реке Самбатин, населенном десятью коленами, которые когда-нибудь придут и спасут своих братьев.

На деле большинство потомков десяти колен были, очевидно, ассимилированы народами, среди которых они были поселены. В отличие от потомков марранов (см.), многие из которых сохраняют традиции, подтверждающие их еврейское происхождение, ассимиляция десяти колен не оставила от них видимых следов.

48. Невухаднецар, царь вавилона (604–562 гг. до н. э.)

В нееврейском мире Невухаднецар известен благодаря «висячим садам Вавилона» на крыше его дворца, которые древние греки отнесли к семи чудесам света. В еврейском мире его репутация куда хуже: он – библейское воплощение садизма. После подавления восстания евреев в 586 г. до н. э. Невухаднецар ослепил царя Цидкиягу, предварительно убив у него на глазах двух его сыновей, чтобы эта жуткая картина преследовала царя до самой смерти (Млахим II, 25:7).

Позднее Невухаднецар, разгневанный вторым еврейским восстанием против него, длившимся 12 лет, приказал разрушить *Бейт гамикдаш*. Великий Храм в Иерусалиме.

Пророк Даниэль сообщает, что Невухаднецар затем пережил некое подобие раскаяния – впрочем, мало впечатляющее. Царь воздвиг огромного золотого идола и приказал всем своим чиновникам поклоняться ему. Три чиновника-еврея – Шадрах, Мейшах и Аведнего отказались, хотя Невухаднецар и грозил им суровыми карами. И тогда Невухаднецар велел разжечь печь всемеро сильнее, чем обычно, и приказал воинам связать трех строптивцев и бросить их в огонь. Когда их заталкивали в печь, вырвавшийся оттуда язык пламени поразил самих воинов. Это не остановило Невухаднецара. Единственное, что произвело на него впечатление, – то, что в печи оказалось не три, а четыре человека, «свободно расхаживающих в пламени... четвертый похож по виду на ангела Б-жьего». Царь немедленно выпустил из печи троих евреев, повысил их по службе и повелел, что любой, кто оскорбит Б-га Шадраха, Мейшаха и Аведнего, «будет изрублен на куски... ибо нет другого Б-га, который мог бы совершить такое спасение» (Даниэль, 3:25, 29).

49. Вавилонское пленение, 586 г. до н. э.

Вавилонское пленение – это второе изгнание с родной земли (см. гл. 47) тех людей, которые за всю свою историю куда больше жили в изгнании, чем на родине.

Когда Невухаднецар (см. гл. 46) разрушил в 586 г. до н. э. Храм и покончил с Иудеей, он решил окончательно ликвидировать беспокойное еврейское царство, забрав его наиболее выдающихся жителей в свою столицу и оставив на родине лишь самых бедных евреев. В Вавилоне евреи остро почувствовали боль изгнания. Наверное, самые грустные из псалмов созданы именно в эти годы пленения.

У рек вавилонских сидели мы и плакали, вспоминая Цион...
Пленившие нас требовали от нас песнопений и насмехающиеся
над нами – веселья: «Пойте нам песни Циона».
Как петь песнь Г-споду на земле чужой?
Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня десница моя...
(т. е. пусть отсохнет моя правая рука) (Теѓилим, 137:1–5).

Каждый год Девятого ава евреи постятся и читают свиток Эйха (Плач Иеремии), отмечая память разрушения Иудеи и Первого Храма.

В своем письме евреям Вавилона пророк Ирмеяѓу от имени Б-га призывает их: «Прогните мира (для) того города, в который Я (Б-г) изгнал вас, и молитесь за него Г-споду, ибо при его благополучии и вы будете благополучны» (Ирмеяѓу, 29–7). Этот совет Ирмеяѓу острожен – пророк явно боялся, что евреи поднимут в Вавилоне мятеж, как это случилось в Иерусалиме (см. «Иеремия / Ирмеяѓу»). Совет, похоже, был услышан. Древние хроники свидетельствуют, что евреи занимались ремеслами, работали строителями на сооружении дворцовых зданий Вавилона, а правители предоставили им полную возможность отправлять свой культ. Менее чем через 70 лет персидский царь Кир покорил Вавилон и призвал евреев вернуться домой – большая часть из них отказалась. Подобно их нынешним потомкам, живущим в рассеянии по всему миру, они предпочитали оказывать помощь евреям Страны Израиля, вместо того чтобы самим переехать туда на постоянное жительство.

50. Исайя / Йешаяѓу. «Не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (2:4). «Свет для народов» (49:6)

Надпись на стене у здания ООН в Нью-Йорке взята из книги пророка Йешаяѓу: «Не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (2:4). Эта надпись не сопровождалась ссылкой на источник (по-видимому, из опасений возбудить недовольство коммунистических и мусульманских членов ООН).

Древний призыв Йешаяѓу к миру во всем мире основывается на его вере, что все народы в конечном счете примут монотеизм и Тору, отказавшись от многобожия и войн: *Ки миццион теце тора* – «Ибо из Сиона выйдет Тора и из Иерусалима – слово Г-спода», – заявил пророк (2:3).

Йешаяѓу строил большие планы не только для одного еврейского мира; он призвал евреев сыграть активную роль в мировой истории и стать *ор лагоим* («светом для народов»). Эти слова, подразумевающие миссию евреев в мире, и по сей день актуальны для всех евреев, которые верят, что их народ избран для того, чтобы сделать Б-га и Его этические ценности известными всему миру (см. «Избранный народ»).

В первой главе своей книги пророк настаивает, что справедливость – высшее требование Б-га. Он высмеивает религиозное лицемерие тех, кто пунктуально выполняет ритуалы иудаизма, но игнорирует его этику. «К чему Мне множество жертв ваших? – говорит Г-сподь. – Пресыщен Я всесождениями онов и туком откормленного скота» (Йешаяѓу, 1:11). Вместо этого лучше «перестаньте творить зло. Учитесь творить добро, требуйте справедливого суда; поддержите угнетенного, (верно) судите сироту; вступайтесь за вдов» (1:16–17).

В одиннадцатой главе Йешаяѓу предсказывает будущий мессианский век, когда «волк будет жить (рядом) с агнцем и леопард будет лежать с козленком» (11:6).

51. Иеремия / Ирмеяѓу

Если не брать Иова, то пророк Ирмеяѓу – самый несчастный персонаж Библии. Слово «иеремиада», образованное от его имени, вошло во многие языки как обозначение горестных жалоб и сетований. Ирмеяѓу жил около 600 г. до н. э., в последние дни существования Первого Храма. Как пророк он неоднократно предостерегал царя Цидкияѓу и его подданных от восстания против Вавилона: положение евреев может улучшиться лишь после их полного отказа от зла и идолопоклонства.

Царь и народ проигнорировали увещания пророка. Они считали, поскольку в Иерусалиме находится Храм, то сам Б-г гарантирует этому городу безопасность. Несколько лет спустя, когда Храм и вся Иудея были разрушены (см. «Невухаднецар» и «Вавилонское пленение»), Ирмеяѓу мог хотя бы претендовать на удовлетворение – «Ведь я же вам говорил!». Но он был охвачен горем. Библейский пророк – не бесчувственный оратор, безразличный к судьбам людей, которым он пророчествует. Напротив, он чувствует дополнительную меру своей ответственности и вины за то, что не смог преподнести свое пророчество так, чтобы оно убедило людей и заставило их послушаться его.

Корни горя Ирмеяѓу лежат еще глубже. Он – единственный персонаж Библии, лишенный семейных радостей. Б-г не велел ему жениться и иметь детей из-за ожидавшей их ужасной судьбы: «Ибо так сказал Г-сподь о сыновьях и дочерях... Умрут они от болезней и не будут ни оплаканы, ни погребены... от меча и голода погибнут они, и трупы их будут пищею птицам небесным и зверям земным... ибо отнял Я у этого народа, – сказал Г-сподь, – мир Мой, благосклонность и милосердие» (Ирмеяѓу, 16:3–5).

Судьба каждого настоящего пророка – бороться со своим временем. Когда евреи жили в достатке, но без духовной опоры, Ирмеяѓу осуждал их. Когда они решили присоединиться к восстанию против превосходящего их войска, Ирмеяѓу высмеял их. Но когда евреи потеряли все и погрузились в отчаяние, обычно мрачный Ирмеяѓу вселил в их сердца надежду. Евреи приготовились отправиться в изгнание и больше не рассчитывали увидеть родную землю. Ирмеяѓу в это время тратит последние средства на покупку земли в Стране Израиля, чтобы показать отправляемым в изгнание – еще придет время вернуться в Страну Израиль, хотя ни один другой народ после изгнания еще не возвращался обратно на свою родину. В своем «сионистском» пророчестве, которое до сих пор, спустя 2600 лет, поется на каждой еврейской свадьбе, он заявляет: *од йишама* – «на этом месте... в (покинутых) городах Иудеи и на опустевших улицах Иерусалима... еще слышен будет голос радости и голос веселья: ликование жениха и ликование невесты» (33:10–11).

Во время восстания против Невухаднецара Ирмеяѓу предсказывает, что вавилоняне одержат верх над евреями не только благодаря военному превосходству, но и потому, что Б-г послал их, чтобы наказать Иудею. Евреям его времени (как и многим нынешним) утверждение Ирмеяѓу о том, что страдания народа – это наказание за его ошибки, казалось оскорбительным. Действительно, у кого хватит смелости, чтобы сказать подобное о Катастрофе? И тем не менее эта весьма спорная идея сохранила евреев.

В древнем мире считалось, что боги победителя сильнее богов побежденного. Вот почему жители страны, потерпевшей поражение, нередко обращались в веру победителей. Но именно потому, что евреи верили, что Б-г – а не Невухаднецар – привел их к поражению, они не соблазнились вавилонскими идолами. Они смогли остаться евреями и в Вавилоне, потому что верили: тот же Б-г, Который изгнал их, вернет их в Израиль, если они возродят свою мораль.

Хотя идеи Ирмеяѓу в ретроспективе кажутся очень ясными, он заплатил несоразмерно тяжелую цену за свою оппозицию восстанию соотечественников-евреев. Многие из них (если не большинство) считали пророка предателем. Его избивали в Храме (20:1–2), оставляли уми-

рать в грязной яме (38:6), ему пришлось бежать от священников и лжепророков, пытавшихся его убить (26:8–11). Ни у одного из других пророков мы не встречаем столь глубокой боли и отчаяния:

(Будь) проклят тот день, когда я родился...
(Будь) проклят тот человек, что известил отца моего, сказав:
«Родилось у тебя дитя мужского пола!»...
Зачем вышел я из утробы? чтобы видеть муку и скорбь
и чтобы закончились дни мои в поругании? (20:14–15, 18).

Но после смерти Ирмеягу евреи стали считать его героем. Они берегли его письма, в том числе и обличающие их поведение. Они согласились с ним, что присутствие Б-га повсеместно и Ему можно поклоняться и в изгнании. Даже в самые мрачные дни вавилонского пленения их дух держался благодаря внушенной пророком уверенности, что когда-нибудь они вернуться в Израиль. Еще важнее то, что евреи узнали от него об этике.

Так сказал Г-сподь:
да не хвалится мудрый мудростью своею,
и да не хвалится сильной силою своею,
да не хвалится богатый богатством своим.
Но хвалящийся пусть похвалится лишь тем,
Что он разумеет и знает Меня,
что Я – Г-сподь, творящий милосердие, правосудие
и справедливость на земле,
ибо лишь это желанно Мне, – сказал Г-сподь (9:22–23).

А вот пять изречений, которые так или иначе касаются Ирмеягу:

1. «Некоторые люди рождаются посмертно» (Ницше). Когда Ирмеягу умирал, он явно считал, что прожил жизнь неудачником. Однако спустя более чем 2500 лет он оказывает заметное влияние на жизнь евреев.
2. «Умирает тиран, и власть его кончается; умирает мученик, и власть его начинается» (Кьеркегор).
3. «Десять говорящих людей могут произвести больше шума, чем десять тысяч молчавших» (Наполеон).
4. «В ваши обязанности не входит завершить работу (по совершенствованию мира), но вы не вправе и отказываться от нее» (раби Тарфон).
5. «Правда не знает смерти, но и жизнь ее несчастлива» (еврейская пословица).

52. Иезекииль / Йехезкель

Долина, полная костей (37:1–14)

Столь же безоглядный пессимист, как и его современник Ирмеягу (см. гл. 51), пророк Йехезкель оставил Израилю один из самых устойчивых образов надежды.

В молодости Йехезкель был священником Храма в 598 г. до н. э.; когда вавилоняне заняли Иерусалим, его высылают в Вавилон вместе с несколькими тысячами видных евреев. Так он стал первым пророком, живущим за пределами своей земли. Из своей ссылки Йехезкель предсказывает разрушение Иерусалима – так и случилось в 586 г. до н. э. После разрушения пророк предсказывает, что евреи вернуться на свою родину. Ему было дано немало фантастических видений о будущей судьбе Израиля. Однажды небесный зодчий даже показал ему новый Храм, который будет построен на месте разрушенного.

Самое известное видение пророка – это символ возрождения, казалось бы, уже «мертвого» еврейского народа. Б-г показал Йехезкелю долину, полную мертвых костей – они так долго пролежали на палящем солнце, что плоть отстала от них, – и спросил: «Сын человеческий! Оживут ли кости эти?»

«Г-сподь Б-г, Ты знаешь», – отвечает Йехезкель, понимая, что Б-г велит ему произнести пророчество: «Кости иссохшие, слушайте слово Г-сподне!.. введу в вас дыхание (жизни), и оживете».

Только пророк произнес слова Г-сподни, как кости пришли в движение и начали соединяться в скелеты, плоть нарастала на них, но тела оставались бездыханными. Тогда сказал Б-г: «От четырех ветров приди, дыхание (жизни), и вдохни на убитых этих, и оживут они».

И дыхание вошло в великое множество тел, и все они встали на ноги. И сказал Б-г Йехезкелю: «Сын человеческий! Кости эти – весь Дом Израиля. Вот, говорят (они): «Иссохли кости наши, и исчезла надежда наша, покончено с нами». И Б-г повелел пророчествовать Дому Израиля: «Так сказал Г-сподь Б-г: вот Я открываю погребения ваши, и подниму Я вас из погребений ваших, народ Мой, и приведу вас в землю Израиля... И вложу дух Мой в вас – и оживете. И дам вам покой на земле вашей».

Многие увидели в создании Государства Израиль всего через три года после Катастрофы явственное осуществление пророчества Йехезкеля, казавшегося странным 2600 лет назад. На протяжении всей еврейской истории оно свидетельствовало о том, что Б-г воскресит умерших.

Как бы то ни было, пророчество Йехезкеля об изгнанных и обреченных евреях, возвращающихся к жизни на своей родине, делает его пророком не только VI в. до н. э., но и нашего столетия.

53. Амос. «Пусть правосудие хлынет, как вода, и правда – как неиссякающий поток» (5:24)

О жизни и предсказаниях ранних пророков (таких, как Натан и Элиягу) мы узнаем из книг Шофтим, Шмуэль и Млахим, повествующих прежде всего об истории древних израильтян. Нет особых книг, названных именами Натана и Элиягу. Две библейские книги в оригинале носят имя Шмуэля (первая и вторая книги Царств в русских переводах), но этот пророк уже умер к началу второй книги и вовсе не является основным персонажем первой.

Книга пророка Амоса знаменует новый этап в религиозном развитии евреев. Амос открывает ряд поздних, или «книжных», пророков, потому что их пророчества записаны в книгах, носящих их имена. (Йешаягу, Ирмеягу и Йехезкель, о которых мы уже рассказывали, также пророки «книжные».)

Книга Амоса состоит из пророчеств, обращенных им к евреям Израиля между 775 и 750 г. до н. э. Амос родом из Текоа, городка примерно в двадцати километрах от Иерусалима. Он жил в период, благоприятный и безопасный для царств Иудеи и Израиля. Сирия была разбита в войне, а ее победителями-ассирийцами правили монархи, которым было не до средиземноморского региона. Израильское царство при этой политике почти полного невмешательства в его дела процветало. Развивается торговля, возникает новый зажиточный класс, мы узнаем о евреях, владеющих и зимними и летними домами, спящих в прекрасных кроватях из резной слоновой кости и умащающих себя отборными маслами (3:15, 6:4–6). Однако беднейшие классы остаются в стороне от этого распределения богатств и, напротив, погружаются во все более глубокую нищету.

Это было бы достаточно печально, даже если бы зажиточные израильтяне исполняли заповедь Торы о помощи бедным. Но они не делали и этого. Хотя в книге Дварим (15:7–8) сказано, что евреи должны давать своим обедневшим собратям «по мере нужды» их, Амос свидетельствует, что несостоятельные должники продавались в рабство, даже если их долг равнялся стоимости пары обуви (2:6). Пусть Шмот (22: 25–26) предписывает кредитору, забирающему в залог рубашку должника, давать ее ему каждый вечер (на практике это столь сложно, что такое предписание явно имело целью вообще не поощрять взятие залога для бедных) – Амос описывает зажиточных евреев, которые сидят в Храме на «одеждах, взятых в залог» (2:8). Пророка особенно терзает, что такие угнетатели весьма скрупулезно соблюдают ритуалы в Храме. Он сообщает о множестве жертв, приносимых богатыми (десятина, благодарственные и добровольные приношения), тешащими себя иллюзиями, будто тем самым выполняются первейшие обязанности, возложенные на богатых Б-гом.

Амос направлял свой гнев на священников Храма, которые уверяли своих богатых жертвователей, что, пока те приносят жертвы (что обогащало и священников), благоволение Б-га не оставит их.

Смелость Амоса не уступала силе его гнева. Пророк появился в один из праздничных дней в главном Храме Израильского царства в городе Бейт-Эль и в присутствии богатых жертвователей и священников провозгласил от имени Б-га:

«Ненавижу Я, презираю праздники ваши, и не стану принимать (жертвоприношений) ваших торжественных собраний. Ибо если (и) вознесете Мне всесожжение и хлебные приношения, (то) не будут они желанны Мне, и не взгляну Я на благодарственную жертву (из) откормленного скота вашего» (5:21–22).

Амос подчеркнул, что лишь одно может умиловать и порадовать Б-га: «Пусть правосудие хлынет, как вода, и правда – как неиссякающий поток» (5:24). И если этого нет, Б-г обрушит все кары на Израильское царство (7:9).

Амос предупреждает: евреям нечего рассчитывать на благосклонность Б-га только потому, что они – избранный народ. Сам факт избранности лишь накладывает на них дополнительные обязанности, но не права: «Только вас признал Я из всех семейств земли, поэтому (и) взыщу Я с вас за все грехи ваши» (3:2).

Приверженность справедливости – главный мотив пророка. Но с точки зрения истории иудаизма самый важный вклад Амоса – это запись пророчеств, их письменная фиксация. Вероятно, пророк хотел иметь гарантии, что его послание не умрет с ним. В этом он преуспел. Мы не знаем, насколько повлияли слова Амоса на его современников. Но евреи продолжают читать его, испытывая влияние его слов вот уже около 2800 лет после смерти Амоса.

Важен и другой вопрос. Были ли древние евреи столь отвратительным народом, каким кажутся из писаний Амоса и других пророков? Израэль Зангвиль однажды лишь отчасти в шутку заметил, что пророки были одними из первых в мире антисемитов. Действительно, средневековые христианские теологи часто цитируют пророков для доказательства изначально греховного характера евреев.

Но думать так наивно: это все равно, как если бы ученый будущего писал историю 1960-х гг., основываясь исключительно на панегириках «Правды» в адрес коммунизма и разоблачениях коррупции в США на страницах «Нью-Йорк таймс», и пришел бы к выводу, что СССР был куда более благополучной страной, чем Америка.

Мы немало знаем и о соседях евреев. Хотя они не оставили образцов моральной самокритики, сопоставляемых с посланиями пророков, известно, что их грехи – включая массовые убийства, угон в плен других народов, вспарывание животов беременным женщинам (см. Амос 1–2), были куда серьезнее, чем то, что Амос писал о евреях. Израиль в конечном счете бичевался пророками не потому, что был хуже, но потому, что от него ждали действий на основе более высоких моральных норм (3:2).

Грехи древних израильтян были серьезными. Но одно можно сказать в их пользу: израильтяне канонизировали своих критиков, собрали их писания (которые другие народы сожгли бы) и превратили в священные книги, подлежащие изучению будущих поколений.

Этого не сделал ни один другой народ, ни одна религия. Новый Завет и Коран не содержат пространных обличений дурного поведения первых христиан или мусульман. Напрашивается вывод, что или первые христиане и мусульмане были слишком праведными, или у них просто не было традиции самокритики.

54. Йона и кит

О пророке Йоне всем известно лишь одно – он был проглочен китом. Но и это неправда. Единственная подробность, сообщенная Библией о существе, проглотившем Йону, – то, что это была «большая рыба».

Сомнительная честь провести три дня в брюхе рыбы – это одна из двух необычных деталей рассказа об Йоне. Он вдобавок единственный пророк, отвергший веление Б-га. Правда, Моше и Ирмеягу упрашивали Б-га освободить их от пророческой миссии, но Йона пошел дальше. Когда Б-г посылает его в нееврейский город Нинвэ (столицу Ассирии), чтобы предупредить жителей о грозящем городу разрушении, Йона немедленно садится на корабль и направляется в противоположную сторону.

Почему он так поступил, мы узнаем лишь из последней главы. Йона ненавидит Нинвэ, ведь Ассирия – это страна, которая уничтожила десять колен Израильских в 722 г. до н. э. Он хочет, чтобы город был наказан, хотя Б-г и предоставил Нинвэ возможность раскаяться.

Однако бежать от Б-га невозможно. Б-г насыляет внезапный сильный шторм, столь неожиданный, что матросы-язычники на судне с Йоной решают, что один из их богов послал шторм в качестве наказания. Пока матросы молят их о спасении, Йона спускается в трюм корабля и крепко засыпает – отстранившись от Б-га, Йона словно бы совсем отошел от жизни. Тем временем матросы бросают жребий, чтобы узнать, кто послужил причиной бури. Жребий многократно указывает на Йону, матросы требуют от него объяснений. «Еврей я», – отвечает он и признается, что это Б-г вызвал шторм, а их единственная надежда на спасение – бросить его за борт. Матросы так и делают (хотя и неохотно), и море тотчас успокаивается.

Затем Йону проглатывает «большая рыба» и через три дня выплевывает его невредимым назад на сушу. Пророк направляется в Нинвэ и провозглашает: «Еще сорок дней – и Нинвэ опрокинется!» Тут происходит чудо, мало уступающее предыдущему: к словам Ионы прислушиваются. Сам царь «встал с престола своего, и снял с себя облачение свое, и покрылся вретischem, и сел на пепел», повелев, чтобы «отвратился каждый от злого пути и от насилия рук своих» (3:6–8). Происходит подлинное преображение народа, и когда «Б-г увидел дела их, что они отвратились от злого пути своего, и пожалел Б-г о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел» (3:10).

Сила раскаяния Нинвэ так впечатлила еврейских мудрецов, что они выбрали эту короткую книгу для чтения в синагоге в день Йом-Кипур, День раскаяния. Особенно здесь впечатляет тот факт, что единственный критерий для подлинного раскаяния – это критерий моральный. Мишна подчеркивает, что в книге Ионы «не говорится, что Б-г увидел, как они надели вретисща и постились (и поэтому им простил). Нет, Б-г увидел, что они сделали, как они отвратились от злых путей» (Мишна, трактат Таанит, 2:1). Если бы книга Ионы была частью Нового Завета или Корана, несомненным доказательством раскаяния было бы обращение ее жителей соответственно в христианство или ислам. Библия предъявляет к нееврейскому миру куда более скромные требования: чтобы люди всего лишь воздерживались от дурного поведения и делали добро.

Так что вовсе не история с рыбой – самое замечательное, что следует помнить об Йоне.

55. Михей / Миха. «Сказано тебе, человек, что добро и что Г-сподь требует от тебя: только вершить правосудие, и любить милосердие, и скромно ходить пред Б-гом твоим» (6:8)

Пророк Миха / Михей стоит у истока необычной для своего времени и знаменательной традиции еврейской жизни: стремления «упростить» иудаизм до его этической сущности. Миха прямо определяет черту, не преступая которой человек остается евреем: «Вершить правосудие, и любить милосердие, и скромно ходить пред Б-гом твоим» (6:8).

Мысль Михи столь просто изложена, что иногда ее считают банальностью: «Ну и что тут такого?» Однажды кто-то сказал по этому поводу: «Разве не все согласны, что первейшее требование Б-га к человеку – это поступать нравственно?» Увы, это не так. Мало кто из еврейских, христианских, мусульманских религиозных деятелей сегодня цитирует слова Михи, чтобы объяснить сущность покорности человека Б-гу. Спросите любого еврея (не важно, верующего или атеиста): как определить, религиозен ли другой еврей? Вам наверняка ответят, что религиозный еврей – это тот, кто соблюдает еврейские ритуалы. О соблюдении еврейской этики вспоминают в этом случае куда как реже, словно Б-г считает это соблюдение чем-то необязательным и дополнительным (см. «Раби Исраэль Салантер»).

Хотя Миха первым из великих учителей сделал главный упор на этику, два величайших мудреца Талмуда повторили его мысль спустя сотни лет. Когда новообращаемый попросил Гилеля дать краткое определение сущности иудаизма, тот ответил: «Что неприятно тебе, не делай своему ближнему. Все остальное комментарий (к этому) – теперь иди и изучай». Спустя еще сто лет раби Акива учил: «Люби ближнего своего как самого себя, вот главный принцип Торы».

Миха, один из «книжных» пророков (тех, кто записал свои послания в книге), жил в Иудее во второй половине VIII в. до н. э. Он первым из пророков предсказал, что Иудея будет разрушена из-за греховного поведения ее политических и религиозных лидеров: «Поэтому из-за вас (как) поле вспахан будет Цион, и Иерусалим руинами станет, и гора Дома (Г-спода) – высотами лесистыми» (3:12).

Неудивительно, что это мрачное предчувствие будущего евреев порой делает тон его книги отчаянным. Миха убеждает людей изменяться как можно быстрее, ведь время уходит. Последняя часть его книги содержит и пророчество надежды, подобное самому известному пророчеству Йешаягу: «Не поднимет народ на народ меч» (4:3). Неизвестно, кто сказал эти слова первым, хотя большинство специалистов по Библии отдают приоритет Йешаягу.

Как бы то ни было, значение Михи для современной еврейской жизни прежде всего в его убедительном и страстном определении всего, что Г-сподь ожидает от человека.

56. Псалмы / Теѓилим. «Г-сподь – пастырь мой. Не будет у меня нужды» (Теѓилим, 23:1).

«Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть

отсохнет моя правая рука» (Теѓилим, 137:5)

150 псалмов – самые знаменитые из когда-либо написанных религиозных поэм. Они настолько вошли в мировую культуру, что многие евреи даже не знают, что псалмы – это часть Библии. Один мой знакомый взял сына на похороны друга-протестанта, и по дороге домой мальчик с сожалением сказал: «Жаль, что у нас, евреев, нет таких прекрасных молитв, как эта – «Г-сподь – пастырь мой, не будет у меня нужды (ни в чем)». Между тем это начальная строка самого известного из псалмов.

Хотя еврейская традиция приписывает авторство книги Теѓилим царю Давиду (X в. до н. э.), некоторые из псалмов явно возникли позже. Например, псалом 137-й – это жалобная песня евреев, изгнанных из Израиля в Вавилон (в 586 г. до н. э.): «При реках вавилонских – там сидели мы и плакали, когда мы вспоминали Цион» (137:1). Пятый стих этого псалма позднее стал символом еврейского национализма, напоминающим всем евреям об их вечной связи со Страной Израиля: «Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет моя правая рука и язык мой прилипнет к нёбу моему».

Псалмы очень сильно различаются по величине. Псалом 117-й содержит только два стиха, а в псалме 119-м каждая из последовательно взятых двадцати двух букв еврейского алфавита начинает каждые очередные восемь стихов (так что всего здесь 176 стихов).

Книга Теѓилим – основа еврейского молитвенника. Например, псалом 145-й содержит почти всю молитву «Ашрей», так хорошо знакомую верующим евреям, что они могут произнести весь псалом наизусть. Впрочем, знакомство часто ведет и к незнанию. Профессор Реувен Кимельман рассказывал, что не раз просил своих верующих друзей кратко изложить содержание «Ашрей» и мало кто мог это сделать. Евреи так привыкли повторять слова этого псалма, что редко вдумываются в две главные темы: счастье тех, кто верит в Б-га и славит Его, и открытость Б-га всем нуждающимся в Его помощи.

Верующие евреи считают чтение псалмов одним из наиболее верных путей снискания Б-жьей милости и поэтому читают их от имени больных и вообще в ситуациях, когда еврейская община в трудном положении. У Западной стены («Стены Плача») в Иерусалиме вам всегда предложат две книги – молитвенник и Теѓилим.

57. Испытания Иова

Хотя Иов был глубоко верующим и святым человеком, я не знаю случаев, чтобы его именем назвали хоть одного еврейского ребенка. Потому что среди всех персонажей Библии его жизнь – самая тяжелая. В библейской книге, которая носит его имя, немало странного. Только здесь из всей Библии появляется ангел Сатан, а Б-г предстает в сомнительной роли, насылая на Иова несчастья лишь для того, чтобы показать Себя перед Сатаном.

На небесах начинается спор об Иове, необычайно праведном и Б-гобоязненном человеке. Сатан высмеивает веру Иова, заявляя, что в ней нет ничего особенного, ибо сам Б-г всячески его благословляет. «Но простри руку Твою и коснись всего, что (есть) у него... (и он) пред лицом Твоим Тебя хулить станет» (1:11), – предлагает Сатан.

Б-г принимает этот вызов, позволяя Сатану всячески глумиться над Иовом и его семьей, – в уверенности, что Иов останется преданным Ему. Сатан тут же уничтожает все богатство Иова, убивает десять его сыновей и дочерей и насылает на него невыносимо болезненную сыпь. Жена Иова советует мужу проклясть Б-га, возможно, для того, чтобы Б-г убил его и тем самым прекратил его страдания. Но Иов отказывается: «Неужели доброе примем мы от Б-га, а злое не примем?» (2:10). В другой раз он говорит еще: «Г-сподь дал и Г-сподь взял. Да будет имя Г-спода благословенно!» (1:21).

Трое друзей Иова узнают об этих страданиях и приходят утешить его. Они остаются с ним семь дней (основа для еврейской практики сидения «Шивы» – семидневного траура по ближайшим родственникам), уговаривая Иова раскаяться в грехах, за которые Б-г наказывает. Но Иов настаивает, что не совершил грехов, достойных столь тяжелой кары. Друзей возмущает подобное упорство. «Кто тот невинный, что погиб, и где справедливые уничтожены были?» – спрашивают они (4:7). Но Иов не хочет ложно обвинять себя. Б-г наслал на него эти страдания, согласен Иов, но не в наказание за его грехи.

Иов неустанно просит, чтобы Б-г объяснил ему, за что обрушились на него все несчастья.

И наконец Б-г говорит:

Я буду спрашивать тебя, а ты поведай Мне:
Где был ты, когда Я основал землю?
Скажи, если обладаешь разумом...
Повелевал ли ты в жизни своей рассвету, указывал (ли) место ее заре?..
Открывались ли для тебя врата смерти?..
Обозрел ли ты (всю) земную ширь?
Скажи, известно ли тебе все это?
Твоею ли мудростью парит ястреб?..
По твоему ли слову взлетает орел и вьет высоко гнездо свое?..
Будет ли спорить со всемогущим укоряющий (Его)?
Обличающий Б-га пусть ответит на это».
И отвечал Иов Г-споду, и сказал:
«Вот, я ничтожен: что отвечу Тебе?
Руку мою кладу на уста мои.
Однажды говорил я, – не буду более...
Я говорил (о том), чего не понимал,
О чудесах (непостижимых) для меня, о которых я не ведал
(38:4, 12, 17–18; 39:26–27; 40:1–5; 42:3).

Мне уже приходилось писать, что «Б-г есть Б-г, и кто такие мы, чтобы считать, будто можем понять все происходящее в этом мире? Кто создал мир, мы или Б-г? Возможно, это не

тот ответ, которого мы ждали, но какого еще ответа можно было ждать? Если Б-г – это Б-г, а человек – человек, то возможен ли еще какой-либо ответ, чем тот, который был дан Иову?»

Книга Иова повествует о единственном в своем роде вызове вере – в ней сам Б-г допускает существование в мире зла. Почему? – этот вопрос занимал всех религиозных мыслителей. Евреи, пережившие Катастрофу, часто обращаются к этой книге за утешением. Однако можно ли сравнить ситуацию после Катастрофы с судьбой Иова? Б-г так и не ответил Иову, за что тот страдает; но одно то, что Иов слышал голос Б-га, доказывает ему, что Б-г существует, а значит, существует и смысл во всем, что с ним случилось. Откровения Б-га миру после Катастрофы не были столь же явственными, так что многие люди остались не только с вопросом Иова («За что?»), но и с еще более мучительным сомнением в самом существовании Б-га.

Возможно, из-за «невыгодного положения», в котором Б-г предстал в книге Иова, многие мудрецы Талмуда заявляли, что Иова никогда не существовало, а вся книга – это аллегорическое толкование проблемы теодицеи (см.).

58. Рут и Наоми. «Твой народ – мой народ и твой Б-г – мой Б-г» (*Рут, 1:16*)

Рут / Руфь – моавитянка, желающая принять иудаизм, – описывает сущность своего желания всего в четырех словах: *Амех ами, везелокайих элокай* – «твой народ да будет моим народом, и твой Б-г – моим Б-гом». Сегодня, 3000 лет спустя, это неразделимое слияние национальности и религии продолжает отличать иудаизм от иных конфессий.

Рут – моавитянка, а моавитяне были давними врагами Израиля. Она вышла замуж за еврея, но не приняла веры мужа при его жизни.

Когда умирает муж Рут, живший в Моаве, ее свекровь Наоми решает вернуться на свою родину в Страну Израиля. Рут сопровождает ее, неоднократно отвергая советы свекрови Наоми остаться в Моаве, вместе с родными богами, и снова выйти замуж: «Куда ты пойдешь, пойду и я, – говорит она свекрови, – где ты жить будешь – там и я... Где ты умрешь, там и я умру» (1:16–17). Дружба этих двух женщин – такой же библейский эталон дружбы, как и дружба Давида с Йонатаном.

Когда женщины прибывают в Страну Израиля, Наоми помогает Рут выйти замуж за своего двоюродного брата Боаза. Потомком в третьем поколении от этого брака станет Давид (4:17), будущий царь Израиля и предок Машиаха.

Книга Рут отрезвляла тех, кто преувеличивал националистический аспект иудаизма. Едва ли шовинист согласится исповедовать религию, которая возводит генеалогические корни своего Машиаха к женщине-иноверке, довольно поздно принявшей иудаизм.

59. Екклесиаст / Кофелет. «Суета сует, все суета»

(Кофелет, 1:2)

Каждый год на Сукот, когда в синагоге читается книга Екклесиаста (Кофелет), мой глубоко верующий отец сетовал на ее включение в службу: «Это очень нееврейская книга!» «Странная жалоба, – думал я, – как можно говорить такое о библейской книге». Со временем, однако, я стал все больше понимать своего отца. Кофелет столь безгранично пессимистичен, что многие мудрецы действительно выступали против включения этой книги в Библию. Включили ее по двум причинам: из-за убежденности, что автор – царь Шломо, и из-за заключительных стихов, которые идут в противоречие с риторикой остальной книги: «Послушаем всему заключению: Б-га бойся и соблюдай Его заветы, потому что в этом – вся (суть) человека» (12:13).

Кофелет – одна из трех книг, которые еврейская традиция приписывает жившему в X в. до н. э. царю Шломо. Считают, что полную романтической чувственности Песнь Песней он написал еще молодым человеком, мудрые и рассудительные Притчи (Мишлей) – в среднем возрасте, а мрачный Кофелет – в старости.

Главная идея Кофелет заключена во втором стихе книги: «Гевел фавалим... факол фавел» – «Суета сует... все суета» (1:2). Новый английский перевод передает смысл этого стиха более точно, хотя и менее изящно – как «Полная тщетность!.. Все тщетно!». Автор книги, именуемый себя Кофелет, пишет, что он был царем Израиля и сыном царя Давида (отсюда и приписывание авторства Шломо), он набрался большой мудрости, но увидел, что жизнь его по-прежнему столь же бессмысленна, как если бы он ничему и не учился. Кофелет заключает: «Нет лучшего блага для человека, чем есть и пить, чтобы было ему хорошо на душе от труда его» (2:24). Писатель Леонард Вулф как-то выразил очень похожее чувство: «Оглядываясь назад в возрасте 88 лет, я ясно вижу, что практически ничего не достиг. Сегодняшний мир и история человеческого муравейника за последние пятьдесят семь лет была бы точно такой же, если бы я играл в пинг-понг, а не сидел в комитетах и писал книги и мемуары».

Эмоциональное истощение Кофелета похоже на то, что периодически испытываем и мы, – чувство бессмысленности и нашей жизни, и всех наших усилий, ничего не изменяющих в реальном мире. Пусть пессимизм Кофелета не типичен для Библии, но он тем не менее требует объяснений. Как правило, традиция иудаизма, признавая, что человек может достичь лишь ограниченных целей, настаивала, чтобы он стремился достигать хотя бы такие цели. Мудрец II в. раби Тарфон пояснил, что «завершать работу (по совершенствованию мира) не входит в ваши обязанности, но вы и не вправе уклоняться от этого» (Авот, 2:16). Писатель Альбер Камю выразил то же самое на конкретном примере (восходящем к образу «замученного ребенка» в «Братьях Карамазовых»): «Вероятно, мы не можем сделать так, чтобы в этом мире не мучили детей, но мы можем уменьшить число замученных детей».

Один из самых популярных текстов Кофелета – третья глава:

Всему свое время
И свой срок всякой вещи под небесами:
Время рождаться и время умирать;
Время насаждать и время вырывать посаженное;
Время убивать и время исцелять;
Время разрушать и время строить;
Время плакать и время смеяться...
Время молчать и время говорить;
Время любить и время ненавидеть;
Время войне и время миру (3:1–8).

Кофелет особенно презирает тех, кто посвящает жизнь накоплению денег. «Кто любит деньги, тот не насытится деньгами» (5:9), – говорит он в одном месте и в другом замечает: «Как вышел нагим из утробы матери, так и уйдет таким, каким пришел; и за труд свой ничего не унесет в руке своей... и что пользы ему, что трудился на ветер?» (5:14–15).

Одна из наиболее смущающих черт книги – ее полное отрицание потусторонней жизни и веры в воздаяние и наказание. Кофелет настаивает, что Б-г относится к хорошим людям точно так же, как и к плохим: «Участь одна праведнику и нечестивцу, доброму и чистому и оскверненному; приносящему жертву и тому, кто жертвы не приносит... Это и худо во всем том, что делается под солнцем, что одна участь всему» (9:2–3). Чтобы усилить свою мысль, Кофелет подчеркивает, что после смерти «нет ни дела, ни замысла, ни знания» (9:10).

60. Эстер. Мордехай. «Есть один народ... и законы у него иные... царю не стоит оставлять их» (*Эстер, 3:8*)

Эстер / Эсфирь – наверное, самая странная героиня Библии: еврейская девочка, которая побеждает на своего рода конкурсе красоты, выходит замуж за доброго персидского царя, а в конце концов использует свое положение для спасения евреев от продуманной программы их уничтожения.

Наряду с Торой книга Эстер – одна из самых известных сегодня книг Библии. Ее читают в синагоге на праздник Пурим. Эстер, которую избрал себе в жены царь Ахашверош, скрыла по рекомендации своего кузена Мордехая свою религиозную принадлежность. Мордехай выводит из себя самого влиятельного советника царя, Гамана, отказываясь прислуживать ему. Гаман считает ниже собственного достоинства мстить одному Мордехаю – он готовит планы уничтожения сразу всех евреев. Приводя аргументы, которые с тех пор неизменно входят в арсенал любых антисемитов, он говорит Ахашверошу: «Во всех областях царства твоего есть один народ, рассеянный среди (других) народов и обособленный (от них); и законы у него иные, чем у всех народов, а законов царя они не выполняют, и царю не стоит оставлять их (в стране)» (3:8).

Царь соглашается с планами Гамана, при этом оба не знают, что любимая жена царя – еврейка.

Когда заговор Гамана обнаруживается, Мордехай просит Эстер поговорить с царем. Сперва она отказывается – идти к царю без приглашения, говорит она кузену, тяжкое преступление. Мордехай настаивает: «Не полагай в душе своей, что спасешься в доме царском (одна) из всех евреев... кто знает, не для такой ли поры и достигла ты (достоинства) царского» (4:13–14).

Эстер идет к Ахашверошу, и ей удается переубедить царя. Гамана вешают, все евреи спасены, а Эстер, вероятно, спокойно провела остаток жизни.

Однако самый важный, хотя и редко поминаемый урок этой книги в том, что еврейская община должна вести себя очень тактично по отношению к любому своему члену. Начать с того, что само имя Эстер подозрительно напоминает о вавилонской богине Иштар (как если бы сегодня еврейка получила имя Кристина, буквально «Христианка») и явно свидетельствует о масштабах ассимиляции евреев среди иноверного окружения.

Вполне можно было ожидать, что вступившая в смешанный брак «королева красоты», скрывающая свою религиозную принадлежность, вряд ли будет рисковать жизнью ради народа своих отцов. Но Эстер идет на риск, став одной из самых известных героинь еврейской истории (что отразилось и на популярности ее имени у еврейских женщин).

Гаман же стал символом евреененавистника, оставив позади фараона, правившего в Египте, когда произошел исход, и предвосхитив Гитлера. И наказан он был по принципу «око за око». Его вешают на столбе, приготовленном им для Мордехая, а тот получает должность, прежде занимавшуюся Гаманом.

Хотя книга Эстер кончается счастливо, еврейская пословица недаром гласит: «Как много Гаманов – и всего один Пурим».

61. Даниэль во рву львином. Надпись на стене

Книга Даниэля повествует о молодом еврее, который в годы вавилонского пленения (после 586 г. до н. э.) достиг большого поста при дворе персидского царя Дария.

Даниэль стал одним из трех высших сановников царя. Двое других завидовали власти, которой Дарий облек Даниэля, и затеяли против него заговор. Они просят царя запретить всем «просить о чем-либо Б-га или человека в течение тридцати дней, минуя тебя, царь».

Когда указ вступает в силу, Даниэль игнорирует его и ежедневно молится в своем доме утром и вечером. Его враги врываются, хватают его в момент молитвы и приводят к царю. Дарий любит Даниэля и не хочет его смерти. Но руки Дария связаны: персидское право запрещает царю отменять указы, даже если он издал их сам.

В тот же вечер Даниэля бросают в «ров львиный» и закрывают выход камнем, чтобы он не выбрался оттуда. Царь так расстроен, что не может спать, и рано утром пошел ко рву и крикнул «печальным голосом: «Даниэль, раб Б-га живого! Б-г твой, которому ты всегда служил, смог ли Он спасти тебя от львов?» Тогда сказал Даниэль царю: «...Б-г мой послал ангела Своего, и он закрыл пасть львам, и не причинили они мне вреда» (6:19–23).

Дарий с облегчением вздохнул и издал указ, чтобы все его подданные «трепетали и благоговели перед Б-гом Даниэля».

Талмуд не без юмора рассказывает об аналогичном случае с раби Танхумом. Когда львы оставили его живым и невредимым, некто «неверующий заметил: «Причина, по которой львы его не съели, в том, что львы не голодны». После чего бросили неверующего львам, и они его съели» (Сангедрин, 39а).

Другой известный эпизод книги Даниэля – более ранний – повествует о празднике во дворце вавилонского царя Бельшацара, сына Невухаднецара, разрушившего Первый Храм. Царь достал священные золотые и серебряные сосуды, взятые его отцом из Иерусалимского Храма, и угощает из них вином своих сановников, жен и наложниц. Пир внезапно прерывают гигантские «пальцы руки человеческой», которые пишат на стене буквы неизвестного алфавита. Остолбеневший Бельшацар зовет своих знахарей и чародеев, чтобы они объяснили таинственную надпись, но они не могут ее понять. Царица предлагает позвать Даниэля, имевшего репутацию мудреца (что напоминает Йосефа в истории о семи тучных и семи тощих коровах). Даниэль расшифровывает странную надпись *Мней ткель уфарсин* следующим образом: *Мней* – «Отсчитал Г-сподь (дни) царства твоего и завершил его»; *ткель* — «взвешен ты был на весах и оказался обличенным»; *уфарсин* – «рассечено царство твое и отдано мидийцам и персам». В эту же ночь Бельшацар был убит (гл. 5).

62. Кир Великий, царь Персии

Помимо Ноаха, важнейший «положительный герой» Библии из числа неевреев – персидский царь Кир. Пророк Ишаягу в порыве восхищения этим монархом называет Кира «помазанником» и «пастырем» Б-жым (Ишаягу, 45:1; 44:28). В отличие от вавилонян, которые угоняли покоренные ими народы, Кир поощрял всех своих подданных оставаться на своей земле и развивать свою культуру. Покорив в 539 г. до н. э. Вавилон, он предложил живущим там евреям вернуться на родину и восстановить Храм. Хотя многие предпочли остаться в Вавилоне (см. «Вавилонское пленение»), примерно сорок тысяч человек приняли его предложение и восстановили в Иудее еврейское царство под персидским протекторатом.

В Библии Кир рисуется не столько как всемогущий персидский царь, сколько как орудие Б-га Израилева. Его эдикт, разрешивший евреям вернуться в Палестину, начинается: «Г-сподь Б-г... повелел... мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее...» (Эзра, 1:2).

Неудивительно, что Кир остается для евреев символом высоконравственного и благосклонного к ним лидера. В 1917 г., когда лорд Артур Бальфур издал «Декларацию Бальфура», провозгласившую поддержку Англией создания еврейского государства в Палестине, в нем увидели современного Кира.

63. Эзра и Нехемья. Восстановление еврейской общины в Израиле, V в. до н. э.

Хотя имена Эзры и Нехемьи всегда употребляются вместе, неясно, встречались ли вообще друг с другом две эти фигуры во времена возвращения евреев на родину после вавилонского пленения.

В еврейской традиции Эзра считается более важным. Книга, носящая имя Эзры, начинается еще до его рождения, эдиктом царя Кира (см. гл. 62), разрешающего евреям вернуться в Страну Израиля и восстановить Храм. Примерно век спустя персидский царь поручает Эзре возглавить евреев в Иудее, наделив его чрезвычайными полномочиями «проверить в Иудее и Иерусалиме (соблюдение) закона Б-га твоего» (Эзра, 7:14). Эзра даже может карать нарушителей закона Торы (7:26). По прибытии в Иерусалим (вероятно, в 458 или 428 г. до н. э.) Эзра сталкивается с тем, что нам кажется чисто современной проблемой, – со смешанными браками. Немало евреев, особенно из высших классов, обзавелись нееврейскими женами (9:2).

Эзра реагирует резко и недвусмысленно: заручившись согласием местных еврейских лидеров, он немедленно расторгает все смешанные браки и высылает нееврейских жен и детей.

Затем он созывает небывалое собрание в Иерусалиме, куда прибывают мужчины и женщины со всей страны. Эзра читает им свитки Торы с рассвета и до полудня в течение нескольких дней, после чего все присутствующие евреи клянутся не вступать в смешанные браки, не заниматься делами в субботу и давать средства на содержание Храма в Иерусалиме (Нехемья, 10:31 и далее).

Еврейская традиция считает, что Эзра спас еврейский народ от гибели. Талмуд заявляет: «Эзра был бы достоин получить Тору для Израиля, если бы его не опередил Моше» (Сангедрин, 21б). Публичное чтение Торы, начатое Эзрой, демократизировало священный документ, сделав его доступным не только священникам, но и простым еврейским труженикам. Хотя меры Эзры против смешанных браков были очень суровыми, но если бы не они, сегодня, возможно, не осталось бы ни одного еврея, все ассимилировались бы в религиозном и бытовом плане со своими соседями.

В отличие от Эзры Нехемья был скорее политическим, чем религиозным лидером. Живя в Персии спустя несколько десятилетий после возвращения евреев в Страну Израиля, он тем не менее считает себя так тесно связанным с еврейской общиной, что когда услышал об ее упадке, то «сел и заплакал, и пребывал в трауре несколько дней; и постился и молился... перед Б-гом небесным» (Нехемья, 1:4).

Нехемья был личным виночерпием царя Ахашвероса. Эта почетная, но потенциально опасная должность включала дегустацию всех напитков, чтобы проверить, нет ли там яда. Некоторое время спустя после получения тревожной вести из Иерусалима Нехемья, как обычно, подавал царю вино. Неожиданно Ахашверос спросил: «Почему ты выглядишь печальным, ведь ты не болен...» Собрав всю свою смелость, Нехемья ответил: «Как же мне не выглядеть печальным, если город, где могилы моих предков, разрушен, а ворота его сожжены огнем?» (Нехемья, 2:2–3). Ахашверос был растроган скорбью Нехемьи и посылает его с официальной миссией укрепить стены Иерусалима. Несмотря на злобное сопротивление внешних нееврейских врагов, он строит стену вокруг города, которая надежно защищает его еврейскую общину. Подобно Эзре, он также яростно выступал против смешанных браков.

Часть вторая. Период Второго Храма. Мишна и Талмуд

64. Царь Сирии Антиох Епифан и империя Селевкидов (175–163 гг. до н. э.)

Сирийский царь Антиох был жесток и агрессивен, что обычно для тиранов. Титул, которым он себя наградил, – Епифан (по-гречески – «воплощение бога») – достаточное свидетельство его высокого самомнения. Под его управлением находилась и Иудея. Антиох уверился

(возможно, по наущению эллинизированных евреев), что иудаизм главная причина широкой оппозиции его политике эллинизации евреев, и поэтому прибегал к систематическим мерам по искоренению иудаизма (первая, но далеко не последняя попытка такого рода в истории евреев).

Сирийский монарх прежде всего нанес удар по главным еврейским законам и традициям. Под страхом смерти он запретил обрезание, соблюдение субботы и даже хранение Библии. Однажды он арестовал двух матерей, которые тайно совершили обрезание своих сыновей, и провел их по улицам Иерусалима с младенцами на руках, а затем все четверо были сброшены с городских стен. В другой раз Антиох приказал солдатам принести в жертву в Храме свиней и заставлял евреев сделать то же самое. В Святой святых Храма была внесена статуя греческого бога Зевса. Удивительно не то, что правоверные иудеи в конце концов восстали против этой политики, а то, что вместе с ними поначалу пошли и многие ассимилировавшиеся в эллинистическом мире евреи.

Если бы эта попытка искоренить иудаизм удалась, она изменила бы не только еврейскую, но и мировую историю. Евреи II в. до н. э. были единственными монотеистами в мире, и, если бы был уничтожен иудаизм, вполне вероятно, что не возникли бы ни христианство, ни ислам.

Но фанатичные преследования иудаизма Антиохом вызвали увенчавшееся успехом восстание во главе с Матитьягу из священнического рода Хашмонай и его сыновьями – Маккавеями. После этого Антиох Епифан исчез из еврейской истории. Он умер четыре года спустя, по видимому, от венерической болезни (в 163 г. до н. э.). Антиох, несомненно, был бы поражен, узнав, что единственный народ, который еще помнит его имя, – это потомки тех религиозных евреев, которых он угнетал. Каждую Хануку они поминают восстание своих предков против его попыток искоренить иудаизм.

65. Маккавей, Хашмонаим, Матитьягу, Йеѓуда Маккавей

Печальная ирония истории в том, что Маккавеи возглавили успешное восстание против царя Антиоха только для того, чтобы самим впоследствии обрушиться против массы еврейского народа.

Восстание против Антиоха началось в 167 г. до н. э. в городе Модии (в 17 км к северо-западу от Иерусалима). Антиох, осквернив Иерусалимский Храм, послал своих солдат по всем городам Иудеи с приказом всем местным евреям приносить в жертву свиней. В Модии от престарелого священника Матитьягу тоже потребовали совершить жертвоприношение, но он отказался. Выполнить царский приказ вызвался другой еврей. Матитьягу убил и того человека, и царского гонца, разрушил жертвенник и крикнул толпе: «Всякий, кто ревнует закон и состоит в завете, да идет вслед за мною!» (Первая книга Маккавеев, 2:27). Его призыв был услышан, и так началось восстание Маккавеев.

С помощью своих пяти сыновей Матитьягу развернул партизанскую войну против сирийских войск. В своей собственной общине ему пришлось столкнуться с проблемой. На раннем этапе восстания немало ревностных евреев-воинов отказались сражаться в субботу: они сочли, что любая борьба, даже самооборона, нарушит святость этого дня. Их быстро уничтожали войска Антиоха. Матитьягу отверг доводы этих мучеников и подал пример замечательного здравого смысла: «Если все мы будем поступать так, как поступали эти братья наши, то (сирийцы) скоро истребят нас с земли» (I Маккавеев, 2:40–41). В тот день еврейские мудрецы решили: «Кто бы ни пошел против нас в день субботний, будем сражаться против него, дабы нам не умереть всем, как умерли братья наши...» (см. «Вопрос жизни и смерти» / «Пикуах Нефеш»). Хотя в решении Матитьягу часто видят прецедент, позволяющий израильским солдатам сражаться в субботу, я не мог понять причин пассивности еврейских мучеников. Мой отец заметил: «Более восьмисот лет тому назад царь Давид вел много войн. Если бы его противники знали, что войска Давида не будут сражаться в субботу, то разве не атаковали бы они именно в этот день?»

Не прошло и года после начала восстания, как Матитьягу умер, оставив военное командование своему третьему сыну Йеѓуде. Воинский дух Йеѓуды был столь силен, что его прозвали Маккавей («молот»). Он и вправду «молотил» сирийские отряды с такой силой, что спустя два года сирийцы запросили мира. Евреи получили контроль над Иерусалимом, но сирийцы оставили свой гарнизон в крепости Акра в Иерусалиме.

Войдя в Иерусалим, Йеѓуда и его войска нашли Храм разрушенным. Они разодрали одежды и после нескольких дней траура начали восстанавливать и ремонтировать здание. Ровно через три года после того дня, когда сирийцы начали приносить здесь в жертву свиней, в декабре 164 г. до н. э. (25 кислева по еврейскому календарю), еврейские повстанцы вновь освятили Храм. Все следующие восемь дней толпы евреев наполняли Храм, чтобы принести жертву во славу Б-га и возместить пропущенный ими в том году праздник Сукот, отметить который им не дали. Праздник Ханука и отмечает память тех восьми дней, в течение которых Храм был снова освящен чудесным образом.

Увы, история на этом не остановилась. Недовольные победой Маккавеев, местные эллинизированные евреи объединились с сирийскими войсками. В 160 г. до н. э. сирийцы вернулись с новыми силами, убили Йеѓуду и разгромили войско евреев. Спустя два года из укрытия в пустыне вышел брат Йеѓуды Йонатан и начал новое восстание. Ему удалось отстоять часть еврейской автономии, но через несколько лет сирийцы вновь вернулись и убили и его. Тогда взял на себя руководство битвой их брат Шимон. В 142 г. до н. э. Маккавеи наконец достигли убедительной победы: «И народ израильский в переписке и договорах начал писать «первого

года при Шимоне, великом первосвященнике, вожде и правителе евреев» (Первая книга Маккавеев, 13:42).

К несчастью, Маккавеи у власти оказались менее благородными, чем Маккавеи в оппозиции. Они привыкли бороться и, похоже, были не способны сотрудничать с любым, кто хоть в чем-то не был согласен с ними. Внук Шимона, царь Александр-Янай, казнил восемьсот своих оппонентов-фарисеев, заставив их сначала стать свидетелями уничтожения их жен и детей. Пока шла эта бойня, Янай пировал на греческий манер. (Для евреев этот эпизод трагичен вдвойне: представьте, что если бы потомки маранов (см.) возглавили затем испанскую инквизицию.) Моральная и религиозная деградация Маккавеев сказалась и в том, что о них почти не упоминается в Талмуде, и сегодня, размышляя о чуде Хануки, евреи больше думают не столько о восстании Маккавеев, сколько о маленьком масляном светильнике, который горел целых восемь дней.

В 63 г. до н. э. между сторонниками двух братьев из рода Хашмонай разразилась гражданская война. Рассудить их пришли римляне, кончилось все оккупацией Иерусалима. Первые Маккавеи освободили евреев от иностранного гнета; теперь их потомки вернули евреев под иностранное и языческое господство. Сами Маккавеи стали евреями вроде тех, кого их прапрадед Матитьягу когда-то убивал как предателей. Их судьба заставляет перефразировать жалобу Давида на Шауля и Йонатана: «Как пали герои в битве!» (Шмуэль II, 1:25).

66. Хана и ее семеро сыновей

Самая печальная из всех еврейских историй – наверное, история о Хане и ее семерых сыновьях, отдавших свои жизни, но не поклонившихся идолу. Вся эта семья была схвачена солдатами Антиоха и приведена к сирийскому тирану. Он приказал самому старшему мальчику поклониться идолу. Мальчик отказался, сказав библейский стих: «Я Г-сподь, Б-г твой» (Шмот, 20:2), и царь тут же велел его казнить.

Второй сын последовал примеру брата, его отказ поклониться идолу был поддержан следующим стихом Писания: «Да не будет у тебя других богов кроме Меня» (Шмот, 20:3). Третий, четвертый, пятый и шестой сыновья поступили так же, и все они были убиты.

Наконец Антиох дошел до седьмого, самого младшего сына. «Поклонись идолу!» – приказал царь. Мальчик отказался. Из жалости к его юности, или, скорее, чтобы продемонстрировать подданным свое умение добиться послушания, царь шепотом предложил мальчику: «Антиох уронит на пол свое кольцо, а мальчику, чтобы остаться в живых, только и нужно, что поднять его и отдать царю. Все присутствующие решат, что мальчик склонился перед изваянием, но на самом деле это не будет актом идолопоклонства».

Мальчик отказался. «Горе тебе, – сказал он Антиоху, – если ты так беспокоишься о своей чести, то как же я должен беспокоиться о чести Б-га!» Антиох приказал убить и его.

Когда ребенка уводили, мать попросила разрешения подойти к сыну, «чтобы поцеловать его». Она наклонилась и прошептала: «Сын мой, иди и скажи Аврааму, отцу своему: «Ты воздвиг один алтарь (на котором готовился принести в жертву Ицхака), я воздвигла семь алтарей». Затем мать бросилась вниз с крыши и разбилась насмерть.

В еврейской традиции Хана и ее семь сыновей – пример людей, которые погибли *аль кидуш гашем* — «освящая имя Б-га».

67. Римляне захватывают Иерусалим (63 г. до н. э.)

Это один из самых постыдных фактов еврейской истории. Ведь Рим оккупировал Иерусалим в 63 г. до н. э. не в результате вторжения, а по приглашению самих евреев.

Царица Саломея-Александра умерла в 67 г. до н. э., и престол должен был перейти к ее старшему сыну Гиркану II. Младший брат его Аристокбул, однако, заручился поддержкой войска и сверг Гиркана. Сторонники обоих братьев быстро развернули настоящую гражданскую войну. Во время этого конфликта Рим присоединял к своим владениям соседнюю Сирию. Оба брата решили передать свой спор на суд римского военачальника Помпея, который предпочел Гиркана, по-видимому посчитав его более покладистым. Аристокбул был вынужден подчиниться Помпею. Но теперь Гиркан полностью зависел от римской поддержки, так как сам пригласил римскую армию войти в Иерусалим.

Помпей встретил сопротивление только на Храмовой горе. После трехмесячной осады римлянам удалось войти в Храм, убив несколько тысяч его защитников и священников. Помпей ужаснулся евреев тем, что вошел прямо в Святая святых Храма (куда, по еврейским законам, мог входить только первосвященник и только раз в год, в Йом-Кипур).

Эта оккупация знаменовала собой конец еврейского государства и его независимости. Помпей быстро превращал еврейское царство в римскую провинцию, главной обязанностью Гиркана стал сбор налогов для римских хозяев.

Евреев I в. до н. э., должно быть, больше всего мучило, что все это произошло из-за евреев, которые пригласили римлян разрешить свой еврейский спор. Впрочем, историк Менахем Штерн отмечает: «Поскольку Рим решил аннексировать Сирию, его интервенция в Иудею была неизбежной. Братоубийственная война... только ускорила интервенцию».

68. Гилель. Золотое правило: «не делай ближнему своему того, что ненавистно тебе». «Просбуль»

Гилель для евреев – своего рода эталон человека. Рассказывают о его любви к людям и к знанию, о проведенной в страшной бедности молодости. Вот что рассказывается о Гилеле: «Каждый день Гилель обычно работал и получал одну монету, половину которой отдавал привратнику в доме учения, другую тратил на пропитание для себя и своей семьи. Однажды он ничего не смог заработать, и страж дома учения не хотел его пускать. Он взобрался на крышу здания и подошел к слуховому окну, чтобы слышать слова Б-га живого из уст [великих ученых] Шмаи и Автальона. Был вечер пятницы, зима, и снег падал на него с небес. Когда занялась заря, Шмая сказал Автальону: «Брат Автальон, обычно этот дом был светел, а сейчас он темен, наверное, этот день облачный?» Они посмотрели вверх и увидели в окне человеческую фигуру. Они поднялись наверх и увидели, что человек покрыт снегом. Они принесли его в дом, сделали горячую ванну, умастили (чего обычно не положено делать в субботу), усадили около огня и сказали: «Этот человек заслуживает, чтобы ради него была нарушена суббота» (Йома, 35б). Спустя несколько лет Гилель стал преемником Шмаи и Автальона и был признан величайшим ученым своего поколения.

Однако самым важным в наследии Гилеля стала не его твердая преданность учению, не его доброта и обаятельность, а могучий интеллект, который направил иудаизм по пути *тикун олам*, «совершенствования мира». Вот характерная история о Гилеле: некий нееврей попросил его коротко определить сущность иудаизма. «Что неприятно тебе, не делай и ближнему своему, – ответил Гилель, – а остальное – комментарий (к этому). Теперь иди и изучай все остальное» (Шабат, 31а).

Наиболее важна для развития права работа Гилеля о займах и долгах. Тора постановила, чтобы личные долги прощались через каждые семь лет (Дварим, 15:1–2) – по-видимому, для предотвращения появления безнадежных должников. На практике это законоположение нанесло ущерб как раз тому, кого стремилось защитить: люди не хотели давать займы бедным, особенно в конце очередного семилетнего цикла.

Озабоченный тем, что один закон Торы разрушал всю этику Торы, предписывающую помогать бедным, Гилель нашел способ решить проблему. Предписывалось аннулировать через семь лет именно личные долги, а не долги, подлежащие взысканию через суд. Даже до Гилеля евреи передавали такие личные долги в ведение судов, которые становились их агентами. Например, если А брал заем у Б, считалось, что А должен суду, который взимал этот долг и платил Б. Так как перевод долга на суд был очень сложным делом, Гилель ввел процедуру, названную «просбуль». С ее помощью займодавец должен был лишь уведомить суд, что хочет потребовать погашение долга, и посредством такой обязательной декларации долг автоматически переводился с должника на суд.

Тем самым «просбуль» поддерживал этику Торы и обеспечивал помощь бедным. Можно спорить, было ли необходимо обходить постановление Торы, не стоило ли попробовать настоять на том, чтобы люди делали займы бедным вне зависимости от того, смогут ли те вернуть долг... Но Гилель хотел помочь бедным, а не проповедовать неэффективные действия. Позднее Талмуд объяснил, что Гилель предложил свой способ *митней тикун олам* («ради совершенствования мира»), ибо увидел, почему люди воздерживаются от предоставления займов друг другу.

Стремление Гилеля направить еврейские законы на *тикун олам*, а не просто на соблюдение традиции создало прецедент, позднее позволивший мудрецам решать многие этические проблемы. Например, основной правовой принцип иудаизма – это *адам муад леолам* («человек всегда должен отвечать за причиненный им ущерб»). Рамбам, знаменитый кодификатор

еврейского права (XII в.), говорит: «Если кто-либо гонится за преследователем, чтобы спасти преследуемого, и при этом портит нечто, принадлежащее... кому-либо третьему, он освобождается от ответственности. Это правило не следует из строго библейского закона, но это указание, введенное, чтобы не препятствовать преследованию другого или быть слишком осторожным при погоне за преследователем». Сам Талмуд признает, что в соответствии со строгой справедливостью человек должен отвечать за ущерб, «но если вы этого не учтете, никто не будет спасать своего ближнего от преследователя» (Сангедрин, 74а).

Гилелю приписывают множество мудрых пословиц, многие из которых вошли в трактат Авот («Поучения отцов»). «Застенчивый не выучится» (2:5) – здесь он имел в виду, что тот, кто стесняется задавать вопросы, никогда не достигнет необходимого понимания. «Невежда не может быть святым» (2:5), потому что праведность требует делать правильные вещи, а не только иметь добрые намерения. Самое знаменитое изречение – «Если я не за себя, то кто будет за меня, а если я только за себя, то кто я? Если не сейчас, то когда?» (1:14).

Гилель воспринимается и как неизменный оппонент Шамая: Талмуд описывает бесчисленные споры между ними, а позже и между их учениками. Хотя каждая из этих школ имела своих последователей, еврейское право почти всегда решает в соответствии с мнением Гилеля. Одна из самых необычных историй Талмуда объясняет, почему так случилось: «Б-жественный голос возвестил: «Слова обеих школ [Гилеля и Шамая] – слова Б-га живого, но закон соответствует мнению школы Гилеля, ибо его последователи мягки и скромны, высказывают не только свои мнения, но и мнения других школ и смиренно приводят слова других школ прежде своих» (Эрувин, 13б). Если учесть, что большинство разногласий между Гилелем и Шамаем возникало по проблемам ритуала, то замечательно, что решение в пользу школы Гилеля сделано на основе морали, – потому что они «мягки и скромны... и смиренно приводят слова других школ прежде своих». Такой неизменный акцент на этическом начале, даже если речь идет о ритуале, – видимо, самая прочная часть наследия Гилеля, которому насчитывается две тысячи лет.

69. Сангедрин

Сангедрин (еврейский суд в Древней Иудее) имелся в каждом городе. Великий Сангедрин состоял из 71 члена и заседал в Иерусалимском Храме. Нечетное число членов гарантировало, что равного разделения голосов не будет. Сангедрин был высшим юридическим и религиозным авторитетом для евреев. Его важнейшей задачей была интерпретация библейских текстов. Однако он мог и вводить новые законы в случае необходимости. Судьи заседали ежедневно с утра до полудня.

Местные суды, или малые Сангедрины, состояли из 23 судей каждый. Они находились по всей Иудее и разбирали гражданские и уголовные дела.

При особо важных преступлениях глава Сангедрина назначал различных судей (одних для расследования свидетельств против обвиняемого, других для сбора доказательств его невиновности). Эти судьи затем сообщали результаты своих расследований коллегам. В отличие от современных прокуроров (или адвокатов), судьи Сангедрина не были заинтересованы в вынесении как можно большего числа обвинительных (или оправдательных) решений. Особое правило постановляло, что если члены Сангедрина единогласно признали человека виновным в преступлении, караемом смертной казнью, – его не казнили; само единогласие означало, что никто из судей не искал как следует опровергающих обвинение свидетельств. В других случаях для поддержания обвинения было достаточно 37 или более голосов. В дни, когда судьи рассматривали преступления, караемые смертью, им запрещалось есть и употреблять спиртное. При открытом голосовании самые молодые, недавно назначенные судьи высказывались первыми, чтобы не подпасть под влияние мнений более опытных коллег.

Два талмудических текста (Сангедрин, 17а и 36б) перечисляют качества, необходимые для назначения судьи в Сангедрин: он должен хорошо разбираться в Торе и общих науках, включая математику и медицину. Хотя еврейское право осуждает колдовство, судьи Сангедрина были знакомы с его практикой, чтобы быть в состоянии судить колдунов. Требовалось знание многих языков, чтобы не полагаться на переводчиков. Старики и скопцы не назначались в суд, потому что считалось, что им не будет хватать мягкости. То же касалось бездетных: мудрецы считали, что опыт отцовства делает человека более чувствительным и терпимым. Позже Рамбам так кодифицировал семь дополнительных требований к судьям Сангедрина: «Мудрость, смирение, богобоязненность, ненависть к несправедливо полученной прибыли, любовь к правде, любовь к людям и добрая репутация».

После разрушения Второго Храма в 70 г. Сангедрин был собран в Явнэ, а после поражения восстания Бар-Кохбы – в различных галилейских городах. Сангедрин распущен, видимо, по римскому указу около 425 г.

С созданием в 1948 г. Государства Израиль первый министр религий раби Йегуда-Лейб Маймон настаивал на воссоздании Сангедрина для решения новых проблем еврейской жизни. Большинство религиозных деятелей страны отвергло это предложение, считая, что для современных евреев будет неуместным принять на себя статус великих мудрецов Талмуда. Неверующий премьер Израиля Давид Бен-Гурион саркастически спросил Маймона, где он собирается найти 71 судью, отвечающих требованию Торы «ненавидеть корысть» (Шмот, 18:21). Острый на язык Маймон ответил: «Дайте мне достаточно денег, и я вам найду 71 судью, которые ненавидят корысть» (см. «Сангедрин Наполеона»).

70. Ѓордус / Ирод. (37–4 гг. до н. э.)

Иногда мне кажется, что Ѓордус послан Б-гом – в наказание евреям за их отступление от основного принципа нашей веры – никогда не обращать в иудаизм принудительно. Именно так поступил царь Йоханан Гиркан в 125 г. до н. э. после покорения Идумеи, небольшого государства к югу от Иерусалима. Он заставил побежденных идумеев принять иудаизм (единственный известный пример в еврейской истории, когда неевреи принудительно обращались в иудаизм). Среди тех, кого этот царь обратил в иудаизм, были дед и бабушка Ѓордуса.

С помощью обильной клеветы, интриг и жестокости Ѓордусу удалось склонить Римский сенат назначить его царем Иудеи. Самый низкий человек, который когда-либо был царем евреев, Ѓордус отметил начало своего правления убийством 45 членов Сануедрина (см. гл. 69). Однако Ѓордус не относился к людям, которые жестоки только к чужим и добры к своим. Он убил и свою первую жену, Мирьям, и двух сыновей от нее. Позже он казнил Антипатра, своего сына от другого брака, что заставило римского императора Августа заметить: «Лучше быть свиньей Ѓордусом, чем его сыном». В довершение всего Ѓордус убил свою тещу, деверя и первосвященника. Неудивительно, что, когда однажды распространился неверный, но «добрый» слух о его смерти, началось народное восстание против режима Ѓордуса. С присущей ему жестокостью Ѓордус повелел заживо сжечь 42 вождей этого восстания.

Впрочем, когда Ѓордус не убивал людей, он был уникально продуктивным царем. Он украсил и расширил Второй Храм, что потребовало девятилетнего труда десяти тысяч рабочих и тысячи священников. Только Царский портик (в южной части Храмовой горы) имел 162 колонны высотой до 30 метров. С учетом явной индифферентности Ѓордуса к иудаизму, надо думать, что он рассчитывал завоевать таким образом симпатии подданных.

Ѓордус также восстановил стены Иерусалима, создал новый город-порт Кесарию (который при римлянах стал главным городом Страны Израиля) и построил крепости, театры, стадионы и гавани по всей стране. По иронии судьбы именно он построил и Масаду, которая веком позже стала последним оплотом еврейского восстания против Рима (см. «Великое восстание»).

Когда в 4 г. до н. э. Ѓордус умер, император Август разделил царство среди трех его уцелевших сыновей. Архелай, которому была отдана Иудея, не справился с управлением, и Август был вскоре вынужден устранить его. С этого момента Рим управлял Иудеей непосредственно через прокураторов. Другой сын, Ѓордус-Антипа, правивший в Галилее, наследовал характер своего отца.

71. Йешу. Распятие. Понтий Пилат. Новый Завет

Новый Завет свидетельствует, что Йешу был соблюдающим закон евреем с сильным этическим началом и национальными чувствами. Йешу считал любовь к ближнему центральным религиозным требованием. Хотя многие христиане считают, что акцент иудаизма на Закон был отвергнут, на деле Йешу критиковал любого, кто выступал за его несоблюдение. «Не думайте, что я пришел нарушить Закон (Тору) или пророков», – говорит Йешу первым ученикам. «... Истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не пройдет из Закона, пока не исполнится все». Цель же Закона – в повсеместном признании Бога. Эту цель ни христианство, ни иудаизм не считают достигнутой ни во времена Йешу, ни сегодня. Йешу заключил свое обращение несколькими предупреждениями: «Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном» (Матфей, 5:17–19).

По крайней мере, по поводу одного специального вопроса Йешу придерживался даже более строгих позиций, чем относительно мягкие мудрецы. Господствующая школа Гилеля учила, что развод разрешен по любому поводу, а школа Шама разрешала развод только в случае супружеской измены (Мишна, трактат Гитин, 9:10), как и Йешу в Новом Завете (Матфей, 5:32). Позднейший запрет католической церкви на любые разводы устанавливает еще более жесткую юридическую норму, чем изложенная Йешу.

Извечный, хотя и остающийся без ответа вопрос: кем Йешу видел себя, считал ли себя мессией? Возможно, хотя следует помнить, что в первые века нашей эры слово «мессия» имело другое значение, чем сегодня. Современные верующие обычно думают о мессии как о чисто духовной фигуре. Но тогда это означало и военного вождя, который освободит евреев от иноземного (т. е. римского) владычества, вернет их со всех четырех сторон света и положит начало эре всеобщего мира. Спустя век после Йешу многие евреи принимали военачальника Бар-Кохбу за мессию, хотя его самый большой сторонник, раби Акива, никогда не говорил о его духовном величии. Именно «военная» ассоциация понятия «мессия» заставила оккупационные римские власти признать Йешу опасным и распять. Римляне повесили над телом Йешу табличку, говорящую о сути его преступления – «царь иудейский», – что опять-таки обнаруживает военную и политическую подоплеку его деятельности.

Национализм Йешу проиллюстрирован Матфеем: «Йешу удалился в страны Тирские и Сидонские. И вот, женщина хананеянка, вышедши из тех мест, кричала: «Дочь моя жестоко беснуется». Но Йешу не ответил ей ни слова, апостолы подошли и стали просить Йешу помочь ей. Он ответил: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева». Но женщина подошла и стала на колени: «Помоги мне». Он ответил: «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Она возразила: «...но и псы едят крохи... со стола господ их». Тогда Йешу ответил ей: «О, женщина, велика вера твоя; и будет тебе по желанию твоему» (Матфей, 15:21–28).

Что касается Понтия Пилата, то немало данных опровергают довольно симпатичный образ, данный Новым Заветом. Даже на фоне жестоких прокураторов, которые правили в Иудее, Пилат отличается особой злобностью. Его в конце концов отправили в отставку после убийства им группы самаритян: римляне поняли, что, сохраняя его у власти, они будут провоцировать постоянные мятежи. Мягкий, добросердечный Пилат Нового Завета, который в глубине своего сердца не хотел причинять вред Йешу, – сознательный вымысел. Когда писался Новый Завет, христианство было запрещено римским законодательством. Римляне осознавали, что казнили основателя христианства (упоминание о распятии Йешу у Тацита – одно из самых ранних свидетельств об этом за пределами Нового Завета), и не видели никаких причин для изменения своей антихристианской позиции. Единственной надеждой христиан добиться признания было «доказать» Риму, что распятие Йешу было трагической ошибкой, вызванной

лишь тем, что Пилата вынудили на это евреи. Поэтому Новый Завет говорит, что Пилат хотел спасти Йешу от казни, но поддался на крики огромной еврейской толпы, кричавшей: «Распни его!» Но власть Пилата над Иудеей была абсолютной. Если бы он хотел освободить Йешу, то так бы и сделал, не позволив презираемой им еврейской толпе вынудить себя отдать на смерть человека, которым он восхищался.

Само распятие – римская форма казни – было запрещено еврейским законом, потому что было мучительным. За время римского владычества было распято от 50 до 100 тысяч евреев. Какая же горькая ирония в том, что евреев веками упрекают в том, что они содействовали распятию Йешу (см. «Христоубийцы»).

Существует ли у евреев единая точка зрения на Йешу? Вероятно, нет, но в последние десятилетия многие еврейские ученые склоняются к тому, чтобы считать Йешу одним из нескольких евреев I–II вв., претендовавших на звание Машиаха, пытавшегося избавить Иудею от римского владычества. Но почти никто из еврейских ученых не верит, что Йешу хотел положить начало новой религии. Если бы Йешу вернулся сегодня, считает большинство евреев, то гораздо бы лучше чувствовал себя в синагоге, чем в церкви. Все больше еврейских ученых считает, что христианство на деле было основано другим евреем I в. – Павлом (см. следующую главу).

Большинство высказываний Йешу в Новом Завете соответствует учению иудаизма. Это неудивительно, поскольку Йешу в целом придерживался фарисейского (раввинистического) иудаизма. Но по меньшей мере три новых установления, сделанных Йешу, диаметрально противоположны еврейскому учению.

1. Йешу прощает все грехи: «Сын человеческий имеет власть на земле прощать грехи» (Матфей, 9:6). Иудаизм считает, что только сам Б-г прощает грехи, совершенные против Него. Мишна учит: «Йом-Кипур (День искупления) искупает грехи против Б-га, но не против людей, кроме тех случаев, когда обиженная сторона уже простила» (Йома, 8:9). Вера, что Йешу может прощать все грехи, чревата моральными коллизиями: спустя почти 1500 лет после смерти Йешу протестантский реформатор Мартин Лютер учил: «Будь грешником и грехи сильно, но еще сильнее верь и восхищайся Христом, победителем греха, смерти и мира... Достаточно, если мы будем признавать через богатство славы Б-жьей Агнца, который принимает на себя все грехи мира; поэтому грех не угрожает нам, даже если тысячи, тысячи раз в день мы будем прелюбодействовать и убивать» (письмо Филиппу Меланхтону, 1 августа 1521 г.). Юморист Жюль Файфер представил эту позицию Лютера в сатирической форме: «Христос умер за наши грехи. Можем ли мы сделать это мученичество бессмысленным, не совершая их?»

2. Отношение Йешу к дурным людям: «Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Матфей, 5:38–39) и «Любите врагов ваших... и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матфей, 5:44). Тора же велит оказывать сопротивление злым людям: «Искорени зло из среды твоей» (Дварим, 17:7). В другом месте Тора одобряет убийство Моше жестокого египетского надсмотрщика, который избивал раба-еврея. Победа во Второй мировой войне произошла потому, что почти все американские христиане отвергли призыв Йешу «не противиться злу». Одна из немногих религиозных групп, включивших этот принцип в свою повседневную жизнь («Свидетели Иеговы»), использовалась в нацистских концлагерях как парикмахеры для лагерной охраны. Эсэсовцы были уверены, что иеговист не причинит вреда нацистским убийцам. Иудаизм не требует любить своих врагов, например нацистов.

3. Новый Завет гласит, что люди могут прийти к Б-гу только через Йешу: «Отца не знает никто, кроме сына, и кому сын хочет открыть отца». Тем самым подразумевается, и многие фундаменталисты-протестанты продолжают в это верить, что только верующий в Йешу может

приблизиться к Б-гу. Иудаизм считает, что к Б-гу может приблизиться каждый, как учит Псалмопевец: «Близок Г-сподь ко всем призывающим Его» (Теѓилим, 145:18).

72. Павел

В юности будущий апостол Павел был религиозным евреем и носил имя Шауль. Уроженец города Тарс, убежденный фарисей (см. следующую главу) и последователь раби Гамлиэля, он, по собственному признанию, преследовал приверженцев Йешу за их ложные верования.

По пути в Дамаск Павел увидел Йешу в образе Б-га. Это видение изменило не только его собственную жизнь, но и всю последующую историю мира. До видения Павла приверженцы учения Йешу считали себя евреями и соблюдали Тору. От других евреев их отделяла лишь вера, что Йешу – мессия и однажды вернется, чтобы спасти еврейский народ.

Павел радикально трансформировал эту небольшую еврейскую секту в новую религию, которая резко порвала с иудаизмом. По его словам, для Б-га важнее не соблюдение Торы, а вера в Йешу. Те христиане, которые лично знали Йешу при жизни (Павел его не знал), отвергали эту позицию. Новый Завет отмечает, что Петр, которого католическая церковь считает первым Папой Римским, скрупулезно соблюдал *кашрут*. Деяния подтверждают, что ученики Йешу регулярно молились в Храме. Брат Йешу Яков предписывал, чтобы все рожденные евреями подвергались обрезанию, и велел Павлу соблюдать еврейские законы. Павел не согласился с этим: «Ибо мы признаем, что человек оправдывается (только) верою, независимо от дел Закона».

В христианстве возобладали позиция Павла, а не Якова. В соответствии с ним католики стали связывать праведность человека в глазах Б-га главным образом с верой в Йешу и с совершением таинств. Основатель протестантизма Лютер разошелся с католической церковью лишь в том, что достаточно одной веры. В своей книге «О христианской свободе» (1520) Лютер писал: «Прежде всего помните, что я сказал: одна лишь вера, без поступков, оправдывает, освобождает и спасает».

Павел энергично оспаривал убежденность иудаизма в том, что соблюдение ритуалов и моральных заповедей Торы делает человека праведным в глазах Б-га. Если это правда, рассуждал он, люди могли бы достичь праведности своими собственными усилиями: это означало бы, что в распятии не было смысла и «Христос напрасно умер».

Павел, как и евреи, верил, что Б-г послал человечеству Тору. Однако в отличие от них он считал, что люди могут спастись, только если будут досконально выполнять все предписания Торы. Поскольку это невозможно, Б-г наказывает людей за любое нарушение, то многочисленные законы Торы следует рассматривать как проклятие, а не благодать. Для своего спасения человечество должно освободиться от Закона, а это освобождение возможно лишь через веру в Йешу (см. Галатам, 3:10, 21–22; Римлянам, 3:28).

Иудаизм отвергает всю логику рассуждений Павла. Настаивая на полном соблюдении заповедей Торы, он тоже признает, что люди неизбежно будут грешить (Кофелет, 7:20), и задолго до Йешу и Павла выработал свою концепцию покаяния (*тишува*). К несчастью, заявление Павла о том, что Б-г проклинает людей за малейшее нарушение законов Торы, заставило многих людей Запада представить себе Б-га еврейской Библии жестоким и мстительным.

Пока различие небольшой секты христиан от их братьев-иудеев касалось только некоторых представлений об Йешу, они оставались частью еврейской общины. Но как только Павел отказался от Торы и отверг необходимость для иноплеменников обращаться в иудаизм, христианство перестало быть еврейской сектой и стало самостоятельной религией. В глазах христиан это превратило Шауля в великого героя, святого апостола Павла. Но большинство евреев не могут относиться к нему с подобным же восторгом.

73. Фарисеи. Саддукеи. Ессеи. Секта Мертвого моря

Многие евреи убеждены, что нынешний раскол иудаизма на различные течения – недавнее явление, что до Нового времени все евреи думали и действовали одинаково. На самом деле еврейские общественно-религиозные группы, которые существовали в период Второго Храма, различались друг от друга.

Фарисеи. Самое важное, что они – духовные предки всех современных евреев. Другие секты, существовавшие одновременно с ними, исчезли вскоре после разрушения Второго Храма. После этого фарисеи перестали называться именно так, их религиозная практика стала общеврейской нормой. Но в тот момент, когда все евреи идентифицировались с фарисеями, это слово стало приобретать новое уничижительное содержание. Новый Завет неизменно описывает фарисеев как узколобых религиозных лицемеров. В итоге слово «фарисей» стало в большинстве языков синонимом «лицемера». В действительности же величайшие учителя талмудического иудаизма – такие, как Ѓилель, раби Йоханан бен Закай и раби Акива, – были фарисеями.

Взгляды фарисеев на иудаизм определялись их верой в Устный Закон. Они были убеждены, что, когда Б-г дал Моше Тору, Он также сообщил ему устную традицию, точно разъясняющую, как следует выполнять законы. Например, хотя Тора требует брать «око за око», фарисеи считали, что Б-г никогда не мог требовать физического возмездия. Скорее, человек, ослепивший другого, должен был заплатить жертве цену потерянного глаза (см. гл. «Око за око»). Фарисеи полагали, что Устный Закон позволяет вносить необходимые толкования в еврейское право и трактовать его в непредвиденных обстоятельствах.

Знаменитая легенда Талмуда повествует о том, как Моше через тринадцать веков после его смерти призвали явиться на урок раби Акивы. Моше не понял ничего из рассуждений Акивы. Когда Акива сформулировал особое правило и ученики спросили его: «Откуда ты это знаешь?», он ответил: «Это предписание дано Моше на Синае!» В этот миг, говорится в Талмуде, Моше почувствовал себя удовлетворенным (Мнахот, 29б). Раби Акива, конечно, не лгал, когда говорил: «Это предписание дано Моше на Синае»; он считал, что лишь формулирует правило, основанное на принципах, установленных самим Моше.

В отличие от своих оппонентов саддукеев, фарисеи верили в загробную жизнь, в которой Б-г вознаграждает праведных и наказывает дурных. Они верили и в пришествие Машиаха, который принесет век всеобщего мира и вернет еврейский народ с четырех концов света в Страну Израиля. Наконец, они признавали на первый взгляд парадоксальную идею о том, что человек полностью свободен в своем моральном выборе, хотя Б-г и знает каждую деталь будущего.

Саддукеи. Саддукеи принадлежали к зажиточным слоям: многие из них были священниками Храма. Хотя саддукеи также имели несколько устных традиций исполнения законов Торы, они отвергали Устный Закон фарисеев и близко подходили к библейскому фундаментализму. Например, они буквально интерпретировали принцип «око за око» и отвергали веру в загробную жизнь, поскольку о ней в Торе не сказано.

Их религиозным средоточием был, по-видимому, храмовый ритуал и жертвоприношения. Фарисеи жаловались, что саддукеи одержимы этими вопросами: «(Ритуальная) нечистота ножа (используемого для жертвоприношений в Храме) была для них хуже, чем само убийство» (Тосефта, Йома, 1:10). К несчастью, не сохранилось никаких текстов саддукеев, поэтому все, что мы о них знаем, исходит от их оппонентов-фарисеев.

Саддукеи исчезли после разрушения Храма в 70 г. Их религиозная жизнь была, видимо, настолько сосредоточена вокруг Храма, что его разрушение лишило их существования смысла.

Некоторые ученые полагают, что религиозная практика средневековых караимов (секта, также отрицающая Устный Закон) частично базировалась на учении саддукеев.

Ессеи. Исторические параллели – дело рискованное. Тем не менее секту ессеев уместнее всего охарактеризовать как аскетическую и дисциплинированную группировку древних «хиппи». Считая городскую жизнь растлевающей, они удалились в безлюдные части Страны Израиля, в частности в пустыню около Мертвого моря. Большинство общин ессеев состояло из холостяков, поэтому само их существование прямо зависело от постоянного притока новообращенных.

В отличие от саддукеев, ессеи не хотели иметь ничего общего с Храмом и, похоже, считали, что он осквернен саддукейскими священниками. Ессейские общины очень строго соблюдали законы чистоты и нечистоты: ритуальное омовение было для них едва ли не самой главной церемонией.

Ессеи не терпели инакомыслия и изгоняли из своей среды нарушителей правил общины. По всеобщему мнению, это наказание было равносильно смертному приговору для тех, кто продолжал верить, что единственной ритуально чистой пищей может быть лишь приготовленная в их общине. Как только этот источник пищи перекрывался, изгнанники умирали голодной смертью.

Правила ессеев были похожи на монашеские. Члены общины вкушали еду совместно и в полном молчании (за исключением молитвы в начале и конце трапезы). У них не было своих личных помещений, они отдавали общине все свои доходы.

Секта Мертвого моря. Среди сект, живших в пустыне, была еще одна, которую именуют сектой Мертвого моря. О ее существовании стало известно лишь в 1947 г., когда пастух-бедуин обнаружил их свитки в Кумранской пещере. Свитки дают основание предполагать, что это было радикальное ответвление ессеев.

74. Великое восстание (66–70 гг. н. э.). Зелоты

Великое еврейское восстание против римлян, начавшееся в 66 г. н. э., привело к величайшей катастрофе в еврейской истории.

Никто не может осудить желание евреев сбросить римское иго. С первой оккупации римлянами Страны Израиля в 63 г. до н. э. их владычество становилось все более тягостным. Практически с начала новой эры Иудея управлялась римскими прокураторами, чьей главной задачей был сбор и отправление в метрополию ежегодной дани. То, что прокураторы собирали сверх установленной суммы, они могли оставлять себе. Неудивительно, что часто взимались поистине грабительские налоги. Не менее возмутительным для Иудеи было узурпированное римлянами право назначать первосвященника. В результате первосвященники, которые представляли евреев в их взаимоотношениях с Б-гом во время храмовой службы, стали назначаться из числа евреев-коллаборационистов.

В начале новой эры среди евреев возникла новая группа: зелоты (на иврите *канаим*). Они активно боролись с Римом более шестидесяти лет, а потом начали Великое восстание. Зелоты считали, что для достижения политической и религиозной независимости хороши любые средства.

Антиримские настроения евреев были подогреты в правление полубезумного императора Калигулы, который в 39 г. объявил себя божеством и приказал воздвигнуть свои статуи во всех храмах на территории Римской империи. Евреи, единственные в империи, не подчинились этому приказу: они не желали осквернять Храм Б-га статуей новоявленного языческого идола.

Калигула угрожал разрушить Храм, и к нему отправилась делегация евреев. Но напрасно – Калигула проревел: «Так, значит, вы враги богов, единственный народ, не признающий моей божественности?!» Только внезапная гибель императора от рук заговорщиков спасла евреев от массовой резни.

Действия Калигулы радикализировали самых умеренных евреев. Какие могли быть гарантии, что новый римский правитель не осквернит Храм и не разрушит Иерусалим? Вдобавок внезапная гибель Калигулы могла интерпретироваться зелотами как знак того, что Б-г на их стороне – стоит только набраться смелости восстать против Рима.

И после Калигулы евреи видели, как их религия периодически подвергается грубым оскорблениям: римские солдаты в Храме устраивали оргии, сжигали свитки Торы.

В конце концов сочетание налогового гнета, демонстративного презрения римлян к иудаизму и грубости римской аристократии, поселившейся в Стране Израиля, привело к восстанию.

В 66 г. последний римский прокуратор похитил из Храма большое количество серебра. Возмущенные еврейские массы поднялись и смели малочисленный римский гарнизон Иерусалима. Цестий Галл, римский правитель соседней Сирии, прислал на помощь большой отряд солдат; еврейские воины разбили и его.

Это была обнадеживающая победа. Но она имела ужасные последствия: многие евреи убедились, что могут одержать победу над римлянами, и ряды зелотов стали быстро расти. Но больше им не удавалось одерживать столь же решительные победы.

Римляне вернулись с 60 тысячами тяжеловооруженных профессиональных солдат. Первая атака пришлась на самый активный в восстании район – Галилею. Около 100 тысяч евреев Галилеи были убиты или проданы в рабство.

Во время восстановления римского господства над этой территорией еврейские авторитеты в Иерусалиме не сделали почти ничего, чтобы помочь своим терпящим бедствие братьям.

Они, видимо, поняли – к несчастью, слишком поздно, – что восстание уже не может победить, и хотели максимально уменьшить количество жертв.

Глубоко разочарованные галилейские беженцы, спасшиеся от массовых репрессий, стекались в последнюю и главную крепость евреев – Иерусалим. Там они уничтожили всех еврейских лидеров, которые придерживались менее радикальных позиций. Все умеренные руководители евреев, которые возглавляли еврейские власти в 66 г., были мертвы уже в 68 г., и ни один не погиб от рук римлян. Их ликвидировали свои же соплеменники-евреи.

Тем самым уже была подготовлена сцена для последнего акта трагедии. Римские войска готовились к осаде города, внутри которого разгоралась самоубийственная гражданская война. Позднее мудрецы будут преувеличивать, объясняя поражение восстания и разрушение Храма не превосходящими силами римлян, но беспричинной ненавистью (*синат хинам*) среди евреев (Йома, 9б). Хотя римляне победили бы в любом случае, гражданская война среди евреев ускорила их победу и невероятно увеличила количество жертв. Вот жуткий пример: в ожидании осады евреи заготовили большое количество сухой провизии, которой хватило бы на много лет. Но одна из воинственных группировок zelотов сожгла весь этот запас, рассчитывая, что уничтожение такой «подстраховки» заставит всех принять участие в восстании. В итоге начавшийся голод унес не меньше жизней, чем римляне.

Известно, что некоторые авторитетные лица выступали против восстания, особенно раби Йоханан бен Закай (см. гл. 75). Так как лидеры zelотов расправлялись со всеми, кто призывал к покорности Риму, ученики раби Йоханана вынесли его из Иерусалима под видом покойника. Будучи в безопасности, он лично сдался военачальнику Веспасиану, и тот пошел на уступки, позволившие еврейской общине продолжать свое существование.

Летом 70 г. римляне прорвали стены Иерусалима. Началась разнузданная оргия разрушения. Вскоре после этого был разрушен и Второй Храм.

Считается, что в ходе Великого восстания погибло около миллиона евреев. Нынешний почти двухтысячелетний период еврейского рассеяния отсчитывают от поражения Великого восстания и разрушения Второго Храма. Великое восстание 66–73 гг. и последовавшее через 60 лет восстание Бар-Кохбы были самыми большими потрясениями в еврейской истории вплоть до Катастрофы XX в. Помимо гибели более чем миллиона евреев эти неудачные восстания привели к полной потере еврейской государственности в Стране Израиля вплоть до 1948 г. Это увеличило и масштабы более поздних еврейских катастроф, была утрачена возможность использовать Страну Израиля как убежище для спасающихся от преследований еврейских беженцев.

75. Раби Йоханан бен Закай. «Дай мне Явнэ и его ученых»

Почти все современные евреи считают раби Йоханана бен Закаю героем, но многие его современники видели в нем предателя, а те, кто боролся в Масаде (см.), с радостью расправились бы с ним.

Во время осады Иерусалима в 70 г., чтобы не допустить сдачи его жителей римлянам, предводители еврейского восстания запретили под страхом смерти покидать Иерусалим. Раби Йоханан решил оставить осажденный город: он понял, что Рим скоро победит восставших и разрушит Иерусалим и даже Храм, тем самым поставив под угрозу само существование иудаизма. Он послал за своим племянником Абой Сикрой, одним из руководителей восстания, и сказал: «Найди для меня способ покинуть город. Может быть, мне удастся спасти хоть что-нибудь».

Аба Сикра ответил: «Притворись больным, пусть тебя навещают и увидят. Возьми что-нибудь с дурным запахом, пусть этот запах хорошенько распространится, и тогда люди подтвердят, что ты умер. Затем пусть (два) твоих ученика вынесут тебя, но больше никто».

Он провел всю эту операцию. Раби Элизер и раби Йеѓошуа несли носилки, Аба Сикра шел впереди. Когда они подошли к городским воротам, стража спросила: «Что это?» Они ответили: «Мертвец. Вы знаете, что покойника нельзя оставлять в Иерусалиме». (Стража) хотела проткнуть его, чтобы убедиться, что это труп. Аба Сикра сказал им: «Римляне (услышат об этом и) скажут: «Они проткнули собственного учителя...» (Стража) открыла ворота, и группа вышла. Раби Йоханана принесли на кладбище за стенами города, оставили там и вернулись. Он пошел в лагерь (римского военачальника) Веспасиана.

Обрадовавшись сдаче столь влиятельного еврейского лидера – который к тому же предсказал ему, что он станет цезарем, – Веспасиан сказал Йоханану: «Ты можешь выдвинуть одну просьбу, и я ее выполняю».

«Дай мне Явнэ и его ученых», – сказал он Веспасиану, другими словами, попросил разрешить ему основать йешиву в городке Явнэ. Веспасиан согласился.

Эта история – одна из нескольких, подтверждающих сильные сомнения раби Йоханана в целесообразности восстаний против Рима. Он обладал здравым смыслом и с самого начала мятежей понял, что они обречены. Это должно было огорчать его, особенно при виде массы евреев, увлеченных мессианской лихорадкой и наивно веривших, что Б-г вмешается, чтобы свести на нет военное превосходство римлян. Раби Йоханан не позволял такому мистическому воззрению влиять на решения, касавшиеся жизни и смерти. Он однажды дал совет: «Если ты держишь саженец в руках, а тебе вдруг говорят, что явился Машиах, сначала посади саженец, а затем только иди и встречай Машиаха».

Когда сокрушительное поражение стало явью, Иерусалим и Храм были разрушены, многие евреи впали в глубочайшую депрессию, уверенные, что Б-г покинул их (см. «Ирмеяѓу»), но не раби Йоханан: он был слишком занят устройством нового центра еврейской жизни в Явнэ. Когда ученик выразил отчаяние по поводу разрушения Храма, ведь теперь стало невозможным приносить жертвы и искупать грехи, раби Йоханан успокоил его: «Сын мой, не печалься. Мы совершим другое покаяние, не менее сильное... дела любви-добра, как говорит Б-г: «Ибо благочестия хочу Я, а не жертвоприношений» (Ѓошеа, 6:6).

Йешива в Явнэ вскоре стала достойной преемницей иерусалимского Санѓедрина. Ее важнейшая заслуга – создание модели такого иудаизма, который мог продолжать существование без Храма, без жертвоприношений и без государства.

76. Разрушение Второго Храма. (70 г. н. э.)

С точки зрения чисто физического страдания насилия и казни периода разрушения Второго Храма вряд ли были наихудшим злом, обрушившимся на евреев во время Великого восстания. Однако для еврейского духа это было именно так. До сего дня, когда евреи говорят о трагедии неудачного восстания против Рима, они обычно вспоминают грехи всего исторического периода до разрушения Второго Храма.

Разрушение Храма произошло очень быстро. Девятого ава (день, в который до сих пор соблюдается пост), летом 70 г. римские солдаты подожгли факелами Храм, начался страшный пожар. К тому времени, когда его погасили, все, что осталось от самой важной святыни иудаизма, – это внешняя стена западной стороны Храмовой горы. Ее остатки с тех пор зовутся Западной стеной (Гакотель гамаарави); по сей день это священное для евреев место.

Падение Храма более, чем любая другая потеря, явилось свидетельством окончательного поражения восстания. Талмуд говорит о евреях, которые погрузились в отчаяние, стали аскетами, отказались от мяса и вина. Раби Йеёшуа разговорился с ними и сказал им: «Дети мои, почему вы не едите мяса и не пьете вина?» Они ответили: «Есть ли нам мясо, которое раньше приносилось в жертву на алтарь, теперь, когда алтаря больше нет? Пить ли нам вино, которое употреблялось для возлияний на алтарь, а теперь нет?» Он сказал им: «Если это так, то мы не должны есть и хлеб, ибо хлебные приношения тоже прекратились». Они сказали: «(Это правильно, и) мы обойдемся плодами». «Мы не должны есть и плоды, – сказал он, – ибо уже больше нет приношений первых плодов урожая». Аскеты ответили, что они обойдутся другими плодами. Раби Йеёшуа сказал: «Но нам не следует пить и воду, ибо уже больше нет ритуала возлияния воды». На это у них не было ответа, после чего прагматичный раби Йеёшуа посоветовал им: «Дети мои, слушайте меня. Просто не скорбеть невозможно, потому что удар обрушился. Скорбеть слишком много тоже невозможно, ибо мы не можем возлагать на общину тяготы, которых не все смогут выдержать». Поэтому он предложил евреям три способа скорбеть по поводу разрушения Храма: «Человек может оштукатурить дом, но он должен оставить части и неоштукатуренные... Человек может приготовить роскошный обед, но может не подать одно или два блюда... Женщина может надеть все свои украшения, кроме одного-двух...» (Бава батра, 60б).

Ортодоксальные евреи до сих пор молятся трижды в день за восстановление Храма и обряда жертвоприношений.

77. Иосиф Флавий. (37–100 гг. н. э.)

Хотя Иосиф Флавий жил две тысячи лет назад, евреи по сей день горячо спорят, был ли он добрым евреем или же предателем. Однако даже его недруги признают, что труды Иосифа – важнейший источник по истории Великого восстания против Рима.

Еще в молодости Иосиф посетил Рим и был потрясен его военной мощью. Поэтому странно, что, когда в 66 г. началось восстание против Рима, евреи его назначили военачальником Галилеи. Иосиф потом признавался, что всегда считал восстание безнадежным.

Римляне быстро уладили Галилею, причем ее еврейские защитники понесли огромные жертвы. Когда пал город Йодфат, Иосиф с еще сорока повстанцами бежал в пещеры. Оказавшись в окружении римских отрядов и не желая сдаваться, они решили убить друг друга. Иосиф потом признался, что так подстроил жеребьевку, чтобы оказаться в числе тех, кому надлежало умереть в последнюю очередь. Затем он убедил оставшихся в живых товарищей пойти с ним и сдаться.

Иосиф понравился римскому военачальнику Веспасиану, который назначил его историком этой войны. Явная симпатия Веспасиана, по-видимому, результат предсказания Иосифа о том, что Веспасиан станет следующим римским императором. Позднее, когда евреи в стенах осажденного Иерусалима отказывались сдаться, Иосиф вышел к стенам города и громко убеждал его жителей прекратить борьбу, даже цитируя при этом слова пророка Ирмеягу, который шестьсот лет назад призвал евреев прекратить безнадежное восстание против Вавилона. Призыв Иосифа не возымел действия. Еврейский историк XIX в. Генрих Грец задался вопросом: если и Ирмеягу и Иосиф призывали к сдаче, то почему последующие поколения евреев считают Ирмеягу героем, а Иосифа предателем? Разница, по его мнению, в том, что Ирмеягу призывал сдаться, находясь внутри стен Иерусалима, а Иосиф делал то же из лагеря римлян. Версия Грета изящна, но несколько надуманна – ведь если бы Иосиф призывал сдаться, будучи в Иерусалиме, он неминуемо был бы убит на месте.

После разгрома восстания Иосиф поехал в Рим, где написал свою историю восстания – «Иудейскую войну». Это единственное подробное описание восстания, сделанное его современником. Поскольку Иосиф жил под защитой римлян, он значительно приукрасил описание их поведения во время войны. Для смягчения гнева римлян на всех евреев Иосиф обвинил zelотов в организации восстания, доказывая, что эта группка еврейских революционеров «втянула» все еврейское население в мятеж. Иосиф определяет себя как фарисея и пишет о фарисеях с большой симпатией.

Позднее он написал обширную работу по еврейской истории «Иудейские древности», а также острый полемический ответ на произведение египетского антисемита «Против Апиона».

Авторитет Иосифа в христианском мире связан с тем, что в его произведении об Иешу сказано: «И вот появился человек, если его вообще можно назвать человеком». Если эта фраза действительно написана Иосифом, она наряду с Новым Заветом – единственное относительно современное описываемым событиям свидетельство об Иешу (за исключением рассказа Тацита о распятии). Но многие сегодняшние ученые считают этот параграф об Иешу позднейшей христианской вставкой.

78. Масада

Масада – по сей день один из самых значительных еврейских символов. Там принимают присягу израильские солдаты: «Масада не падет вновь!» После Иерусалима это одно из самых посещаемых еврейскими туристами мест Израиля. Странно, что причина такой известности лишь в том, что 960 евреев совершили здесь коллективное самоубийство в I в. н. э., ставшее сегодня символом выживания евреев несмотря ни на что. Еще страннее, что эпизод с Масадой не упоминается в Талмуде. Почему мудрецы решили игнорировать храбрость и трагическую судьбу последних борцов восстания против Рима?

С разрушением в 70 г. Иерусалима и Второго Храма Великое восстание окончилось для всех – кроме уцелевших zelотов, которые бежали из Иерусалима в крепость Масада недалеко от Мертвого моря. Здесь они продержались еще три года. Те, кто взбирался по «змеиной тропе» в Масаду, может понять, почему римские войска ограничились осадой. Масада стоит на вершине огромной скалы: все, кто предпринимают атаки на крепость, становятся удобной мишенью. Но евреи, занявшие крепость, не могли чувствовать себя в безопасности: каждое утро, просыпаясь, они видели Десятый легион римлян, занятый сооружением осадных орудий. Если 960 защитников крепости Масада надеялись, что римляне рано или поздно посчитают этот последний еврейский оплот незначительным и не стоящим штурма, то они жестоко ошибались. Римляне хорошо понимали, что zelоты Масады – это инициаторы восстания. Zelоты находились в состоянии войны с Римом начиная с 66 г. Продолжительность и активность их борьбы, видимо, и объясняют решимость Рима уничтожить Масаду и горстку воинственных евреев.

Когда стало ясно, что осадные орудия Десятого легиона быстро пробьют стены Масады, лидер zelотов Эльазар бен Яир решил, что все защитники крепости должны покончить с собой. Так как еврейский закон строго запрещает самоубийство, нам это решение может показаться сегодня более страшным, чем представлялось самим zelотам. Ведь у них не было лучшей альтернативы. Если бы римляне схватили их, то мужчин продали бы в рабство, женщин превратили бы в рабынь и наложниц.

По иронии судьбы вся скудная информация о последних часах Масады исходит от человека, которого те евреи считали предателем: Иосифа Флавия (см. гл. 77). В свою историю восстания против Рима он включил обширный и в основном благожелательный текст о падении Масады. Согласно Иосифу, двум женщинам и пятерым детям удалось скрыться во время массового самоубийства, и именно от одной из них он услышал о последних словах Эльазара бен Яира. Иосиф, возможно, добавил сюда несколько собственных риторических украшений, но речь Эльазара, несомненно, и сама была образцом ораторского искусства. «Поскольку мы уже давно решили, – начал Эльазар, – никогда не быть слугами римлян и никого иного, кроме Бога Самого, кто единственно справедлив, Г-спода рода человеческого, то настало время, обязывающее нас исполнить это решение... Мы первыми восстали [против римлян] и последними закончим войну с ними, и я не могу оценить иначе, чем милость, которую оказывает нам Бог, что мы еще можем умереть храбро и свободными». Даже в последний момент Эльазар не мог смириться с мыслью, что провал восстания – результат огромного численного превосходства римской армии. Вместо этого он доказывает, что, вероятно, Бог отвернулся от еврейского народа. Наконец, неизбежное заключение: «Пусть наши жены умрут прежде, чем подвергнутся насилию, и наши дети прежде, чем испытают рабство, и после того, как мы их убьем, давайте совершим эту славную милость в отношении друг друга». Эльазар велел, чтобы было уничтожено все, кроме пищи, «так как пища будет доказательством того, что мы умерли не от лишений, а по своему, добровольному решению предпочли смерть рабству». После этой речи мужчины убили своих жен и детей, а затем и друг друга. Я подозреваю, что Талмуд опустил историю Масады по двум причинам. Во-первых, мудрецы все еще сохранили сильную неприязнь к zelотам.

там-экстремистам, погибшим в Масаде. Мы знаем, что раби Йоханан бен Закай был вынужден тайно бежать из Иерусалима, чтобы его не убили те же люди, что погибли здесь. Далее, в тот момент, когда мудрецы страстно стремились приспособить иудаизм к существованию без Храма и без государства, они вряд ли были заинтересованы воспевать массовое самоубийство тех евреев, которые ни во что не ставили жизнь без суверенитета.

История Масады известна по произведениям Иосифа. Но немногие евреи читали Иосифа, и более пятнадцати веков она оставалась забытым эпизодом их истории. Лишь в 1920-х гг. ивритский писатель Ицхак Ламдан написал «Масаду», поэтическую историю страстной борьбы евреев против полного врагами мира. По словам профессора Давида Роскиза, эта книга «более любого другого текста вдохновила затем восстание Варшавского гетто». Масада стала широко известна благодаря раскопкам покойного израильского археолога Игаля Ядина. Наряду с находкой двух ритуальных купален-микваот (см. «Миквэ») и синагоги, где молились защитники Масады, он обнаружил двадцать пять скелетов мужчин, женщин и детей. В 1969 г. их с воинскими почестями захоронили в Масаде¹.

¹ В числе находок имеются и десять глиняных табличек с написанными на них мужскими именами. По всей видимости, они были использованы при предсмертной жеребьевке. На одной из них имя «бен Яир».

79. Раби Акива (? – 135 г. н. э.)

Образ раби Акивы давно превзошел по масштабу его историческую фигуру. Возможно, это величайший ученый Талмуда и безусловно – самый большой мученик из его персонажей.

В отличие от многих ведущих учителей иудаизма, он происходил не из видной семьи мудрецов, а был сыном и внуком обращенного в иудаизм иноверца. В молодости он был пастухом и не получил никакого образования. Тем не менее Рахель, дочь его богатого хозяина Кальба Цавуа, почувствовала в его душе нечто особенное и согласилась выйти за него замуж при условии, что тот начнет изучать Тору. Эта перспектива была не очень приятной для сорокалетнего Акивы, пока однажды он не нашел камень, который источили капли воды. Он рассудил: «Если мягкая вода смогла источить твердый камень, как же сильно твердые слова Торы могут запечатлеться в моем мягком сердце!»

Они поженились против воли Кальба Цавуа, который тут же лишил свою дочь наследства. Но несмотря на нищету, в которую попала семья, жена продолжала поощрять занятия раби Акивы. Через несколько лет уже не одна Рахель видела выдающиеся свойства ума раби Акивы. Прежний неграмотный пастух стал выдвигаться на все более высокие позиции среди законоучителей, пока не стал считаться ведущим ученым своего времени.

Раби Акива был не только мудрецом, но и смелым человеком. Когда римские власти объявили изучение Торы серьезным преступлением, он продолжал учить. Его друг Папос бен Иегуда был потрясен такой почти безрассудной смелостью. «Акива, – говорил он, – ты не боишься злобы властей?» Раби Акива отвечал притчей: «На что это похоже? На лисицу, пробирающуюся по берегу ручья и видящую рыб, собравшихся вместе, чтобы переплыть в другое место. Она говорит им: «От кого вы бежите?» Они отвечают: «От сетей, которые люди расставили нам». Она сказала: «Выходите на сушу, будем жить с вами вместе, как делали наши отцы». Они ответили: «Ты животное, которое считается мудрейшим из животных? Ты не умная, а глупая. Потому что если мы боимся воды – нашего естественного местопребывания, то как же мы должны бояться земли, где нас ждет смерть?» Так и с нами: если мы сейчас видим и изучаем Тору, в которой написано: «Ибо в этом жизнь твоя и долгота дней твоих» (Дварим, 30:20), и находимся в таком затруднении, то что с нами будет, если мы не станем ее изучать?» (Брахот, 61б).

Антиримская направленность раби Акивы, впрочем, выходила далеко за рамки изучения Торы. Когда Шимон Бар-Кохба (см. гл. 80) поднял в 132 г. н. э. восстание против Рима, раби Акива стал одним из его наиболее горячих последователей. Он считал Бар-Кохбу Машиахом и звал тысячи своих учеников следовать за ним в его оказавшемся неудачном восстании. Один из современников раби Акивы, раби Йоханан бен Торта, смеялся над его утверждением мессаианского титула за Бар-Кох-бой. «Акива, – говорил он, – трава вырастет у тебя на щеках, а Машиах еще не придет».

Когда римляне подавили восстание, они приговорили раби Акиву к смерти. Его вели на казнь рано утром, в тот час, когда произносится молитва «Шма Израэль» – «Слушай, Израиль, Г-сподь наш Б-г, Г-сподь Един». Даже на костре раби Акива продолжал шептать слова «Шма» с улыбкой на устах. Римский военачальник был потрясен этой нечувствительностью к огню и спросил раби Акиву, не колдун ли он. «Нет, – ответил раби Акива, – но всю свою жизнь, когда я произношу слова «Любите Г-спода вашего Б-га всем сердцем и всеми силами», мне становилось грустно, ибо я думал, когда же смогу исполнить этот завет? Я любил Б-га всем сердцем и всеми силами (что значит – всеми доступными средствами), но не знал, смогу ли я любить Его всей душой (т. е. собственной жизнью). Теперь, когда я расстаюсь с жизнью и пришел час произнести молитву «Шма», мое обещание подтверждается, и как же мне не улыбаться?» Пока он говорил, его душа отлетела» (Брахот, 61б).

80. Восстание Бар-Кохбы (132–135 гг. н. э.)

Обычно смелые действия, которыми люди восхищаются, называют отважными, а те, которые они не одобряют, – безрассудными. В 1980 г. израильский генерал Йеѓошафат Ѓаркави потряс всех своим утверждением, что один из великих еврейских героев Шимон Бар-Кохба, предводитель восстания против Рима, относится к категории безрассудных, а не отважных. Ѓаркави, в прошлом глава израильской военной разведки, утверждал, что Бар-Кохба поднял восстание, которое было бессмысленно и, более того – обречено на провал.

Причины восстания Бар-Кохбы неясны. Некоторые тексты Талмуда гласят, что римляне начали кампанию по искоренению иудаизма: они объявили обрезание и изучение Торы тяжким преступлением. Согласно тем же источникам, великий духовный авторитет того времени раби Акива присоединился к Бар-Кохбе и сделал для восстания очень много, заявив, что Бар-Кохба – это Машиах. Однако другие тексты Талмуда выражают скептицизм относительно Бар-Кохбы и его мессианства.

Если римляне действительно пытались искоренить иудаизм, евреи восстали бы вне зависимости от перспектив успеха восстания. Но Ѓаркави обратил внимание на редко упоминаемую деталь, которая свидетельствует, что римляне не усиливали борьбы против иудаизма, – Галилея не приняла участие в восстании Бар-Кохбы, и после его подавления евреям Галилеи по-прежнему разрешалось исповедовать свою религию. После разгрома римлянами Иудеи, где произошло восстание, Галилея стала новым центром еврейской жизни. Менее чем век спустя там была создана Мишна. Таким образом, существованию иудаизма, похоже, во времена Бар-Кохбы ничего не угрожало. Восстание скорее было вызвано желанием евреев избавиться от римского владычества.

Сам Бар-Кохба был, вероятно, харизматическим лидером: десятки тысяч евреев собрались под его знамена. На ранних стадиях восстания его войска причиняли римлянам большие потери и даже установили контроль над Иерусалимом. Это была особо важная победа, потому что римский император Адриан пытался превратить Иерусалим в языческий римский город.

Но освобождение Иерусалима, к несчастью, оказалось недолговечным. Как отмечает Ѓаркави, «в войне главное – победить в последнем сражении, а не в первом». А этого евреи достичь не смогли. Римляне направили сюда огромную армию под командованием Юлия Севера, римский историк Дион Кассий дал детальное описание его стратегии: «Он не хотел сражаться лицом к лицу, видя их возмущение и многочисленность. Вместо этого он использовал своих многочисленных солдат и офицеров, чтобы захватывать их по одному или запираить и осаждать в крепостях, лишая подвоза продуктов. Таким образом он мог постепенно и с минимальным риском довести их до отчаяния, рассредоточить и уничтожить. Только немногие спаслись. Пятьдесят самых сильных еврейских крепостей разрушены римлянами и девятьсот семьдесят пять самых важных поселений разорены. Пятьсот восемьдесят тысяч евреев перебито в битвах и стычках, и бесчисленное множество умерло от голода, огня и меча. Почти вся земля Иудеи лежала опустошенной».

Еврейские повстанцы наносили римлянам такие тяжелые потери, что, когда римский император Адриан послал сообщение о своей победе в Сенат, он воздержался от традиционных слов: «Я и мои войска в благополучии». Тем не менее евреи терпели поражение за поражением, пока их не оттеснили к их последней крепости Бейтар к юго-западу от Иерусалима. Случилось это 9 ава, в годовщину разрушения обоих Храмов.

К тому времени, как римляне закончили подавление восстания, половина населения Иудеи была убита. После поражения восстания Бар-Кохбы в 135 г. число неевреев в стране превышало количество евреев. Пережившие войну евреи находились в плачевном состоянии:

десятки тысяч мужчин и женщин были проданы в рабство, евреям было запрещено посещать Иерусалим.

По мнению многих еврейских историков, провалы восстания Бар-Кохбы и Великого восстания – величайшие катастрофы, которые обрушились на еврейский народ вплоть до Катастрофы XX в.

81. Брурия

В Талмуде упомянуто более двух тысяч мудрецов и всего одна женщина, обладавшая не меньшими знаниями. Это Брурия, жена раби Меира, жившего во II в. В последние годы она стала героиней для религиозных еврейских феминисток, это находит отражение в увеличении числа названных в ее честь еврейских школ (включая знаменитую женскую йешиву в Иерусалиме) и нареченных ее именем детей.

Талмуд подчеркивает не только острый ум Брурии, но и дает более сложные характеристики ее личности. В одних историях она мила, в других сердита, в некоторых трагична. Одна из них содержится в трактате Брахот (10а). Когда бандиты напали на ее мужа Меира, он попросился Б-гу, чтобы Он послал им смерть. Брурия упрекает его за резкие слова: «Ты оправдываешь себя просьбой Псалмопевца «Пусть грехи исчезнут с земли»? Но грешникам не нужно умирать, чтобы исчезли грехи, достаточно будет, если они перестанут грешить». После чего раби Меир стал молиться о том, чтобы бандиты раскаялись в своем дурном поведении. Так и случилось.

В другом эпизоде сердится Брурия, а не Меир. Похоже, что ее обидела излюбленная мужем присказка: «Не говори много женщине». Когда раби Йоси Галилеянин спросил ее: «Какой дорогой нужно идти в Лод?», она высмеяла его: «Глупый ты галилеянин! Разве мудрецы не учат «не говорить много женщине»? Ты должен был спросить: «В Лод как?» (Эрувин, 53б).

Самая известная история о Брурии повествует о ее великом горе. В один субботний вечер погибли два ее сына – убиты ли они или стали жертвой несчастного случая, Талмуд не говорит. Когда раби Меир вернулся домой из синагоги, он спросил о сыновьях, но Брурия оборвала его, и он произнес «Гавдалу» – молитву, завершающую субботу. Тогда она задала ему вопрос: «Некоторое время назад мне было отдано на хранение сокровище, а теперь хозяин требует его назад. Должна я вернуть?» «Конечно», – сказал ничего не подозревающий Меир, и Брурия повела его в спальню, показав два мертвых тела. «Вот сокровища, и Б-г взял их обратно».

82. Устный Закон / Тора Шебеальпэ. Письменный Закон / Тора Шебихтав

Письменный Закон – другое название Торы. Устный Закон – юридический комментарий к Торе, объясняющий, как именно выполнять ее предписания. Здравый смысл подсказывает, что в том или ином виде устная традиция всегда необходима при письменном праве, потому что одной Торы, даже с ее 613 заповедями, недостаточно для регулирования всей еврейской жизни. Например, четвертая из Десяти заповедей предписывает: «Помни день субботний, чтобы святить его» (Шмот, 20:8), включение субботы в Десять заповедей ясно свидетельствует, что Тора рассматривает ее как важный праздник. Но когда ищут специальные библейские правила, которые бы указывали, как проводить этот день, то находят в Торе только запрещение разжигать огонь, срубить дерево, пахать и собирать урожай. Будет ли воздержание от этих действий достаточным для соблюдения заповеди освящать субботу? Действительно, субботние ритуалы, которые обычно ассоциируются со святостью: возжигание светильников, совершение «Кидуша», изучение еженедельного раздела Торы – основаны не на Торе, а на устной традиции.

Тора молчит и по поводу многих важных проблем. Мы считаем естественным, когда подавляющее большинство пар хотят, чтобы их брачная церемония была религиозной, но в самой Торе ничего не говорится о брачной церемонии. Тора предусматривает, что люди вступают в брак – «Поэтому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей: и станут они одной плотью» (Брейшит, 2:24), – но в Торе нигде не описана свадебная церемония. Только в устной традиции находим детали того, как должна проходить еврейская свадьба.

Без устной традиции некоторые установления Торы были бы непонятны. В первой части «Шма» предписано: «И будут слова эти, которые Я заповедовал тебе сегодня, в сердце твоём. И повторяй их детям своим, и произноси их, сидя в доме твоём, находясь в дороге, ложась и вставая. И повяжи их как знак на руку свою, и будут они знаками над глазами твоими» (Дварим, 6:4–8).

«Повяжи их в знак на руку твою» – велит последний стих. Повязать что? Тора не говорит. «И да будут начертанием между глазами твоими». Что должно быть начертанием? Еврейское слово «начертание» – *томафот* трижды встречается в Торе, и всегда в этом контексте (Шмот, 13:16; Дварим, 6:8; 11:18). Только из Устного Закона мы узнаем, что еврей должен привязывать себе на руку и на голову «тфилин» (филактерии).

Наконец, Устный Закон позволил смягчить некоторые категорические установления Торы, которые создали бы большие трудности, если выполнять их буквально. Например, принцип «око за око» (Шмот, 21:24). Следует ли из него, что, если кто-то нечаянно ослепит другого, его самого следует лишить глаза? Но Устный Закон объясняет, что это следует трактовать как требование денежной компенсации: цена глаза должна быть оплачена.

По этим трем причинам – частым отсутствием в Торе деталей предписаний, неясностью некоторых терминов Торы и отказом от буквального применения законов Торы – Устный Закон всегда необходим.

Вопреки названию сегодня Устный Закон записан – кодифицирован в Мишне и Талмуде (см. гл. 83). Иудаизм считает, что большая часть устной традиции, зафиксированной в этих книгах, восходит ко временам Б-жьего откровения Моше на горе Синай. Когда Б-г давал Моше Тору, Он одновременно сообщил ему все детали Устного Закона. Мы верим, что Моше впоследствии передал устное право своему преемнику Иеѓошуа бин Нуну, тот – своему преемнику, и так линия продолжалась (Авот, 1:1).

Но если эта линия так авторитетна, то откуда бесчисленные споры между мудрецами, отраженные в Талмуде и Мишне? Разве не должны были все законоучители получить одно и то

же однозначное толкование традиции? Ортодоксы отвечают, что споры возникли потому, что ученики забыли некоторые детали, переданные учителями, или потому, что в Устном Законе отсутствуют проблемы, по которым ведутся эти споры.

Консерваторы и реформисты тоже считают Устный Закон так или иначе необходимым для понимания и применения Торы, но отвергают мнение, что большая часть Талмуда восходит ко времени Моше. Они скорее склонны считать Устный Закон и Талмуд развивающейся системой, в которой поколения мудрецов рассуждают и спорят о том, как соединить Тору с жизнью.

Различие во взглядах ортодоксального и консервативного иудаизма на древность и обязательный характер Устного Закона – главный (возможно, главнейший) водораздел между ними.

83. Вавилонский Талмуд, Иерусалимский Талмуд, Мишна. Раби Йеѓуда Ѓанаси, танаим, амораим

Евреи Страны Израиля понесли страшные потери во время Великого восстания и восстания Бар-Кохбы. Более миллиона евреев погибло в двух неудачных восстаниях, ведущие йешивы вместе со своими учеными и учениками были уничтожены. Резкое сокращение числа знающих евреев и послужило, видимо, причиной решения раби Йеѓуды Ѓанаси (около 200 г.) записать Устный Закон (см. гл. 82). В течение веков ведущие законоучители противились фиксации устного права, понимая, что его устная передача заставляет учеников сохранять тесную связь с учителем: они считали учителей, а не книги самыми лучшими носителями еврейской традиции. Но гибель большого числа наставников в разгромленных восстаниях вызвала опасения, что устная традиция окажется забытой, если не будет записана.

В Мишне, как названа книга из 63 трактатов, где раби Йеѓуда зафиксировал Устный Закон, еврейское право кодифицировано систематически, в отличие от Торы. Например, если нужно было найти все установления насчет субботы, приходилось искать все разбросанные в книгах Шмот, Ваикра и Бемидбар упоминания. По сути, для выяснения всего, что написано в Торе по тому или иному вопросу, требовалось читать все подряд или знать все наизусть. Раби Йеѓуда построил структуру Мишны по темам. Все установления о субботе собраны в один трактат, названный Шабат («суббота»). Предписания, содержащиеся в 24 главах трактата Шабат, гораздо более подробны, чем в Торе, так как Мишна суммировала обширное устное право, касающееся субботы. Трактат Шабат – часть более крупного отдела, именуемого Моэд («праздник») – одного из шести отделов, составляющих Мишну. Некоторые другие трактаты в составе Моэд посвящены Песаху (Псахим), Пуриму (Мегила), Рош-Ѓашана и Йом-Кипуру (Йома).

Первый из шести отделов называется Зраим («семена») и посвящен сельскохозяйственным правилам древней Страны Израиля, особо останавливаясь на продуктах, которые приносили в Иерусалимский Храм. Однако самый известный трактат раздела Зраим – Брахот («благословения») не имеет отношения к сельскому хозяйству; здесь сведены законы о разных благословениях и времени их произнесения.

Раздел Незикин («ущербы») содержит десять трактатов, суммирующих еврейское гражданское и уголовное право.

Раздел Нашим («женщины») посвящен установлениям о браке (Кидушин) и разводе (Гитин).

Пятый раздел, Кодашим, содержит правила жертвоприношений и ритуального заклания животных.

Шестой раздел, Таѓарот, посвящен установлениям о ритуальной чистоте и нечистоте.

Хотя все части Мишны – юридические кодексы, раби Йеѓуда часто оживляет текст мнениями меньшинства, которые также считал полезными для ученых последующих поколений (Мишна, Эйдуйот, 1:6). В знаменитом примере юридический закон превращается почти в поэму – когда раби Йеѓуда цитирует длинное предупреждение свидетелям тяжкого преступления:

«Как свидетели напутствуются и предупреждаются при (рассмотрении) тяжких преступлений? Их приводят и предупреждают в следующем: если вы хотите произнести в качестве свидетельства только ваше предположение, или слухи, или вторичное свидетельство, полученное от лица, которому вы доверяете, или если вы не знаете, что мы устроим вам перекрестный допрос, то знайте, что уголовное преступление – это не денежные дела. В денежных делах человек может возместить ущерб и быть прощенным, но в уголовном деле кровь убитого и кровь его (потенциальных) потомков падет на свидетеля и останется на нем до скончания времен. Ибо

мы находим это в случае с Каином, который убил своего брата Гевеля, о ком написано: «Голос крови брата твоего вопиет ко Мне из земли» (Брейшит, 4:10) – то есть его кровь и кровь его будущих потомков... Потому первый человек Адам был создан один, чтобы показать нам, что кто отнимает одну жизнь, того Библия считает убийцей всего человечества. Далее, только один человек, Адам, был создан ради мира среди людей, чтобы никто не мог сказать своему ближнему: «Мой отец более велик, чем твой...» Итак, человек (был создан один), чтобы показать величие Всевышнего, ибо если человек отчеканит много монет из одного металла, то все они будут одинаковы, но Царь царей, Всевышний, создал каждого человека по образу Адама, но никто не похож на другого. Поэтому каждый должен сказать: «Мир создан для меня» (Мишна, Сангедрин, 4:5). Один комментарий к этому тексту гласит: «Как велика поэтому ответственность за подкуп и лжесвидетельство, и тем самым за принятие (на себя) моральной вины за (убийство) всего мира».

Один из 63 трактатов Мишны не содержит никаких законов. Он называется Авот («Поучения Отцов»). Здесь зафиксированы наиболее известные изречения и высказывания мудрецов.

В течение веков после составления Мишны ее тщательно изучали многие поколения евреев. В конце концов мудрецы записали свои споры и комментарии к законам Мишны в своде книг, известном как Талмуд. Мудрецы Страны Израиля составили свои дискуссии о Мишне около 400 г. Их работа стала называться *Талмуд Йерушалми*, буквально «Иерусалимский Талмуд».

Более века спустя ведущие вавилонские законоучители составили другой свод дискуссий о Мишне (к тому времени эти обсуждения шли уже около трехсот лет). Вавилонский кодекс более обширен, чем Иерусалимский, поэтому Вавилонский Талмуд (Талмуд Бавли) стал самым авторитетным сборником Устного Закона. Когда говорят об изучении Талмуда, то почти всегда имеют в виду Бавли, а не Йерушалми.

Все споры оформлены одинаково. Сначала цитируется закон Мишны, за ним следует дискуссия законоучителя о его содержании. Мишна и дискуссии мудрецов – Гемара – составляют Талмуд, хотя в жизни слова Гемара и Талмуд обычно используются как синонимы.

Мудрецы, чьи мнения записаны в Мишне, известны как танаим (арам. «учителя»), а мудрецы, цитируемые в Гемаре, – как амораим («толкователи», «интерпретаторы»). Так как танаим жили ранее амораим и таким образом стоят ближе к Моше и откровению на Синае, их учение считается более авторитетным, чем мнение амораим. По той же причине еврейская традиция обычно считает мнения амораим более авторитетными, чем современных раввинов.

В дополнение к всевозможным юридическим дискуссиям (по-еврейски – *Галаха*, см. гл. 84) мудрецы включили в Талмуд руководства по этическим вопросам, медицинские советы, историческую информацию и фольклор. Все это вместе называется Агада (см. гл. 84).

Как правило, текст Гемары начинается точной цитатой из Мишны. Например, в трактате Мишны Бава мециа (7:1) сказано: «Если человек нанимает работников и велит им работать рано утром и поздно вечером, он не может принудить их работать рано и поздно, если это не обычай данного места». На этом Гемара (Бава мециа, 83а) говорит: «Разве не ясно (что наниматель не может требовать того, что не является местным обычаем)? Вопрос в том, даст ли наниматель за это более высокую плату. В этом случае можно утверждать, что он мог сказать им: «Причина, по которой я даю вам более высокую плату, в том, что вы работаете рано утром и поздно вечером». Закон говорит нам, что работники могут ответить: «Ты платишь нам больше за лучшую работу (а не за бóльшую продолжительность работы)».

Среди религиозных евреев учителя Талмуда пользуются таким же уважением и почетом, как в светском обществе – нобелевские лауреаты. Однако в еврейской истории круг изучающих Мишну и Талмуд не ограничивался интеллектуальной элитой. На старой книге, спасенной от нацистов и теперь находящейся в Библиотеке Нью-Йорка, стоит штамп «Общество дровосеков

для изучения Мишны в Бердичеве». Люди, занятые в Бердичеве рубкой дров, грубой работой, регулярно собирались, чтобы изучать еврейское право. Это еще одно свидетельство сохраняющегося в еврейском обществе стремления знать Устный Закон и жить в соответствии с ним.

84. Галаха, Агада, Мидраш

Талмуд – самая всеобъемлющая компиляция устного права. В его многочисленных томах законоучители заняты двумя типами дискуссий: Галахой (чисто юридические нормы) и Агадой (этические рассуждения и фольклор). Вот классическая галахическая дискуссия, открывающая Мишну (трактат Бава мециа).

«Два человека держат плащ (и предстают перед судьей). Один говорит: «Я его нашел», и другой говорит: «Я его нашел». Если первый скажет: «Он весь мой», и другой скажет: «Он весь мой», то первый должен поклясться, что ему принадлежит не меньше половины, и другой должен поклясться, что ему тоже принадлежит не меньше половины, и они его разделят» (это означает, что каждый получит половину стоимости плаща).

«Если первый скажет: «Он весь мой», а другой скажет: «Он наполовину мой» (потому что считает, что они нашли его одновременно), то первый должен поклясться, что ему принадлежит не менее трех четвертей, а тот, кто говорит, что он «наполовину мой», должен поклясться, что ему принадлежит не менее четверти, и первый получает три четверти, а второй – одну четверть».

Рассуждения Гмары по поводу этого положения Мишны очень пространны и прямо или косвенно касаются многих правовых нюансов.

Во-первых, поскольку каждая сторона заявляет, что она нашла плащ, а не купила его, то как быть с человеком, которому он действительно принадлежит, – не вернуть ли плащ ему? Поэтому мы должны признать, что плащ либо потерян, либо усилия найти его владельца оказались тщетными. В Талмуде имеется обширный трактат, касающийся возвращения потерянных предметов их владельцам, основанный на библейском законе (Дварим, 22:1–3).

Во-вторых, Мишна не случайно изображает обе стороны, пришедшие в суд, именно держащими плащ. Как правило, еврейское право стоит на принципе, что «владение – девять десятых закона». Тем, что обе стороны держат вещь, подчеркивается, что каждый имеет на нее осязаемое право. Если бы держала плащ только одна сторона, из этого следовало бы, что плащ принадлежит ей до тех пор, пока другая сторона не докажет, что первая сторона взяла его у нее.

В-третьих, каков смысл клятвы? Почему бы просто не разделить плащ? Цель клятвы – навести страх на лжеца, отвести его от насилия над своей совестью. Без клятвы человек более склонен лгать, считая, что вреда от этого не будет, поскольку он не лишил действительного собственника того, что стоило ему денег, но только нашел плащ. В еврейском праве лжесвидетельство – особо серьезный грех, запрещенный девятой из Десяти заповедей.

В-четвертых, почему мудрецы требуют такую страшную клятву? Если каждый из спорщиков клянется «это все мое», то почему они не говорят именно о плаще? Какой смысл в словах «клянусь, что мне принадлежит не менее половины»? Здесь есть моральная подоплека. Если бы каждый поклялся, что принадлежит ему весь плащ, то это была бы ложная клятва, навязанная судом. Каждый клялся бы в том, что плащ принадлежит именно ему. Когда каждая сторона дает клятву в том, что владеет только половиной плаща, это дискредитирует предыдущее заявление о том, что принадлежит ей весь плащ. Вот почему каждая сторона говорит: «Я владею не менее чем половиной». Это единственно возможный вариант правдивой клятвы, так как вероятно, что они нашли плащ одновременно.

Что касается ситуации, когда одна сторона клянется во владении целой вещью, а другая – только половиной, то почему одному дается три четверти стоимости одежды, а другому – одна четверть? Талмуд считает: тот, кто претендует только на половину, признает, что вторая половина принадлежит другой стороне, поэтому суд решает судьбу только оставшейся половины. Эта половина делится судом на две части, поэтому одна сторона получает три четверти, а другая – одну четверть.

Агада – обозначение всех неюридических рассуждений Талмуда, включающих такие разные предметы, как медицинские советы, исторические сведения, моральные поучения и предания. Знаменитый фрагмент Агады находится в трактате Бава мециа, 59б. Агада следует за галахической дискуссией, в которой мудрецы спорят, может ли быть очищена печь, оскверненная нечистотой. Почти все учителя считают, что не может. Один раби Элиэзер, великий ученый, не соглашается: «В тот день раби Элиэзер высказал все аргументы, (возможные) в мире, но ученые их не приняли. Наконец, он сказал им: «Если Ѓалаха на моей стороне, то пусть рожковое дерево это докажет». Он указал на росшее рядом рожковое дерево, которое сдвинулось со своего места на сто локтей, а некоторые говорят, на четыреста локтей. Они сказали ему: «Движение рожкового дерева – это еще не доказательство». Сказал раби Элиэзер: «Если Ѓалаха на моей стороне, водный поток докажет это». Водный поток повернулся и потек в противоположную сторону. Они сказали ему: «Поведение водного потока – не доказательство». Сказал раби Элиэзер: «Если Ѓалаха на моей стороне, стены Дома Учения докажут это». Стены Дома Учения стали наклоняться внутрь. Раби Йеѓошуа тогда поднялся и стал ругать стены дома. «Когда ученики мудрости спорят между собой, какое право вы имеете вмешиваться?» Из уважения к раби Йеѓошуа стены перестали наклоняться, но из уважения к раби Элиэзеру не выпрямились и остаются наклоненными по сей день. Тогда раби Элиэзер сказал ученым: «Если Ѓалаха на моей стороне, пусть снизойдет с небес». Тогда раздался небесный голос и сказал: «Что вы делаете с раби Элиэзером? Ѓалаха соответствует его словам везде». Тогда раби Йеѓошуа встал и сказал: «Не на небе!» (Дварим, 30:12). «Что он имел в виду, говоря это? – сказал раби Ирмеяѓу. – Он имел в виду, что со времени дарования Торы на горе Синай мы не обращали внимания на небесный голос, хотя Ты записал в Своей Торе: «Не отзывайся в тяжбе, кривя судом, (лишь бы) клониться к большинству» (Шмот, 23:2). Раби Натан встретил пророка Элияѓу. Он спросил его: «Что Всевышний Святой делает в этот час?»

Сказал Элияѓу: «Он смеялся и говорил: “Мои дети победили Меня, мои дети победили Меня”».

Третья группа в литературном наследии мудрецов – Мидраш, разделяется на два типа. Мидраш Агада включает нравственные установления библейского текста, Мидраш Ѓалаха – правовые. Когда говорится «мидраш», обычно имеется в виду ритуал. Так как раввины считали, что каждое слово Торы – от Б-га, ни одно слово не считалось напрасным. Когда они находили слово или выражение, казавшееся не столь важным, они стремились выяснить, какую новую идею или нюанс стремится передать с их помощью Библия. Характерна дискуссия о фразе из книги Брейшит, касающейся Ноаха.

«Вот житие Ноаха. Ноах был человек праведный, непорочный в своем поколении» (Брейшит, 6:9).

Какие слова кажутся существенными? «В своем поколении». Почему же, спрашивают мудрецы, Тора включает их?

Характерно, что высказывается не одно мнение. Раби Йоханан говорит: «В своем (особенно порочном) поколении (Ноах был праведным и безупречным человеком), но не в других поколениях». Рейш Лакиш утверждает: «(Даже если) в своем поколении – то тем более в других поколениях» (Санѓедрин, 108а).

Наряду с подобными рассуждениями этот мидраш также демонстрирует, что каждый читатель понимает текст в свете своего собственного опыта. Возьмите точку зрения Рейш Лакиша: «Если даже в своем поколении Ноах был праведным, что же говорить, если бы он жил в другом обществе?» Талмуд сообщает нам, что Рейш Лакиш стал религиозным только во взрослом возрасте, а до этого был вором, гладиатором и цирковым служителем. Рейш Лакиш хорошо знал, как трудно быть хорошим, если происходишь из бедной и аморальной среды. В его глазах Ноах, происходивший из такой аморальной среды, но ставший праведником, был куда более велик, чем если бы вырос среди праведников.

Наконец, в современной еврейской жизни слово *Галаха* означает любую правовую проблему. Если вы хотите знать еврейский закон по какому-нибудь вопросу, спросите раввина: «Что говорит по этому поводу *Галаха*?» Это слово также употребляется для обозначения юридической части Талмуда, кодекса еврейского права (например, *Шулхан аруха*) или любого другого правового текста (например, «Ответов»).

Агада, как уже говорилось, – название негалахических частей Талмуда, и слово Агада в современном иврите относится к любому фольклорному произведению.

Название «мидраш» обычно применяется к известному сборнику Мидраш раба – комментариям на каждую из пяти книг Торы.

Часть третья. Раннее Средневековье. Под властью ислама и христианства

85. Мухаммад (571–632)

В юности Мухаммад был искренне предрасположен к евреям и иудаизму: он охотно соглашался, что его знание о Б-ге идет от них. Позднее, в Коране, он упоминает имя Моше более ста раз и заявляет, что арабы произошли от патриарха Авраама через его сына Ишмаэля. В период становления новой религии Мухаммад даже молился в сторону Иерусалима и соблюдал пост в Йом-Кипур.

К сожалению, это доброе отношение превратилось в неистовый гнев, стоило евреям не ответить Мухаммаду взаимностью и не признать его посланником Б-га. Как и христиане, евреи сочли, что все верное в учении Мухаммада не ново, а все новое – неверно. Мухаммад не очень хорошо знал Библию. В суре (главе Корана) 28:38 фараон (из книги Шмот) просит Ѓамана (из книги Эстер) построить Вавилонскую башню (начало книги Брейшит). Вдобавок евреям (как и христианам) явно не импонировали советы Мухаммада бить непослушных жен (4:38).

К несчастью для евреев, гнев отверженного ими сказался в Коране, священной книге ислама. Мухаммад здесь разными способами порочит евреев и иудаизм, например делает Авраама мусульманином, а не евреем: «Авраам не был ни иудеем, ни христианином, а был он... предавшимся (Аллаху) и не был из многобожников. Самые близкие к Аврааму люди, конечно, те, которые за ним последовали, и этот пророк, и те, которые уверовали. А Аллах – друг верующих» (3:60–61), – то упрекает евреев в том, что они нарочно исключили из своей Библии все пророчества о нем (9:32). Мухаммад даже обвинил евреев в том, что они не настоящие монотеисты, ибо они якобы поклоняются пророку Эзре как «сыну Аллаха» (9:30). Это особенно шокирует современных евреев, ведь большинство из них даже не знают толком, кем был Эзра (см.).

Эти обвинения Мухаммада в адрес евреев многие мусульмане считают исходящими от Аллаха и относят ко всем евреям на все времена. Например, в суре 2:58 Мухаммад говорит: «И воздвигнуто было над ними унижение и бедность. И оказались они под гневом Аллаха». В годы, предшествовавшие заключению мирного договора с Израилем, египетский президент Анвар Садат любил цитировать эти слова для описания отношения мусульман к евреям.

Хотя гнев Мухаммада вызывали сами евреи, по сути, его аргументы были направлены именно против иудаизма. Как правило, обращенные в ислам евреи легко ассимилировались мусульманским обществом.

86. Пакт Омара. Зимми

Многие неверно полагают, что евреи в исламском мире были равноправными гражданами до тех пор, пока сионизм не спровоцировал среди арабов антисемитские настроения. Но фактически в течение своего более чем тысячелетнего пребывания в сфере ислама евреи (и христиане тоже) жили здесь на положении граждан второго сорта.

Конечно, их общественный статус был выше статуса язычников. На территориях, завоеванных мусульманами, язычникам предоставлялся выбор – принять ислам или умереть. Евреи и христиане (зимми, как их называет ислам) могли исповедовать свою веру. Их жизнь регулировалась Пактом Омара (около 720 г.). Согласно ему, евреи и христиане были обязаны «вставать с места, когда (мусульмане) хотят сесть». Евреям и христианам запрещалось обращать кого бы то ни было в свою религию и препятствовать своим приверженцам принимать ислам. Им нельзя было повышать голос даже во время похорон, запрещалось ездить на лошадях и мулах (это считалось несовместимым с их низким статусом). Можно было пользоваться осликами, но только без седла.

Пакт Омара лишь положил начало дискриминационному законодательству. В последующие века в различных мусульманских государствах и евреи, и христиане периодически подвергались различным унижениям. Например, им предписывалось носить нелепую одежду, позволяющую сразу отличить их и придающую им глупый вид. В 807 г. халиф Гарун аль-Рашид обязал евреев носить высокий конический колпак и желтый пояс (едва ли не первый прообраз желтого знака, навешивавшегося на евреев в средневековой Европе). В Багдаде XI в. еврейские женщины должны были носить разноцветные башмаки (один черный, один красный) и медную цепочку на шее или на обуви.

К счастью, бывали и лучшие времена, когда подобные законы не действовали, а евреи могли достигать высокого положения (см. «Золотой век испанских евреев»). В Средние века жизнь евреев арабского мира была безопасней, чем у евреев Европы. Тем не менее в Египте халиф Хаким (XI в.) приказал христианам носить на шее полуметровый крест, а евреям – шары весом около 3 кг в «память» о том, что их предки некогда поклонялись голове тельца (см. «Золотой телец»). Евреи Йемена (мужчины и женщины) до того, как покинуть эту страну в 1948 г., должны были одеваться как нищие в знак своего низкого статуса. Задолго до арабо-еврейского конфликта нашей эпохи, в Стране Израиля XIX в., евреи могли ходить только слева от мусульман, потому что ислам идентифицирует левую сторону с сатаной. Встретив мусульманина на узком тротуаре, еврей должен был выйти на проезжую часть и пропустить мусульманина. Предписывалось размещать синагоги в удаленных и скрытых местах; молиться евреи могли только негромко. Джеймс Финн, британский консул в Палестине в 1850 г., описывает, как арабские купцы раздавали нераспроданные товары своим еврейским соседям и выставляли им счета, зная, что евреи не осмелятся вернуть товар и отказаться от уплаты.

Альбер Мемми, известный еврейско-французский романист, выросший в Северной Африке уже в XX в., так определил взаимоотношения евреев и мусульман: «В лучшем случае еврея защищали как собаку, являющуюся частью собственности своего хозяина. Но если он поднимал голову и чувствовал себя человеком, его полагалось бить, чтобы он не забывал, кто он есть». В июне 1941 г. более шестисот иракских евреев было убито в ходе страшного погрома.

Все это объясняет, почему многие евреи арабского мира поддерживали идею еврейского государства столь же энергично, как и их европейские собратья. Благодаря своему горькому историческому опыту выходцы из арабского мира в Израиле составляют большую часть тех, кто не доверяет арабам и не хочет идти с ними на компромисс.

87. Саадья Гаон (882–942). Геоним

В века, последовавшие за Великим восстанием (см.) и восстанием Бар-Кохбы, главный центр еврейского религиозного творчества переместился из Страны Израиля в Вавилонию (современный Ирак). Именно в крупных вавилонских йешивах в городах Сура, Неѓардеа и Пумбедита появился канонический текст Талмуда (известный сегодня как Вавилонский Талмуд). С III в. лидеры вавилонских йешив именовались геоним (в ед. числе – гаон, слово, в современном иврите означающее «гений»). Геоним, духовные вожди вавилонского еврейства, отвечали на религиозные вопросы, ставившиеся всем еврейским миром, и контролировали назначение рейш-галута, политического лидера вавилонского еврейства.

За все пять веков существования института геоним лишь один из них не был родом из Вавилона: это египетский еврей Саадья бен Йосеф. В назначении выходца из Египта на пост главы йешивы в Суре отразился беспрецедентный авторитет, которым он пользовался. Саадья был не только самым знаменитым ученым своего времени, но и пламенным лидером, не отступавшим перед натиском противников. Саадья отказался поддержать правовые и финансовые распоряжения, которые сделал рейш-галута Давид бен Закай. Тот продолжал давить на Саадью, и в конце концов в еврейской общине возник серьезный раскол. Саадья назначил другого рейш-галута, а Давид бен Закай – другого гаона. Постепенно взаимные обвинения становились все более резкими и нелепыми. Например, противник Саады обвинил его в подкупе государственных чиновников в субботу (абсурдное обвинение). Только много лет спустя богатейший еврей Багдада банкир Бишр бен Аарон наконец сумел примирить их.

Но Саадья вошел в историю своими трудами, а не политическими битвами. Прославила его «Книга веры и мнений» – первое систематизированное философское объяснение иудаизма. То, что эта книга, созданная в X в., продолжает издаваться (английское издание вышло в Йельском университете) спустя десять веков после ее написания, свидетельствует о ее значении. Саадья также перевел Библию на арабский язык и составил молитвенник для евреев, говоривших по-арабски.

Известен Саадья и критикой караимов (см.), еврейской секты, проповедовавшей библейский фундаментализм и притягивавшей к себе многих ортодоксальных евреев. Саадья попытался показать, что слишком буквальное понимание Торы делает ее установления зачастую бессмысленными. О масштабах последующей полемики можно судить по опубликованному в XIX в. сборнику «Караимские литературные оппоненты гаона Саады», куда вошло 49 полемических трудов, направленных против того, в ком караимы видели своего главного оппонента среди евреев.

Заслуги Саады спустя два века после его смерти по достоинству оценил Рамбам. В своем «Йеменском послании» великий еврейский мыслитель писал: «Если бы не Саадья, Тора могла бы исчезнуть из среды евреев».

88. Рейш-галута / экзиларх

Рейш-галута буквально означает «глава изгнанных» (диаспоры). Это официальный титул светских лидеров вавилонской еврейской общины. В европейских языках он именуется «экзилархом», «главой изгнания». Многие евреи удивляются, узнав, что такой пост просуществовал до XII в. По традиции человек, занимавший его, должен был быть прямым потомком царя Давида. Главной задачей экзиларха было представлять еврейскую общину перед властями.

Как правило, экзилархи действовали в тесном сотрудничестве с двумя ведущими раввинами Вавилона, возглавлявшими йешивы в Суре и Пумбедите. Религиозные лидеры и Рош Галут были взаимозависимы: экзиларх назначал руководителей йешив, а они в свою очередь одобряли назначение очередного рейш-галута. Это не было пустой формальностью. Хотя должность экзиларха была наследственной, она не передавалась автоматически старшему сыну: мудрецы и вожди общин имели право выбирать того из сыновей, кого считали самым подходящим. Однажды в VIII в. старший претендент по имени Анан был забаллотирован, поскольку раввины посчитали его еретиком. Разгневанный, тот порвал с еврейской общиной и основал секту караимов.

Еврейский путешественник Биньямин из Туделы посетил в 1168 г. Багдад и был глубоко поражен уважением, которым пользовался экзиларх Давид бен Хисдай. Биньямин сообщает, что на еженедельную встречу с халифом экипаж экзиларха сопровождали всадники, кричавшие: «Дорогу сыну Давида!» Евреи и даже мусульмане в присутствии экзиларха вставали. Порой экзилархи обладали очень широкими полномочиями, включая право взимать налоги с еврейской общины, накладывать штрафы и приговаривать к тюремному заключению. Раввин XII в. Птахья из Регенсбурга писал об экзилархе, у которого была своя тюрьма.

Со временем многие функции экзиларха перешли к мудрецам, в результате в Средние века роль экзиларха сошла на нет.

Сегодня о евреях, претендующих на руководящую роль в еврейской общине США, говорят: они хотят стать новыми рейш-галута.

89. Караимы

Караимы откололись от еврейской общины Багдада в VIII в., образовав отдельную секту. Их движение отвергало Устный Закон (см.) и настаивало на буквальном понимании Торы. В результате караимы быстро начали придерживаться ритуала, разительно отличающегося от ритуала остальных евреев. Например, они понимали стих книги Шмот (35:3) как запрет на использование в субботу любого огня и, таким образом, проводили весь день в темноте. Возникающее мрачное настроение еще более усиливалось запретом выходить из дома в субботу куда-либо, помимо синагоги.

Из-за споров о значении стиха (Ваикра, 23:15–16) караимы соблюдают праздник Шавуот (в память дарования Торы) в другой день, чем это делают остальные евреи, и не отмечают Хануку, поскольку в Библии этот праздник не упомянут.

Широко практикуемые еврейские обычаи (такие, как возложение «тфилин» или запрет одновременного употребления мяса и молока) отвергаются, поскольку в Торе о них специально не сказано, а Устный Закон – не аргумент для караимов. Даже когда взгляды евреев и караимов совпадают – как, например, на право несчастливой семейной пары на развод, – возникают проблемы. Слова и формулировки караимских декретов о разводе отличаются от тех, которые приняты у всех евреев, поэтому мудрецы постановили считать все караимские разводы недействительными.

По преданию, секта караимов возникла в результате политической борьбы внутри багдадской еврейской общины. Еврейский экзиларх (см. гл. 88) был бездетным, но имел двух племянников – Анана и Хананью. Когда экзиларх умер, Анан, как старший по возрасту, должен был наследовать ему. Но лидеры еврейской общины сомневались в его личных и религиозных качествах и отдали пост экзиларха Хананье. Возмущенный Анан перешел к нелегальной борьбе, вскоре был брошен в тюрьму и осужден на смерть. Друг подсказал ему, что единственный способ спастись – это убедить халифа, что он является не противником иудаизма (тогда евреи имели бы право просить о его казни), а лидером совсем иной религии. Анан последовал совету; так возникла секта караимов.

Неизвестно, насколько правдива эта история. Караимы считают ее клеветой и претендуют на то, что придерживаются истинной религии Библии: Талмуд и Устное Предание лишь извратили иудаизм.

И действительно, не исключено, что караимы возникли из остатков ранних еврейских сект (таких, как саддукеи), со времен Второго Храма подвергавших сомнению Устную Тору.

В первые века своего существования караимы успешно привлекали сторонников. В X в. Саадья Гаон отдал немало сил борьбе с их интерпретациями Торы и еврейского права. Если он и не преуспел в деле убеждения самих караимов, то, во всяком случае, остановил своими трудами волну перехода евреев в караимское движение. Со времен Саадьи численность общины караимов никогда не увеличивалась, но сама община не исчезла до сих пор – немало для секты, которой уже двенадцать веков. В разное время центр движения караимов помещался в Стране Израиля, Испании, Византии, Египте. В позднем Средневековье крупные караимские общины возникли в Литве и Крыму. В России XIX в. караимы были официально признаны особой конфессией, на них не распространялось дискриминационное антисемитское законодательство. Это буквально спасло тысячи караимов веком спустя, когда Германия вторглась в Советский Союз. Один из самых странных эпизодов Катастрофы – обращение нацистов к трем еврейским ученым (Зелигу Калмановичу, Меиру Балабану и Ицхаку Шипперу) с вопросом, считаются ли караимы этническими евреями. Чтобы спасти жизнь караимов, все трое ученых солгали, заявив о нееврейском происхождении караимов.

Недавно еврейский ученый Даниэль Ласкер выдвинул смелую гипотезу. Почему караимы так и не стали массовым течением? Ведь и христианство, и реформистский иудаизм тоже отвергают устную традицию, но обрели куда больше сторонников, чем караимы. «Очевидная причина привлекательности (христианства и реформистского иудаизма), – полагает Ласкер, – в их отказе от еврейского закона как средства спасения. Если бы Анан также поощрял освобождение от талмудического права, не заменяя его своим собственным, еще более строгим кодексом, он мог бы привлечь к себе гораздо больше сторонников». Позже сами караимские учителя пошли на изменение некоторых, наиболее строгих предписаний, но к тому времени, заключает Ласкер, «судьба соревнования была уже решена».

Сегодня насчитывается около десяти тысяч караимов, большинство из них живет в Израиле. Руководят ими их собственные раввины (см. «Фарисеи и саддукеи» и «Устный Закон»).

90. Каирская гениза

В еврейской традиции священные книги (свитки Торы, молитвенники, Талмуд) чтутся столь высоко, что их нельзя выбрасывать. Когда ими уже нельзя пользоваться по ветхости, эти книги хоронят в земле. Так, в 1988 г. несколько свитков Торы, которые пострадали от хулиганов, были публично преданы земле на еврейском кладбище Нью-Йорка. С такими книгами можно поступать и иначе – как было сделано в средневековой синагоге «Эзра» в Каире. Для хранения священных книг и текстов были устроены большие антресоли, названные гениза («хранилище»). Со временем египетские евреи, зная, что содержимое хранилища останется неприкосновенным, стали складывать туда и другие важные документы. Каирская гениза постепенно наполнилась личными письмами, деловой корреспонденцией, документами и разнообразными религиозными текстами. В течение веков ничья рука к ним не прикасалась. У каирских евреев было поверье, что того, кто тронет священные бумаги, постигнет беда. Но не только это препятствовало изучению содержимого генизы. Ее помещение было практически недосыгаемым, не имело окон и дверей. Попасть туда можно было только по приставной лестнице через отверстие у карниза синагоги.

Гениза была раскрыта лишь в 1896 г. Вскоре ее сокровища осмотрел крупный еврейский ученый Шломо Шехтер, под его руководством более ста тысяч листов документов были перевезены в Кембриджский университет, где Шехтер много лет преподавал. До сих пор в этом фонде еще делаются новые открытия.

250 тысяч документов генизы признаны одним из величайших сокровищ иудаики. Самой знаменитой находкой стал ивритский оригинал апокрифической «Книги Проповедника», известной ранее лишь в греческом переводе. Но не менее важны многочисленные документы о жизни евреев в Египте и Стране Израиля со времен Мухаммада и до Первого крестового похода (почти ничего об этом периоде раньше известно не было), множество материалов по истории караимов. Видный ученый Шломо-Дов Гойтейн провел за изучением документов генизы целых полвека, опубликовав пятитомное исследование «Средиземноморское общество», где в мельчайших деталях показана повседневная религиозная, интеллектуальная и социальная жизнь средневековых евреев арабского Египта.

91. Золотой век испанского еврейства

X–XII века известны как золотой век испанского еврейства. В тот период многие евреи занимали высокие правительственные посты, еврейская религиозная и культурная жизнь процветала.

На протяжении золотого века большую часть Испании контролировали беспрецедентно терпимые к иудаизму мусульманские правители Испании (вплоть до того, как Испания была вновь отвоевана христианами; мусульмане пришли сюда в 711 г. и продержались в некоторых районах Испании до 1492 г.).

Хасдай ибн Шапут, выдающийся еврейский деятель X в., как бы олицетворял собой успехи, достигнутые евреями в то время. Он был личным врачом и дипломатическим советником двух халифов, представлял их правительство во многих дипломатических миссиях и был одним из самых влиятельных лиц Испании. Глубоко верующий еврей, Хасдай использовал свою власть и влияние для поддержки еврейских ученых и еврейских школ. Он вошел в историю и благодаря своей переписке с Йосефом, одним из последних еврейских правителей Хазарии (см. гл. 92). Обращаясь к единственному еврейскому монарху в мире, Хасдай пишет о страстном стремлении своих соотечественников-евреев обрести еще и политическую независимость. Йосеф был поражен его красноречием и интеллектом и пригласил Хасдая к себе на службу. Согласился ли тот – не ясно: через несколько лет Русь покорила Хазарию, и еврейское царство на Волге погибло.

Самым знаменитым из еврейских поэтов и философов золотого века был Йеѓуда Ґалеви (см. гл. 92). За полвека до Ґалеви жил поэт и философ Шломо ибн Гвириоль, чьи труды повлияли и на еврейский, и на средневековый христианский мир. Ибн Гвириоль обладал острым психологическим чутьем. «Хотите знать, кто ваш друг и кто ваш враг? – спрашивал он в своих «Жемчужинах мудрости». – Тогда посмотрите в глубь вашего собственного сердца». В этой же книге он писал: «Мой друг тот, кто скажет мне о моих недостатках наедине». Еще один мыслитель золотого века – Бахья ибн Пакуда, чье систематическое изложение еврейской моральной теологии – «Обязанности сердца» до сих пор изучается в йешивах по всему миру. Отражая необычно добрые отношения, воцарившиеся тогда между евреями и их соседями, Бахья особо выделяет мусульманских суфиев, которых характеризует как хасидим («ревнители», «праведники»). В средневековой еврейской литературе трудно найти столь же теплые выражения о нееврейских духовных авторитетах. Выдающейся фигурой заката золотого века стал Авраам ибн Эзра: его комментарии к Торе и сегодня изучают религиозные евреи.

Но и золотой век имел свои пятна. В 1066 г. волна антисемитизма поднялась вокруг Йосефа ибн Нагделы, весьма заносчивого визиря – правителя Гранады. Враги Йосефа распространили слухи, будто он замышляет предать государство неприятелю и захватить трон. Дворец, где жил визирь, был разгромлен, Йосеф спрятался в угольном подвале и попытался покрыть себя пылью до неузнаваемости. Но тщетно – его терзали и распяли на кресте. Всего в ходе этого погрома погибло около четырех тысяч евреев. Однако в остальной Испании евреи благополучно прожили еще почти целый век.

Золотой век испанского еврейства окончился, когда в XII в. к власти в Северной Африке пришло мусульманское движение Альмохадов. Еврейской общине Испании был предложен выбор, в любом случае неприемлемый для нее: обращение в ислам, выселение или смерть. Впрочем, затем положение испанских евреев несколько улучшилось. Но процесс, завершением которого стало изгнание испанских евреев в 1492 г., уже был необратим.

92. Йеѓуда Ѓалеви (1080–1142). Хазары

Хазария располагалась к юго-востоку от Руси в нижнем течении Волги и была населена народом тюркского происхождения. Хазарское предание гласило, что около 740 г. местный властитель Булан пригласил евреев, христиан и мусульман и попросил каждого из них указать достоинства своей религии. В итоге Булан выбрал иудаизм. Он не настаивал, чтобы подданные последовали его примеру, но многие из них это сделали. Правдиво ли предание, уже никогда не узнать. Известно, однако, что Хазария просуществовала как независимое иудейское государство в течение более чем двух веков. Информация в средневековом мире распространялась очень медленно, и к тому времени, как мировое еврейство узнало о Хазарии, это государство доживало последние дни своей независимости. В 969 г. Хазарское государство было уничтожено русскими.

Примерно спустя 150 лет Йеѓуда Ѓалеви, крупнейший еврейский поэт Средневековья, создал свой философский шедевр «Кузари: книга доказательств в защиту презируемой религии». В этом философском труде он реконструирует аргументы, которые представители разных религий могли представить Булану. И христиане и мусульмане признают иудаизм наиболее верной религией, не считая своих собственных. Ведь и христианство и ислам признают откровение Б-га Моше и, следовательно, считают, что Тора – истина, пусть и превзойденная последующими откровениями. Но ни одна из этих двух религий не считает истиной откровения друг друга.

На Булана позитивные отзывы об иудаизме производят столь благоприятное впечатление, что он призывает к себе раввина. Остальная часть книги «Кузари» состоит из диалога Булана с раввином. Гость доказывает, что истинность иудаизма – исторический факт: иудаизм начался Б-жественным откровением перед сотнями тысяч людей. Если бы евреи в пустыне не слышали глас Б-жий на Синае, они бы никогда не приняли Торы. Таким образом, религиозные корни евреев восходят к людям, которые лично пережили присутствие Б-га на Синае.

Характерная черта раввина в книге «Кузари» – убежденность его в духовном превосходстве евреев, изначально им присущем. Он считает, что только евреи могут быть пророками. Но хотя убеждения раби Ѓалеви имеют отчетливую национальную окраску, было бы несправедливым сводить их к расизму. Ведь весь пафос аргументов «Кузари» направлен на то, чтобы убедить нееврейского властителя принять иудаизм. Когда Булан укоряет своего еврейского собеседника за шовинизм – «Твои слова стали так убоги, хотя только что были столь приятны» – и указывает ему на униженное положение и великие страдания евреев по всему миру, раввин отвечает, что страдания евреев добровольны и поэтому не позорны. Стоит евреям только согласиться перейти в христианство или ислам, и их немедленно освободят от всяких преследований. Но ведь очень немногие так поступают.

Книга «Кузари» страстно защищает и желание евреев возвратиться на свою историческую родину. Как народ Израиля раби Ѓалеви считает особо духовным, так и землю Израиля – особо одухотворенной. Он верит, что евреи могут достичь вершины своей религиозной активности в Святой стране (почему раби Ѓалеви и остается самым популярным среди религиозных евреев философом). В конце книги раввин сообщает Булану, что немедленно выезжает в Эрец-Исраэль.

В жизни раби Йеѓуды Ѓалеви реальные поступки всегда следовали за его вымыслом. На закате жизни он покинул Испанию и предпринял трудное путешествие в Страну Израиля. Он всю жизнь готовился к этой поездке – разными способами. «Мое сердце на Востоке, – пишет он в своей самой знаменитой поэме, – но сам я на крайнем Западе». К несчастью, стоило Ѓалеви прибыть в Иерусалим, как он был убит арабским всадником.

93. Альмохады

Альмохады – фанатичное и могущественное мусульманское движение, которое предложило и евреям, и христианам выбор: обращение в ислам или смерть, хотя иногда допускали и «гуманный» третий путь – изгнание. Их внезапное появление в Марокко и Испании в XII в. ознаменовало катастрофический упадок всей жизни евреев исламского мира.

До появления альмохадов все мусульмане рассматривали евреев и христиан как «людей Писания» (т. е. Библии). Отношение к обеим этим религиям было терпимым, потому что они были монотеистическими, как и сам ислам. Пока «люди Писания» добровольно соглашались на гражданскую дискриминацию, им было обеспечено право на жизнь.

Альмохады, однако, отвергли такую терпимость. Их лидеры заявили, что обнаружили своего рода «завешание» Мухаммада, согласно которому терпимости мусульман к евреям должен прийти конец спустя пятьсот лет после возникновения ислама. Если за это время не появится еврейский Машиах, евреи должны отказаться от своей религии и стать мусульманами.

В 1146 г. Абд эль-Мумин, создатель империи альмохадов в Северной Африке и в Испании, предложил евреям Феса (столицы Марокко) выбор: ислам или меч. Вскоре после этого почти все евреи Феса были убиты. Те несколько евреев, которые приняли ислам, находились под неустанным наблюдением. Стоило заметить, что они совершают еврейские ритуалы, и их казнили.

В ответ на эти угрозы десятки тысяч евреев в поисках более терпимого окружения бежали из Испании и Марокко. Самой знаменитой жертвой гонений альмохадов стал Рамбам, который вместе с семьей скрылся из Испании в Египет. Шломо-Дов Гойтейн, известный специалист по еврейской жизни в исламском мире, определил режим альмохадов одной фразой: «Все ужасы испанской инквизиции были предвосхищены уже при альмохадах».

94. Маймонид / Рамбам (1135–1204)

Авраам Йеѓошуа Гешель заметил: если бы мы не знали, что Рамбам – имя человека, можно было бы принять это слово за название целого университета. Труды и достижения этого еврейского мыслителя XII в. охватывают невероятное множество проблем. Рамбам первым составил полный систематизированный кодекс еврейского права («Мишнэ Тора»), ему принадлежит замечательный философский манифест иудаизма «Морэ невухим» («Наставник заблудших»), им опубликован комментарий ко всей Мишне. Врач египетского султана, он написал многочисленные книги по медицине, а в «свободное время» руководил еврейской общиной Каира. Поэтому неудивительно, что, когда Шмуэль ибн Тибон (переводивший на иврит написанный по-арабски «Наставник заблудших») попросил у Рамбама разрешения посетить его для обсуждения некоторых трудных для перевода мест, Рамбам был вынужден отказать: «Я живу в Фостате, а султан в Каире (около полутора километров)... Мои обязанности при дворе султана очень обременительны. Я должен посещать ежедневно его рано утром, а когда он, или его дети, или обитатели гарема заболевают, я не осмеливаюсь покидать Каир, но должен большую часть дня проводить во дворце. Часто случается, что заболевают султанские офицеры, и я также должен их лечить. Поэтому я, как правило, езжу в Каир в начале дня, и, даже если ничего особенного не случается, я не возвращаюсь в Фостат раньше полудня... Моя приемная всегда полна – как евреями, так и неевреями, знатью и простолюдинами, судьями и чиновниками, врагами и друзьями – пестрая толпа, которая ждет моего возвращения. Я схожу с коня, мою руки, иду к своим пациентам и прошу у них извинения, чтобы хоть немного отдохнуть и поесть, это моя единственная трапеза в течение суток. Затем я иду принимать пациентов, выписываю рецепты... Пациенты приходят и уходят до самого вечера, а иногда, я клянусь тебе, и до двух часов ночи и более. Я беседую с ними и выписываю рецепты лежа, умирая от усталости. И когда наступает ночь, я так выдыхаюсь, что едва могу говорить. В результате ни один еврей не имеет возможности поговорить со мной наедине, за исключением субботы. В этот день вся община, по меньшей мере большинство ее членов, посещает меня после утренней службы, и я даю им указания на целую неделю. Мы немного занимаемся до полудня, когда они уходят. Некоторые возвращаются и читают со мной после полуденной службы до вечерней молитвы. Так я провожу этот день».

Полное имя Рамбама – Моше бен Маймон. На иврите его называют сокращенно – Рамбам (Раби Моше бен Маймон). Он родился в Испании незадолго до прихода к власти фанатиков-мусульман альмохадов (см.). Чтобы избежать преследований со стороны этой мусульманской секты (которая предоставляла христианам и евреям только один выбор – принять ислам или погибнуть), Рамбам бежал с семьей в Марокко, затем в Страну Израиля, наконец, в Египет. По-видимому, он надеялся продолжить свои ученые занятия еще несколько лет, но, когда его брат Давид, торговец-ювелир, погиб в Индийском океане с большей частью имущества семьи, он был вынужден зарабатывать себе на жизнь. Возможно, именно тогда Рамбам начал заниматься медициной.

Главным вкладом Рамбама в еврейскую жизнь остается «Мишнэ Тора», кодекс еврейского права. Он хотел составить книгу, которая служила бы для евреев руководством по поведению в любых ситуациях. Этот кодекс избавлял от необходимости тратить массу времени на поиски нужного места в Талмуде и позволял обходиться его пособием. Неудивительно, что это дерзновенное предприятие не расположило к Рамбаму многих традиционных евреев, поскольку они боялись, что люди будут целиком полагаться на его кодекс и не станут изучать Талмуд. Несмотря на подобную, временами сильную, оппозицию, кодекс «Мишнэ Тора» стал базовым руководством по еврейской практике. Позже он послужил моделью для «Шулхан арух», кодекса XVI в., до сих пор авторитетного среди ортодоксальных евреев.

С философской точки зрения Рамбам был религиозным рационалистом. Его яростные нападки на евреев, придерживавшихся примитивных, на его взгляд, воззрений – на тех, например, кто буквально понимал такие библейские выражения, как «перст Б-жий», – столь выводили из себя оппонентов Рамбама, что они запрещали части его кодекса и весь «Наставник заблудших». Другие, более либеральные, ограничивались запретом на изучение «Наставника» несовершеннолетним. Согласно старой шутке, эти раби боялись, что евреи начнут читать части «Наставника», где Рамбам излагает принципы рационального отношения к религии, и заснут еще до того, как дойдут до места, где он критикует это рациональное отношение, – и, таким образом, проведут ночь как еретики.

Но оппоненты реагировали на труды Рамбама нешуточным образом. Три ведущих раввина Франции сообщили о своем осуждении книг Рамбама католическим монахам-доминиканцам, которые возглавляли французскую инквизицию. Инквизиторы были только рады предать эти книги огню. Восемь лет спустя, когда доминиканцы начали жечь и Талмуд, р. Йона Геронди, один из этих раввинов, решил, что так Б-г наказывает его и всех французских евреев за их несправедливое осуждение Рамбама. Он решил поехать на могилу Рамбама в г. Тверию, что в Стране Израиля, чтобы выпросить прощение.

Для большей части еврейского мира Рамбам оставался несомненным героем. Когда он умер, египетские евреи соблюли три полных дня траура и отнесли к его смерти библейские слова: «И ковчег Б-жий был взят» (Шмуэль I, 4:1).

И по сей день Рамбам вместе с еврейским мудрецом из Франции Раши – наиболее широко изучаемые еврейские ученые. Ученики нынешних йешив обычно концентрируются на «Мишнэ Тора» и другом труде Рамбама, «Книге заповедей», где собрано 613 предписаний Торы. Рамбам также сформулировал символ веры иудаизма, выраженный в тринадцати пунктах, его адаптированный текст помещается во многих еврейских молитвенниках. Среди прочего здесь подтверждаются единственность Б-га, Б-жественное происхождение Торы и загробная жизнь. Двенадцатый пункт этого символа веры: «Я всем сердцем верую в приход Машиаха, и, даже если он задерживается, я все равно буду ждать его», – нередко был последними словами евреев, которых гнали в газовые камеры.

Рамбам – один из немногих еврейских мыслителей, чье учение повлияло и на нееврейский мир: многие из философских концепций «Наставника», посвященные Б-гу и другим теологическим проблемам, имели значение не только для евреев. Фома Аквинский в своих трудах ссылается на «раби Моисея», обнаруживая свое глубокое знакомство с «Наставником». В 1985 г., в 850-ю годовщину рождения Рамбама, среди спонсоров юбилейной конференции ЮНЕСКО в Париже были не признававшие Израиль Куба и Пакистан. Виталий Наумкин, советский ученый, заметил по этому поводу: «Рамбам, вероятно, единственный философ Средних веков, а может быть, и нашего времени, который символизирует единение четырех культур: греко-романской, арабской, еврейской и западной». Более того, Абдурахман Бадави, мусульманский профессор Кувейтского университета, заявил: «Я считаю его прежде всего арабским мыслителем». То же повторил и саудовский профессор Хусейн Атай: «Если не знать, что он был евреем, его легко принять за мусульманского автора». Но это если не читать еврейских сочинений Рамбама. Среди участников этой конференции наиболее точное определение дал, видимо, Шломо Пинес: «Рамбам – самый влиятельный еврейский мыслитель Средневековья и, вполне возможно, всех времен». Известное еврейское выражение гласит: «От Моше (Торы) и до Моше (Рамбама) не было подобного Моше».

95. Запрет многоженства. Декреты раби Гершона

Раби Гершону, жившему в Германии в X в., приписывают ряд декретов, которые резко повысили статус женщины в еврейском праве и подняли еврейскую мораль в других вопросах. Три самых знаменитых закона, приписываемых ему, – это запреты на полигамию, на развод против воли женщины и на чтение чужих писем.

Наиболее известен запрет многоженства, хотя полигамия к тому времени уже не практиковалась широко среди евреев (по крайней мере, в последнее тысячелетие). Из примерно двух тысяч мудрецов, упомянутых в Талмуде, нет никого, кто имел бы более одной жены. Тем не менее многоженство официально не было запрещено и иногда практиковалось.

Раби Гершом рассматривал полигамию как *хилуль шаем* (профанацию Б-жьего имени), поскольку евреи выглядели менее нравственными, чем их моногамные соседи-христиане. Раби Гершом, возможно, исходил из того характерного факта, что, хотя установления Торы разрешали полигамию, само содержание Торы ей противилось. Практически каждый случай полигамии, описанный в Библии, связан с несчастьем. Например, хотя Сара сама поощряла Авраама взять в наложницы Гагар, кончилось все тем, что обе женщины возненавидели друг друга. Два поколения спустя Яков женился на сестрах Лее и Рахели; результатом этого полигамного брака было горе, омрачившее и следующее поколение: сын Леи возненавидел первенца Рахели Йосефа. Библия с неодобрением описывает и многочисленных жен, которых много позже брал себе царь Шломо, потому что они приносили в Израиль идолопоклонство. Словом, хотя Библия разрешала полигамию, она явно предпочитала принцип «один муж – одна жена». «Потому, – учит Тора, – (да) оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей, и станут они одной плотью» (Брейшит, 2:24). Наконец, самое явное свидетельство предпочтения Торой моногамии – в том, что первыми людьми Б-г сделал одного Адама и одну Хаву.

В отличие от своих европейских единоверцев евреи, жившие в сфере ислама (где большое число жен – показатель высокого социального статуса), не считали полигамию зазорной и не приняли запрещения раби Гершона. В 1948 г., когда было создано Государство Израиль, некоторые евреи, репатриировавшиеся туда из арабского мира (особенно из Йемена), прибыли с несколькими женами. Правительство сохранило в силе заключенные супружеские союзы такого рода, но запретило новые полигамные браки. Так что сегодня полигамия запрещена повсеместно – и в еврейском государстве, и за его пределами.

Декрет раби Гершона, запрещающий разводиться с женщиной против ее воли, исправил давнюю несправедливость в еврейском правовом кодексе. По законам Торы и Талмуда муж может развестись с женой против ее желания, используя практически любой повод. Мудрецы пытались удержать мужчин от этого, требуя уплаты больших алиментов (см. «Ктуба» и «Гет»), но и алименты не всегда были достаточным препятствием. Со времен же раби Гершона принятие решения о разводе значительно усложнилось.

Запрет на чтение чужих писем был особенно важен во время, когда письма посылали не через безличную почтовую контору, а вручали их гонцам. Хотя это кажется самоочевидным, но раби Гершом имел все основания считать свой декрет необходимым. Даже сегодня многие не считают корреспонденцию чьей-то частной собственностью. Нередко люди без больших колебаний читают чужую корреспонденцию, не испрашивая разрешения – в отличие, скажем, от взятия без спроса чужой машины. С точки зрения еврейского права оба эти акта равно запрещены на одном и том же основании. В Израиле я встречал на конвертах наклейку «*Таканат рабейну Гершом*» («Декрет раби Гершона») – напоминание излишне любопытствующим об этом запрете на чтение чужих писем, принятом еще в X в.

Особо деликатен четвертый декрет раби Гершона, запрещающий напоминать отступникам от иудаизма, возвратившимся в еврейскую общину, об их грехе. Собственного сына раби

Гершома насильно обратили в христианство, и он умер, не вернувшись к родительской вере, тем не менее раби Гершом оплакивал сына так, как положено по еврейским законам.

Гуманистическая направленность декретов раби Гершома принесла ему титул, который практически неизменно сопровождает его имя: *рабейну Гершом меор гагола* («раби Гершом, светоч изгнания»).

96. Раши (1040–1105). Рабейну Там (1100–1171). Ришоним

Рамбам считается величайшим еврейским философом и интеллектуалом Средних веков. Раши же – величайший учитель этого времени. После его смерти прошло около девяти столетий, но евреи, изучающие Тору и Талмуд (две самые важные книги иудаизма), неизменно пользуются его комментариями. Из сотен переизданий Талмуда начиная с XVI в. практически ни одно не обходилось без комментария, сделанного этим французским евреем. И если бы Раши не написал свой комментарий, объясняющий трудные арамейские слова и ведущий читателя по прихотливым и иногда запутанным логическим путям, Талмуд мог бы оказаться давно забытым.

Величайший еврейский учитель родился в Труа (Франция) в 1040 г. Его полное имя – раби Шломо бен Ицхак, сокращенно Раши. В то время в Труа проживало не более сотни евреев. Кажется необычным, что такой крупный ученый вышел из столь маленькой общины, ведь современные евреи, живущие в небольших общинах, обычно жалуются на невозможность дать своим детям нормальное еврейское образование в таких условиях.

В молодости Раши провел несколько лет в йешиве в Майнце, созданной раби Гершомом (см. гл. 95). Когда ему было около 25 лет, вернулся в Труа и открыл свою собственную еврейскую школу. Раши не брал платы за обучение, получая доход от нескольких принадлежавших ему виноградников. Его профессиональный труд отнимал много времени, и в одном из своих писем он просит прощения за краткость ответа, объясняя, что вместе с семьей был занят сбором винограда. Но виноградники оставляли, по-видимому, достаточно времени для работы над комментариями. Последние годы жизни Раши были омрачены волной антисемитизма, прокатившейся по Франции и Германии вместе с крестоносцами. Хотя через Труа крестоносцы не проходили, тысячи евреев в других местах Европы были убиты, еще тысячи изувечены и еще тысячи ограблены. Многие ради сохранения своей жизни приняли христианство, чтобы потом вновь вернуться в иудаизм. Раши выступал за терпимое отношение к таким людям: «Будьте осторожны, чтобы не оттолкнуть тех, кто хочет к нам вернуться... Они стали христианами только под страхом смерти, и, как только угроза исчезла, они спешат вернуться в свою веру».

Самая характерная черта комментариев Раши – это, пожалуй, их краткость и ясность. Он неоднократно перерабатывал их текст, пытаясь сделать его более точным и лаконичным. Он как-то упрекнул своего внука раби Шмуэля за то, что тот дает слишком пространственный комментарий к одному из положений Талмуда: «Если ты станешь таким образом комментировать весь Талмуд, комментарий будет тяжелым, как колесница».

До сих пор литературный стиль Раши оказывает заметное влияние на ивритоязычную литературу. Великий еврейский поэт Хаим Нахман Бялик считал Раши своим вдохновителем, то же отмечал и Шмуэль Йосеф Агнон в своей нобелевской речи (1966).

В своих комментариях к Торе Раши объясняет термины на основе как их буквального («пшат»), так и проповеднического или ритуального («драш») значений (см. «Мидраш»). Часто оба толкования совмещены в одном комментарии. Например, в книге Брейшит (25:21) читаем: «И молился Ицхак Г-споду о жене своей, потому что она была бездетна; и Г-сподь выполнил просьбу его, и зачала Ривка, жена его». Раши сначала поясняет, что слово *вайетар* («молился») подразумевает «молился много и серьезно»; многие библейские цитаты подтверждают это значение слова. Затем он берет необычное выражение еврейского текста *Ленохах ишто*, отмечая, что хотя обычно оно переводится как «(молился) о жене своей», но буквально значит «напротив своей жены», почему Талмуд и предполагает, что Ицхак молился в одном углу, а Ривка – в другом. Раши не только объяснил читателю буквальное значение слов Торы, но и дал представление о помещении, в котором молились Ицхак и Ривка. Понятно, что с тех

пор многие бездетные еврейские пары молились в разных углах комнаты, следуя объяснению Раши.

Склонность Раши ссылаться на легенды из Талмуда и мидрашей в его комментариях к Торе заставила позднейшего библейского комментатора, Авраама ибн Эзру, яростно нападать на него: «В трудах (Раши) из тысячи объяснений нет ни одного рационального». Конечно, это большое преувеличение, хотя на склоне лет Раши и признавался своему внуку раби Шмуэлю, что, если бы у него было больше времени, он бы переписал свой комментарий, чтобы приблизить его к буквальным значениям текста.

Первый же комментарий Раши к Торе «В начале сотворил Б-г небо и землю» (Брейшит, 1:1) звучит так, словно имеется в виду современный арабо-израильский конфликт. «Строго говоря, – пишет Раши, – Тора должна была бы начинаться стихом: «Месяц сей для вас начало месяцев» (Шмот, 12:2), что составляет первое предписание, данное (евреям). Почему же Тора начинается с описания творения? Чтобы показать, что Б-г Творец владеет всем миром. Поэтому, если все народы мира скажут Израилю: «Вы разбойники, завоевавшие землю семи племен кнаанских», Израиль может им ответить: «Вся земля принадлежит Б-гу – Он создал ее, поэтому Он может давать ее тем, кому Он пожелает».

Комментарий к книге Брейшит (6:9) – «Ноах был человек праведный, непорочный в роде своем» – касается позиций обеих сторон в известном споре мудрецов относительно характера Ноаха: «Некоторые мудрецы толкуют этот стих в пользу Ноаха, замечая, что, если ему удалось быть праведным в такой дурной среде, каким бы праведным он был, если бы жил во времена праведных людей! Но другие тем не менее толкуют эту фразу против Ноаха, указывая, что она подразумевает, что Ноах был праведным только по меркам своего века, но если бы он жил во времена Авраама, его бы просто не заметили».

Комментарий Раши к Торе получил столь широкое распространение, что для евреев стало обязательным читать еженедельный раздел Торы вместе с его комментарием. Он стал первой книгой, напечатанной на еврейском языке в 1475 г. – даже раньше самой Торы. Знание Торы с комментариями Раши было повсеместной нормой еврейской образованности на протяжении многих поколений. За девять веков к самим комментариям Раши написана еще добрая сотня других комментариев.

Комментарий Раши к Талмуду удовлетворил гораздо большую потребность, чем комментарий к Торе. Язык Торы очень прост. Талмуд с его сочетанием арамейских, еврейских и иногда греческих терминов понимать куда сложнее. По сей день изучающим Талмуд советуют прочесть его с комментариями Раши и потом только предлагать свои собственные толкования.

В каждом печатном издании Талмуда наряду с комментарием Раши дается и другой комментарий, именуемый Тосафот. Это плод двухвекового труда, в котором главное участие приняли пятеро потомков Раши – два зятя и три внука. Один из внуков, раби Яков Там (известный как Рабейну Там), возглавил еврейскую общину Франции спустя несколько десятилетий после смерти Раши. Он был не только первоклассным специалистом, но и уверенным и решительным руководителем. Рабейну Там настоял на отлучении любого еврея, который поставил под сомнение действительность еврейского «гета» (декрета о разводе), т. к. опасался, что если еврейка может после развода выйти замуж, а затем окажется, что развод недействителен, то ее могут обвинить в прелюбодеянии.

Он спорил и с собственным уважаемым дедом Раши по поводу порядка, в котором текст Торы вкладывается в «тфилин» (филактерии). Хотя еврейская община последовала указаниям Раши, уважение к Рабейну Таму побудило некоторых религиозных евреев возлагать каждое утро две пары «тфилин» – одну согласно Раши, другую – следуя Рабейну Таму (вторая пара «тфилин» и называется «Рабейну Там»).

Термин *ришоним* («первые») относится ко всем еврейским ученым, жившим до раби Йосефа Каро, автора «Шулхан аруха», кодекса еврейского права XVI в. Труды *ришоним* обычно

считаются более авторитетными, чем ученых периода после «Шулхан арух», известных как *ахроним* («позднейшие»). Среди наиболее выдающихся *ришоним* Раши, Рабейну Там, авторы Тосафот, Рамбам, Рамбан и Ибн Эзра.

97. Крестоносцы

Когда мне было восемь лет и мы поехали на несколько дней в гости к дедушке, я взял с собой одностомник всемирной истории для детей. Прочитав раздел о Средневековье, я посреди праздничной трапезы ляпнул: «Какие прекрасные люди эти крестоносцы! Они рисковали своей жизнью ради Б-га!» За столом воцарилось напряженное молчание, словно я предложил заменить бабушкину фаршированную рыбу свиными отбивными. Только потом я понял, что слово «крестоносцы» по-разному звучит для христианина и для еврея. Для многих западных христиан (возможно, для большинства) крестоносцы – пример высокого религиозного идеализма. Крестоносцами восхищаются за то, что те пожертвовали личными и семейными интересами и рисковали жизнью во имя освобождения Иерусалима от мусульманского владычества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.